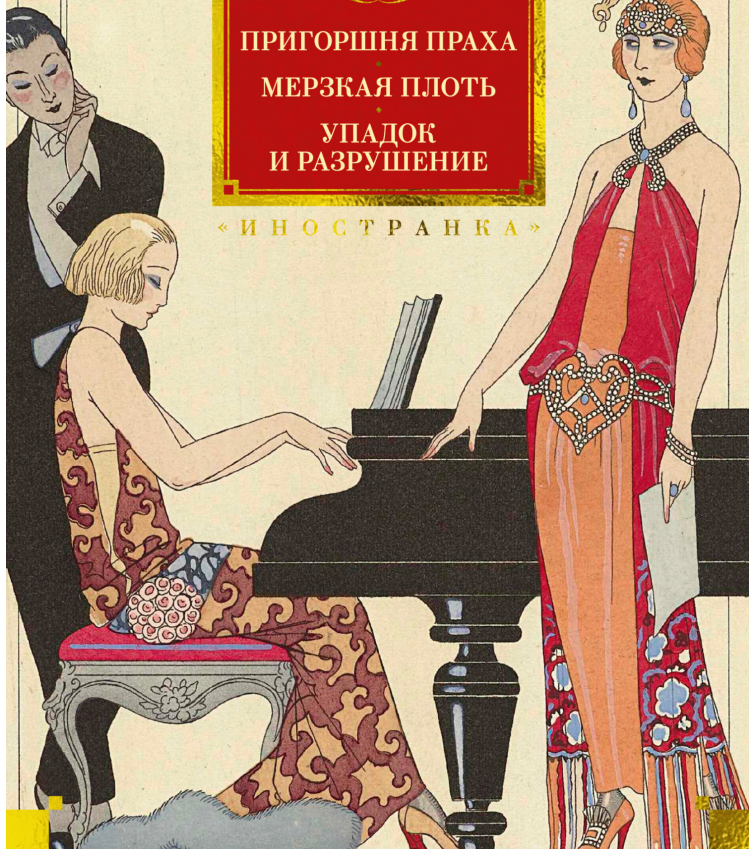

БОЛЬШИЕ КНИГИ

Ивлин Во

ПРИГОРШНЯ ПРАХА
МЕРЗКАЯ ПЛОТЬ
УПАДОК
И РАЗРУШЕНИЕ

« И Н О С Т Р А Н К А »

Ивлин Во
**Пригоршня праха. Мерзкая
плоть. Упадок и разрушение**
Серия «Иностранная
литература. Большие книги»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68873442

И. Во. Пригоршня праха. Мерзкая плоть. Упадок и разрушение: ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»; Москва; 2023

ISBN 978-5-389-22330-1

Аннотация

Ивлин Во (1903–1966) – выдающийся британский писатель, биограф и журналист, один из самых тонких стилистов, а также признанный мастер черного юмора и убийственно едкой сатиры; создатель гротескно-смешных фантазий, где причудливо преломляется жизненный уклад уходящей в прошлое Британской империи. В настоящее издание вошли три романа, которые, без сомнения, можно отнести к наиболее ярким и широко известным произведениям автора: «Пригоршня праха», «Мерзкая плоть» и «Упадок и разрушение». Их персонажи принадлежат к разным поколениям и разным классам. Герой романа «Пригоршня праха» Тони Ласт – землевладелец, наивный идеалист и романтик,

поверженный в прах после измены жены и гибели сына. Персонажи романа «Мерзкая плоть» принадлежат к поколению двадцатых годов прошлого века; они проводят свои дни в неустойчивой погоне за светскими удовольствиями, упражняя свои изобретательные умы в новых капризах и авантюрах. Главный герой романа «Упадок и разрушение» – учитель, поступающий на работу в привилегированную закрытую школу, после того как его с позором изгнали из Оксфорда за участие в буйной вечеринке. Этих героев, таких разных, объединяет некая общая фатальная судьба, неотвратимый рок, толкающий их к безрассудным, порой необъяснимым поступкам и решениям.

Содержание

Пригоршня праха	6
1. Du côté de chez Beaver[1]	6
2. Английская готика I	17
3. И Тони пришлось туго	94
4. Английская готика II	191
5. В поисках града	233
Конец ознакомительного фрагмента.	235

Ивлин Во
Пригоршня праха.
Мерзкая плоть.
Упадок и разрушение

Evelyn Waugh
A Handful of Dust
Vile Bodies
Decline and Fall

© 1934, Evelyn Waugh

© 1930, 1958, Evelyn Waugh

© 1928, 1956 Evelyn Waugh

© С. Б. Белов (наследник), перевод, 2023

© Л. Г. Беспалова, перевод, 1971

© М. Ф. Лорие (наследники), перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Пригоршня праха

*...И я покажу тебе нечто отличное
От тени твоей, что утром идет за тобою,
И тени твоей, что вечером хочет подать тебе
руку:*

*Я покажу тебе ужас в пригоршине праха.
Т. С. Элиот. Бесплодная земля. Перевод А. Сергеева*

1. Du côté de chez Beaver¹

– А жертвы были?

– Слава богу, нет, – сказала миссис Бивер, – вот только две горничные сдуру выбросились через стеклянную крышу во внутренний двор. Им ничего не угрожало. До спален пожар так и не добрался, вот жалость-то. Но без ремонта им не обойтись: все в копоти и насквозь промокло – у них, к счастью, оказался старомодный огнетушитель, а он портит буквально все. Так что грех жаловаться. Главные комнаты выгорели *дотла*, и все было застраховано. Сильвия Ньюпорт их знает. Надо добраться до них с утра пораньше, не то их перехватит эта стервоза миссис Шаттер.

Миссис Бивер, грея спину у камина, поглощала ежеутрен-

¹ «По направлению к Биверу» (*фр.*) – перифраз названия романа М. Пруста «По направлению к Свану». (*Здесь и далее примеч. перев.*)

нюю порцию простокваши. Она держала картонный стаканчик под самым подбородком и хлебала простоквашу ложкой.

— Господи, ну и гадость. Почему бы тебе, Джон, не приохотиться к ней? У тебя последнее время такой усталый вид. Я бы просто не продержалась без простокваши.

— Но, мамчик, я ведь не так занят, как ты.

— Что правда, то правда, сын мой.

Джон Бивер жил с матерью в доме на Суссекс-гарденз, куда они переехали после смерти отца. Обстановка дома не имела ничего общего с сурово элегантными интерьерами, которые миссис Бивер сооружала для своих клиентов. Сюда составили мебель из двух больших по размеру домов, которую не удалось сбыть; мебель эта не претендовала на принадлежность ни к одному определенному стилю и менее всего — к нынешнему. Предметы получше, а также те, что были дороги миссис Бивер как память, стояли в Г-образной гостиной наверху.

Биверу была отведена темноватая тесная гостиная (на первом этаже, за столовой) и отдельный телефон. Пожилая горничная приглядывала за его гардеробом. Она же вытирала пыль, начищала, аккуратно и симметрично расставляла на письменном столе и комоде коллекцию мрачных и громоздких предметов, помещавшихся прежде в туалетной комнате его отца: не знающие сносу подарки к свадьбе и совершеннолетию, одетые в слоновую кость и бронзу, обтянутые свиной кожей, украшенные гербами и оправленные в золото

доспехи дорогостоящей мужественности эдвардианских времен – фляги для бегов и фляги для охоты, портсигары, банки для табака, высокие сапоги, замысловатые пенковые трубки, крючки для пуговиц и щетки для шляп.

В доме было четверо слуг, все женщины, и все, за исключением одной, пожилые.

Бивер, когда его спрашивали, почему он живет с матерью, а не поселится отдельно, иногда отвечал, что матери так лучше (несмотря на занятость, ей было бы тоскливо одной), а иногда, что экономит на этом по меньшей мере фунтов пять в неделю.

Так как его недельный доход равнялся шести фунтам, экономия, что и говорить, существенная.

Ему шел двадцать шестой год. По окончании Оксфорда он, пока не начался кризис, работал в рекламном агентстве. С тех пор никому так и не удалось подыскать ему место. Итак, он вставал поздно и чуть не весь день просиживал у телефона в ожидании звонка.

Если дела позволяли, миссис Бивер попозже отлучалась на час из лавки. Она пунктуальнейшим образом являлась туда к девяти и уже к половине двенадцатого нуждалась в отдыхе. Так что, если не ожидался важный покупатель, она садилась в свой двухместный автомобиль и ехала в Суссекс-гарденз. Бивер обычно успевал одеться, и ей со временем стал просто необходим их утренний обмен сплетнями.

– Как провел вечер?

– В восемь позвонила Одри, пригласила на обед. Десять человек в «Эмбасси», тощища. Потом отправились всей компанией к даме по фамилии де Тромме.

– Знаю ее. Американка. С прошлого апреля никак не заплатит за набивные чехлы на стулья. У меня тоже выдался неудачный вечер: ни одной хорошей карты, – и в результате проиграла четыре фунта десять.

– Бедный мамчик.

– Я обедаю у Виолы Казм. А ты? Я не заказала дома обеда, ты уж извини.

– Пока нигде. Правда, всегда можно пойти к Брэтту.

– Это слишком дорого. Я думаю, если попросить Чэмберс, она тебе что-нибудь принесет. Я была уверена, что ты обедаешь в гостях.

– Что ж, может, так оно и выйдет. Еще нет и двенадцати.

(Бивер чаще всего получал приглашения в последнюю минуту, а то и позже, когда приступал в одиночестве к трапезе с подноса... «Джон, лапочка, тут вышла неувязка – Соня явилась без Реджи. Будь добр, выручи, пожалуйста. Только поторопись, мы уже садимся за стол». Тогда он опрометью кидался за такси и появлялся, рассыпаясь в извинениях, после первой перемены блюд... Одна из его немногих за последнее время ссор с матерью произошла, когда, получив такое приглашение, он удалился со званого обеда, бросив ее с гостями.)

– Куда поедешь на воскресенье?

– В Хеттон.

– А кто там живет? Я что-то не помню.

– Тони Ласт.

– Ах да, как же, как же. Она красотка, он зануда. Я и не знала, что ты с ними знаком.

– Ну, какое там знакомство. Тони пригласил меня вчера вечером у Брэтта. Он мог и забыть.

– А ты пошли телеграмму – напomini. Это лучше, чем звонить. Так труднее отвертеться. Пошли телеграмму завтра, прямо перед отъездом. Они мне задолжали за стол.

– Что тебе о них известно?

– С ней я часто встречалась, пока она не вышла замуж. Она в девичестве – Бренда Рекс, дочь лорда Сент-Клауда, белокурая, этакая ундина на вид. По ней тогда многие с ума сходили. Одно время считалось, что она выйдет за Джока Грант-Мензиса. Тони Ласт ее не стоит, он сухарь. Ей пора бы и заскучать, так я полагаю. Они женаты лет пять-шесть. Состояние у них немалое, но все уходит на дом. Я его никогда не видела, но у меня такое впечатление, что он большой и неслыханно уродливый. У них по крайней мере один ребенок, а может, и больше.

– Мамчик, ты чудо. Ты все про всех знаешь.

– Это большое подспорье. Просто надо слушать, что говорят вокруг, только и всего.

Миссис Бивер выкурила сигарету и отбыла в лавку. Ка-

кая-то американка купила два стеганых лоскутных одеяла, по тридцать гиней каждое. Леди Метроленд справилась относительно потолка в ванной, незнакомый молодой человек заплатил наличными за подушку; в перерыве между этими делами миссис Бивер успела спуститься в подвал, где две павшие духом девицы упаковывали абажуры. В подвале стоял холод, стены его отсырели, несмотря на то что он обогрелся печуркой. Девицы управляют хоть куда, с удовлетворением отметила миссис Бивер, особенно та, что покоренастей, она ворочает ящики – мужчине впору.

– Так держать, Джойс, – сказала она, – у тебя неплохо получается. Я тебя скоро переведу на работу поинтереснее.

– Спасибо, миссис Бивер.

Будут торчать в упаковочной, покуда не взбунтуются, решила миссис Бивер. С такой внешностью делать наверху нечего. Обе девицы выложили немалые деньги за право обучаться у миссис Бивер.

А Бивер все торчал у телефона. Раздался звонок.

– Мистер Бивер? – услышал он. – Подождите, пожалуйста, у телефона, сэр. С вами хочет говорить леди Типпинг.

Наступившую паузу Бивер провел в приятном ожидании. Леди Типпинг давала сегодня обед, это он знал; вчера вечером они долго разговаривали, он был в ударе. Значит, в последнюю минуту кто-то подвел...

– Мистер Бивер, мне так неприятно вас беспокоить. Вы

не могли бы сказать, как зовут молодого человека, вы его представили мне вчера вечером у мадам де Тромме? Того, с рыжеватыми усиками. Он, кажется, член парламента.

– Вы, очевидно, имеете в виду Джока Грант-Мензиса.

– Да-да, вы угадали. Вы, случайно, не знаете, где его можно найти?

– Его адрес есть в справочнике. Но вряд ли он сейчас дома. Его можно застать у Брэтта около часа. Он почти всегда там.

– Джок Грант-Мензис, Брэтт-клуб. Большое вам спасибо. Вы очень любезны. Надеюсь, вы как-нибудь заглянете ко мне. Всего, всего вам хорошего.

Телефон замолчал.

В час Бивер отчаялся. Надел пальто, перчатки, котелок, взял аккуратно свернутый зонтик и отбыл в клуб, подъехав за пенни на автобусе до угла Бонд-стрит.

Впечатление старины, которое Брэтт-клуб производил благодаря изысканному георгианскому фасаду и прекрасной панельной обшивке комнат, было чистейшей воды подделкой, ибо клуб этот – вполне недавнего происхождения – возник вследствие эпидемии общительности, разразившейся сразу после войны. Предполагалось, что это будет клуб для молодых людей, где они могли бы греться, раскорячившись, у камина и колобродить в ломберной, не рискуя навлечь недовольство старших членов. Теперь основатели са-

ми подошли к среднему возрасту, со времени демобилизации лица их побагровели, они обрюзгли, полысели, но жизнерадостности не утратили и теперь приводили в трепет своих преемников, порицая их за отсутствие насущных для мужчины и джентльмена качеств.

Бар загораживали шесть широких спин. Бивер расположился в соседней комнате на кресле и стал перелистывать «Нью-Йоркер» в ожидании – не подвернется ли кто из знакомых.

Наверх поднялся Джок Грант-Мензис. Мужчины у стойки приветствовали его: «Джок, старик, что будешь пить?» – или попросту: «Так как, старик?» По молодости лет он не мог участвовать в войне, но мужчины у стойки его признавали; они относились к нему куда лучше, чем к Биверу, которого, по их мнению, и вовсе не следовало принимать в клуб. Однако Джок остановился поболтать с Бивером.

– Привет, старик, – сказал он. – Что пьешь?

– Пока ничего. – Бивер посмотрел на часы. – Но, пожалуй, пора пропустить рюмочку. Бренди с лимонадом.

Джок подозвал бармена и сказал:

– Что за старушенцию ты подсунул мне вчера вечером?

– Ее зовут миссис Типпинг.

– Так я и думал. Все понятно. Мне внизу передали, что дама с такой фамилией приглашает меня на обед.

– Пойдешь?

– Нет, званые обеды не по моей части. И потом я еще

утром решил поестъ устриц здѣсь.

Бармен принес заказ:

— Мистер Бивер, сэр, по книгѣ за вами числится за послѣд-
ний мѣсяц должок въ десять шиллинговъ.

— Спасибо, Макдугал, не забудьте при случаѣ напомнить,
идетъ?

— Слушаюсь, сэр.

Бивер сказал:

— Я завтра еду въ Хеттонъ.

— Вот какъ? Передай привѣтъ Тони и Брендѣ.

— Какіе там порядки?

— У них тихо и вполне славно.

— Интеллектуальными играми не увлекаются?

— Нѣтъ-нѣтъ, ничего подобнаго. Бридж, триктрак и покер по
маленькой съ сосѣдями.

— А какъ насчетъ комфорта?

— Не такъ ужъ плохо. Выпивки полно. Ваннхъ маловато. Къ
завтраку вставать не обязательно.

— Я не знакомъ съ Брендой.

— Бренда тебѣ понравится, она молодчина. Я часто думаю:
какой счастливчикъ Тони. Денегъ ему хватаетъ, онъ любитъ Хет-
тонъ, у него одинъ сынъ, котораго онъ обожаетъ, преданная жена
— и никакихъ заботъ.

— Можно только позавидовать. Не знаешь, кто еще къ нимъ
едетъ, а? Я вотъ думаю, кто бы меня туда подбросилъ.

— Да нѣтъ, не знаю. Туда можно добраться поездомъ.

– Да, но на машине приятнее.

– И дешевле.

– Да, надо думать, и дешевле... Что ж, пойду пообедаю.

Не хочешь еще по одной?

Бивер уже встал.

– Пожалуй, не откажусь.

– Вот как, прекрасно. Макдугал! Еще по одной, пожалуйста.

Макдугал сказал:

– Записать за вами, сэр?

– Да, сделайте одолжение.

Позже Джок рассказывал в баре:

– А я выставил Бивера на рюмку коньяку.

– Вот уж, наверное, расстроился.

– Чуть не лопнул с досады. В чушках что-нибудь понимаете?

– Нет. А вам зачем?

– Да вот, округ мой засыпал запросами.

Бивер спустился вниз, но перед тем как пойти в столовую, велел швейцару позвонить домой и узнать, что нового.

– Несколько минут назад звонила леди Типпинг, спрашивала, не можете ли вы отобедать у нее сегодня.

– Позвоните, пожалуйста, леди Типпинг и передайте, что я почту за честь отобедать у нее, но, возможно, на несколько минут опоздаю.

Когда Бивер покинул Брэтт-клуб и быстрым шагом направился к Хилл-стрит, была уже половина второго.

2. Английская готика I

I

Между деревнями Хеттон и Комптон-Ласт раскинулся обширный парк Хеттонского аббатства. В прошлом одно из самых замечательных зданий графства, аббатство было полностью перестроено в 1864 году в готическом стиле и в настоящее время никакого интереса не представляет. Парк открыт для посетителей ежедневно до заката солнца, для осмотра дома требуется предварительно обратиться за разрешением в письменной форме. Имеются несколько хороших картин, мебель. Прекрасный вид с террасы.

Этот отрывок из местного путеводителя не слишком огорчал Тони Ласта. Ему доводилось слышать отзывы еще менее лестные. Его тетка Фрэнсис, озлобленная неукоснительной строгости воспитанием, заметила когда-то, что план дома не иначе как создан мистером Пексниффом² на основе чертежей сиротского приюта, творения одного из его учеников. Но каждый его глазированный кирпич и расписной из-

² Персонаж романа Ч. Диккенса «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита», бездарный архитектор.

разец был дорог сердцу Тони. Управлять таким домом нелегко, это он знал, но разве есть большие дома, которыми легко управлять? Дом не вполне отвечал современным представлениям о комфорте; но Тони наметил множество маленьких усовершенствований – он собирался их осуществить, едва выплатит налог на наследство. Однако сам вид и дух Хеттона – очертания зубчатых стен на фоне неба, главная часовая башня с курантами, которые каждые четверть часа не будили разве что самых крепких сонь; церковный мрак огромной залы с колоннами шлифованного гранита и обвитыми лозой капителями, поддерживавшими крестовые своды потолка, расписанного красными и золотыми ромбами, который днем не мог рассеять скудный свет, проникавший сквозь стрельчатые витражи в гербах, а вечером – огромная газовая люстра из меди и сварочного железа, где рожки заменили двадцатью электрическими лампочками; вихри горячего воздуха, вырывающиеся из допотопного нагревательного аппарата через чугунные решетки в форме трилистников и внезапно обжигающие ноги; подвальный холод далеких коридоров, где в целях экономии кокса он приказал отключить отопление; трапезная с консольными балками кровли и хорами смолистой сосны; спальни с медными спинками кроватей, и в каждой фриз с готическим текстом, названные в честь Мэлори³, Изольды, Элейны, Мордред, Мерлина, Го-

³ Томас Мэлори (ок. 1417–1471) – писатель и переводчик, автор «Смерти Артура», романа о рыцарях Круглого стола.

вейна и Бедивера, Ланселота, Персиваля, Тристрама, Галахада; его туалетная – фея Моргана, Брендина – Гвиневера⁴, где кровать стоит на возвышении, стены увешаны гобеленами, камин походит на гробницу тринадцатого столетия, а из эркерного окна в ясные дни видны шпили шести церквей, – Тони вырос среди этих вещей, и они служили для него постоянным источником восторга и восхищения, будили в нем нежные воспоминания и горделивые чувства собственника.

Готика вышла из моды, это Тони понимал. Двадцать лет назад сходили с ума по средневековым домишкам и оловянной утвари, теперь пришел черед урн и колоннад, но настанет час, возможно в дни Джона Эндрю, когда общественное мнение вернет Хеттон на подобающее ему место. Его уже называли «занятым», и весьма учтивый молодой человек попросил разрешения сфотографировать его для архитектурного обозрения.

Потолок в фее Моргане нуждался в ремонте. Чтобы придать ему видимость кессона, на штукатурку крест-накрест набили фасонные перекладины. Они были расписаны сине-золотым орнаментом.

Клетки между ними заполняли тюдоровские розы, чередовавшиеся с геральдическими лилиями. Но один угол протек, и позолота там потемнела, а краска облупилась; в другом деревянные дранки покоробились и торчали из штука-

⁴ Герои цикла сказаний о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.

турки. Десять минут, отделявших пробуждение от того момента, когда он протягивал руку к звонку, Тони пристально изучал эти изъяны, снова и снова обдумывая, как их устранить. И задавался вопросом, удастся ли ему найти мастеров, способных выполнить такую тонкую работу.

Фея Моргана стала его комнатой с тех пор, как он перешел из детской. Его поместили тут, потому что отсюда ему было удобно звать родителей (неразлучных в Гвиневере): он очень долго был подвержен ночным кошмарам. С тех пор как он поселился в этой комнате, он ничего не выбрасывал из нее и с каждым годом что-нибудь добавлял, так что тут образовался своего рода музей, где были представлены все периоды его развития – изображение дредноута, извергающего дым и пламя из всех пушек (цветное приложение к «Чамз»⁵ в рамке), групповая фотография (с соучениками по частной школе), горка под названием «Хранилище», набитая плодами множества случайных увлечений: яйцами, окаменелостями, монетами; портрет родителей в кожаном складне, стоявший у его изголовья в школе; фотография Бренды восьмилетней давности, снятая в ту пору, когда он ухаживал за ней; Бренда с Джоном на руках после крещения; гравюра, изображавшая Хеттон до того, как его снес прадед Тони; несколько полок с книгами: «Бевис»⁶, «Домашний плотник», «Фокусы

⁵ «Чамз» («Друзья-приятели») – детский иллюстрированный журнал, издававшийся с 1892 года.

⁶ Бевис Гемптонский – герой цикла стихотворных романов XIII века, в XVII ве-

для всех», «Малые гости»⁷, «Что нужно знать о законах землевладельцу и арендатору», «Прощай, оружие!».

По всей Англии люди просыпались подавленные и озабоченные. Тони десять минут блаженствовал, прикидывая, как обновить потолок. Затем потянулся к звонку:

– Ее милость звонила?

– Да, сэр, четверть часа назад.

– В таком случае я буду завтракать у нее в комнате.

Тони надел халат и шлепанцы и прошел в Гвиневру.

Бренда лежала на возвышении.

Она потребовала себе современную кровать. В изголовье стоял поднос, на одеяле валялись конверты, письма и газеты. Голова ее опиралась на крошечную голубую подушечку, ненакрашенное лицо казалось почти бесцветным, перламутрово-розовым, лишь чуть более насыщенного оттенка, чем шея и руки.

– Ну как? – сказал Тони.

– Целуй.

Он сел рядом с подносом, она наклонилась к нему (нерешительно, выныривающая из бездонной глубины прозрачных вод). Не подставила губы, а потерлась щекой о его щеку, как кош-

ке переделанных в народную книгу.

⁷ Книга, написанная девятилетней девочкой Дейзи Эшфорд, о приключениях престарелого мистера Солтины и его молодой воспитанницы Этель Монтикью, изданная известным английским писателем Джеймсом М. Барри с сохранением всех особенностей и ошибок подлинника.

ка. Такая у нее была манера.

– Что-нибудь интересное?

Он взял несколько писем.

– Ничего. Мама просит няню прислать мерку Джона. Она ему что-то вяжет к Рождеству. Мэр просит меня что-то там открыть в следующем месяце. Можно, я не буду, ну пожалуйста?

– Нет, по-видимому, придется согласиться: мы давно ничего для него не делали.

– Ладно, только речь напишешь сам. Я уже состарилась для той девической, которая у меня была на все случаи жизни. Еще Анджела спрашивает: может, мы приедем на Новый год?

– Тут ответить просто. Ни за что на свете.

– Я так и думала... хотя, похоже, у нее будет забавно.

– Если хочешь, поезжай. А я никак не смогу вырваться.

– Да ладно. Я знала, что ты откажешь, еще до того как вскрыла письмо.

– Не понимаю, что за радость тащиться в Йоркшир посреди зимы...

– Милый, не злись. Все ясно, мы не едем. Я молчу. Просто мне казалось, что было бы занятно для разнообразия посидеть на чужих хлебах.

Горничная Бренды принесла второй поднос. Тони велел поставить его на подоконник и стал вскрывать письма. Он выглянул в окно. В это утро были видны лишь четыре шпиля

из шести.

— Кстати, в этот уик-энд я, наверное, *смогу* вырваться, — вдруг сказал он.

— Милый, это не слишком большая жертва?

— Пожалуй, нет.

Пока он завтракал, Бренда читала ему газеты.

— Реджи опять произнес речь... Вот потрясающая фотография Бейб и Джока... Женщина в Америке родила близнецов от двух разных мужей. Как по-твоему, возможно такое? Еще два парня отравились газом... девочку удавили на кладбище шнурком... пьеса, которую мы с тобой видели, та, о ферме, сходит со сцены...

Потом она ему читала роман с продолжением. Он закурил трубку.

— Я вижу, ты не слушаешь. Отвечай: почему Сильвия не хочет, чтобы Руперт получил это письмо?

— А? Что? Видишь ли, на самом деле она не доверяет Руперту.

— Так я и знала. Там нет никакого Руперта. Никогда больше не стану тебе читать.

— По правде говоря, я задумался.

— Вот как?

— Я думал, до чего же замечательно: сегодня суббота и к нам никто не приедет.

— Ты так думаешь?

— А ты?

– Знаешь, мне иногда кажется бессмысленным содержать такой огромный дом, если не звать время от времени гостей.

– Как так – бессмысленным? Не понимаю, о чем ты. Я соержу этот дом вовсе не для того, чтобы сюда приезжали разные олухи перемывать друг другу косточки. Мы всегда тут жили, и я надеюсь, после моей смерти Джону Эндрю удастся сохранить дом. В конце концов, у меня определенные обязательства и перед нашими служащими, и перед самим Хеттоном... Поместья составляют неотъемлемую часть английского образа жизни, и мы нанесли бы непоправимый урон... – Тут Тони осекся и посмотрел на кровать. Бренда зарылась лицом в подушку, и теперь из-под простынь выглядывала только ее макушка.

– О господи, – сказала она. – За что?

– Кажется, я опять ударился в пафос?

Она повернулась на бок, и теперь из-под одеяла видны были лишь один глаз и нос.

– Ох нет, милый, это даже не пафос. Это бог знает что такое.

– Извини.

Бренда села.

– Ну не сердись. Я не то хотела сказать. Я тоже рада, еще как рада, что никто не приедет.

(За семь лет супружеской жизни такие шутливые сценки нередко повторялись.)

Стояла мягкая английская погода; в лощинах — туман, на холмах — бледное солнце; чащи высохли — безлистые ветки не удержали недавнего дождя, зато подлесок, влажный и темный в тени, сверкал и переливался там, куда проникали солнечные лучи; лужайки под ногами чавкали, по канавам бежала вода.

Джон Эндрю сидел на пони торжественно и прямо, как лейб-гвардеец, пока Бен ставил препятствие. Громобоя дядя Реджи подарил Джону в день, когда ему исполнилось шесть лет. Джон сам выбрал имя для пони после долгих совещаний. Первоначально пони звали Кристабель, но Бен сказал, что это кличка для собаки, не для пони. Бен знал когда-то чалого по кличке Громобой, так вот он убил двух всадников и четыре года кряду побеждал в местных скачках с препятствиями. Отличный был конек, рассказывал Бен, пока на охоте не пропорол себе брюхо, ну его и пристрелили. Бен знал множество историй о разных лошадях. На одном коне, по кличке Нуль, он как-то раз в Честере выиграл пять монет при ставке десять к трем. А еще он во время войны видел мула по кличке Одуванчик, так тот выпил запас рома на всю роту и околел. Но Джон не хотел давать своему пони кличку какого-то пропойцы-мула. Так что в конце концов, несмотря на миролюбивый нрав пони, они остановились на Громобое.

Это был темно-гнедой пони с длинным хвостом и гривой. Ноги ему Бен оставил лохматыми. Он щипал траву, невзирая на попытки Джона поднять ему голову.

До Громобоя уроки верховой езды проходили совсем по-другому. Джон трусил по загону на шетлендском пони по кличке Кролик, а няня, вцепившись в уздечку, пыхтя, плелась рядом. Теперь он ездил как настоящий мужчина. Няня усаживалась на складном стульчике с вязаньем в руках вне пределов слышимости. Бен, соответственно, получил повышение. Из простого конюха он прямо на глазах преобразился в стремянного. Шейный платок он заменил галстуком и закалывал его булавкой в форме лисьей головы. Бен был человек тертый, он много чего повидал на своем веку.

Ни Тони, ни Бренда не охотились, но им очень хотелось прикормить Джона к охоте. Бен предчувствовал, что наступит время, когда конюшни заполнятся лошадьми и его назначат конюшим: мистер Ласт не возьмет чужака, он не такой.

Бен раздобыл два шеста с просверленными дырками и побеленную жердь и соорудил с их помощью посреди поля барьер вышиной в два фута.

– Теперь полегонечку! Давай галопом и помедленней, а когда она снимется, пригнись – и перелетишь, как птичка. Держи ей голову на барьер.

Громобой прорысил вперед, прошел два шага легким галопом, но перед самым барьером сбавил темп и, снова перейдя на рысь, обогнул его. Джон бросил повод, обеими руками вцепился в гриву, удержался в седле и виновато посмотрел на Бена, тот закричал:

– На кой черт тебе ноги дадены, а? Вот, держи, хлеста-

нешь, как до дела дойдет.

И передал Джону хлыст.

Няня, сидя у ворот, перечитывала письмо от сестры.

Джон отвел Громобоя назад и снова попытался взять барьер. На этот раз они пошли прямо на жердь.

Бен крикнул: «Ноги!» – Джон ударил пятками и потерял стремени. Бен воздел руки к небу, словно собирался ворон пугать. Громобой прыгнул, Джон вылетел из седла и шлепнулся на траву.

Няня всполошилась:

– Мистер Хэккет, что случилось? Он убился?

– Ничего ему не будет, – сказал Бен.

– Ничего мне не будет, – сказал Джон. – Громобой, по моему, споткнулся.

– Еще чего, споткнулся. Просто ты распустил ноги, ядрих в корень, и сел на жопу. В другой раз не бросай повод. Так ты всю охоту загубишь.

С третьей попытки Джон взял барьер и, взволнованный, дрожащий, потеряв стремя и вцепившись для верности одной рукой в гриву, обнаружил, что усидел в седле.

– Ну, каково? Перелетел что твоя ласточка. Повторим?

Еще дважды Джон с Громобоем перепрыгивали через барьер, потом няня велела идти домой пить молоко. Они отвели пони в конюшню. Няня сказала:

– Господи, курточку-то как измазал.

Бен сказал:

– Ты у меня вскорости на скачках призы будешь брать.

– Всего вам хорошего, мистер Хэкет.

– И вам, мисс.

– До свидания, Бен. Можно, я вечером приду на ферму, посмотрю, как ты чистишь лошадей?

– Не мне решать. У няни спроси. Но знаешь что, у серой ломовой глисты завелись. Хочешь посмотреть, как я лекарство ей даю?

– Очень хочу. Нянь, можно мне посмотреть, ну можно?

– Спроси у мамы. А теперь идем, хватит с тебя на сегодня лошадей.

– Не хватит, – сказал Джон, – совсем не хватит.

Дорóгой он спросил:

– А можно, я буду пить молоко у мамы в комнате?

– Посмотрим.

Няня всегда давала уклончивые ответы вроде: «Поживем – увидим», «Много будешь знать, скоро состаришься», «Подрастешь – узнаешь», резко отличавшиеся от решительных и суровых суждений Бена.

– А что смотреть?

– Мало ли что...

– Ну например?

– Например, посмотрим, будешь ты задавать глупые вопросы или нет.

– Глупая шлюха, старая шлюха.

– Джон! Как ты себя ведешь? Это еще что такое?

Вдохновленный успехом своей вылазки, Джон вырвался у няни из рук и, приплясывая и распевая: «Старая шлюха, глупая шлюха», дошел таким манером до боковых дверей. Когда они поднялись на порог, няня молча сняла с него гамаши; ее мрачный вид несколько отрезвил Джона.

– Ступай прямо в детскую, – сказала няня. – А я расскажу маме о твоём поведении.

– Няня, прости. Я не знаю, что тут плохого, но я ничего плохого сказать не хотел.

– Ступай прямо в детскую.

Бренда наводила красоту.

– С тех пор как Бен Хэккет учит его ездить верхом, с ним, ваша милость, просто сладу нет.

Бренда плюнула в тушь:

– И все же, няня, что именно он сказал?

– Ой, да мне и выговорить стыдно, ваша милость.

– Чепуха, говорите. Иначе я могу подумать, что он сказал что-нибудь похуже.

– Уж хуже некуда... он назвал меня старой шлюхой, ваша милость.

Бренда поперхнулась в полотенце:

– Так и назвал?

– И не раз. Выплясывал передо мной до самого дома и *распевал* во весь голос.

– Понятно... Вы совершенно правильно сделали, что ска-

зали мне.

– Благодарю вас, ваша милость, но раз уж зашел такой разговор, я вам скажу, что, по моему разумению, Бен Хэккет очень уж торопится с этой ездой. Так недалеко и до беды. Сегодня утром мальчик упал с лошади и чуть не убился.

– Хорошо, няня. Я поговорю с мистером Ластом.

Она поговорила с Тони. Оба хохотали до упаду.

– Милый, – сказала она, – поговорить с ним надо *тебе*. Ты в серьезном жанре выступаешь лучше меня.

– А я считал, что «шлюха» – очень хорошее слово, – возразил Джон, – и потом Бен всех так называет.

– И напрасно.

– А я больше всех на свете люблю Бена. И он всех вас умнее.

– Ты же понимаешь, что не можешь любить его больше мамы.

– Все равно люблю больше. *Куда* больше.

Тони почувствовал, что пора прекратить пререкания и приступить к заранее приготовленной проповеди.

– Послушай, Джон. Ты поступил очень плохо, назвав няню старой шлюхой. Во-первых, ты ее обидел. Вспомни, сколько она для тебя ежедневно делает.

– Ей за это платят.

– Помолчи. И во-вторых, люди твоих лет и твоего положения в обществе не употребляют таких слов. Люди бедные

употребляют известные выражения, но джентльмены никогда. Ты джентльмен. Когда ты вырастешь, этот дом и много чего другого станет принадлежать тебе. И ты должен научиться разговаривать, как будущий владелец всего этого, научиться вести себя предупредительно с теми, кто менее счастлив, чем ты, и в особенности с женщинами. Ты меня понял?

– А что, Бен не такой счастливый, как я?

– Это к делу не относится. А теперь иди наверх, извинись перед няней и пообещай никого так не называть.

– Ладно.

– И раз ты сегодня так скверно себя вел, я не разрешаю тебе завтра кататься верхом.

– Завтра воскресенье.

– Ладно, тогда послезавтра.

– Ты сказал «завтра», так нечестно.

– Джон, не препирайся. Если ты не возьмешься за ум, я отошлю Громобоя дяде Реджи и скажу ему, что не считаю возможным оставить пони такому нехорошему мальчику. Ведь тебе бы это было неприятно?

– А зачем дяде Реджи пони? Он не сможет ездить на пони, он слишком тяжелый. И потом, он всегда за границей.

– Он отдаст пони другому мальчику. И вообще, это не относится к делу. А теперь беги, попроси у няни прощения.

Уже в дверях Джон сказал:

– Так мне можно кататься в понедельник? Ты же сказал

«завтра».

– Да, видимо, так.

– Ура! Громобой сегодня прекрасно шел. Мы прыгнули высоко-высоко. Он сначала закинулся, а потом перелетел, как птичка.

– И ты не упал?

– Ага, один раз. Но Громобой тут ни при чем. Просто я распустил ноги, ядри их в корень, и сел на жопу.

– Ну как твоя лекция? – спросила Бренда.

– Ужасно. Просто ужасно.

– Беда в том, что няня ревнует к Бену.

– Боюсь, и мы станем к нему ревновать в самом скором времени.

Они обедали за круглым столиком, стоявшим посреди огромной столовой. Обеспечить ровную температуру в столовой оказалось делом невозможным: даже когда один бок поджаривался в непосредственной близости к камину, другой леденили десятки перекрестных сквозняков. Бренда перепробовала все: и ширмы, и переносной электрорадиатор, но особых успехов не достигла. Даже сегодня, когда повсюду было тепло, в столовой стоял пронизывающий холод.

Хотя Тони и Бренда отличались прекрасным здоровьем и нормальным телосложением, они сидели на диете. Это сообщало некоторую пикантность их трапезам и спасало от двух варварских крайностей, грозящих одиноким едокам, –

всепоглощающего обжорства и беспорядочного чередования яичниц и бутербродов с непрожаренным мясом.

Сейчас они придерживались системы, при которой исключалось сочетание белков и углеводов в одной трапезе. Они приобрели каталог, где было обозначено, какие продукты содержат белки и какие углеводы; большинство нормальных блюд содержали и то и другое, так что Тони и Бренда немало забавлялись, выбирая меню. Обычно кончалось тем, что они заказывали какое-то блюдо «в порядке исключения».

– Я убежден, что оно мне очень полезно.

– Да, милый, а когда нам прискучит эта диета, мы сможем перейти на алфавитную и каждый день есть продукты, начинающиеся на другую букву. На «з» мы здорово наголодаемся: весь день ничего, кроме заливных угрей и земляничного желе... Ты что собираешься делать днем?

– Ничего особенного. В пять придет Картер просмотреть еще раз счета. А после обеда я, может, съезжу в Пигстэнтон. Похоже, у нас арендуют лоуотерскую ферму, она долго пустовала, и надо посмотреть, какие там нужны переделки.

– А я б не отказалась от киношки.

– Идет. Лоуотер вполне подождет до понедельника.

– А потом можно зайти в Вулворт, ну как?

В итоге, принимая во внимание милые повадки Бренды и здравый смысл Тони, не приходится удивляться, что друзья считали их примерной парой, весьма успешно разрешившей проблему совместного существования.

Пудинг без белков оказался неаппетитным.

Пять минут спустя принесли телеграмму. Тони вскрыл ее и сказал:

– Вот черт.

– Плохие новости?

– Хуже не бывает. Читай.

Бренда прочла: «Приезжаю три восемнадцать нетерпением жду встречи. Бивер».

– Кто такой Бивер? – спросила она.

– Один молодой человек.

– А что, звучит заманчиво.

– Вот уж нет. Посмотрим, что ты скажешь, когда увидишь его.

– Зачем он к нам приедет? Ты его пригласил?

– Наверное, пригласил, но вполне неопределенно. Я зашел как-то вечером к Брэтту, кроме Бивера, там никого не оказалось, мы с ним выпили, и он вроде сказал, что хотел бы посмотреть наш дом...

– Ты, наверное, был пьян.

– Не очень, и потом, я никак не предполагал, что он мне это припомнит.

– Ну и поделом тебе! Вот что получается, когда ты уезжаешь по делам в Лондон, а меня оставляешь одну. Но кто он такой все-таки?

– Просто молодой человек. У его матери еще эта лавка.

– Я была с ней когда-то знакома. Гнусная баба. Кстати,

помнится, мы ей должны деньги.

– Слушай, давай позвоним ему и скажем, что мы заболели.

– Поздно, он уже давно в поезде и поедает железнодорожный завтрак, за свои три шиллинга шесть пенсов без удержу смешивая углеводы и белки... Его можно сунуть в Галахада. Еще не было случая, чтобы гость провел там ночь и приехал снова: видно, тамошней кровати никому не выдержать.

– И все-таки, что мы будем с ним делать?

– Ты поезжай в Пигстэнтон. А я займусь им. В одиночку это проще. Вечером его можно повести в кино, а завтра ты покажешь ему дом. Если нам повезет, он уедет вечерним поездом. Ему надо на работу в понедельник утром?

– Понятия не имею.

3:18 – далеко не самый удобный поезд. Приезжаешь без четверти четыре, и если ты, как Бивер, не свой человек в доме, не знаешь, как скоротать время до чая; однако без Тони, чье присутствие ее бы стесняло, Бренда справлялась со своими обязанностями не без грации, а Биверу так редко искренне рады, что он не заметил некоторой сдержанности приема.

Бренда ждала его в комнате, по старой памяти называвшейся курительной; это было, пожалуй, наименее мрачное место в доме.

– Как мило, что вы к нам выбрались, – сказала она. – Я должна вас сразу предупредить: вы наш единственный гость.

Боюсь, вам у нас будет скучно... Тони пришлось уехать по делам, но он скоро вернется... Поезд был переполнен? По субботам всегда так... Не хотите выйти на воздух? Скоро стемнеет, так что давайте ловить солнце, пока не поздно... – И так далее.

При Тони ей было бы куда труднее – она перехватила бы его взгляд, и манеры владелицы замка с нее бы соскочили. Бивер умел поддерживать разговор, так что они вышли через стеклянные двери на террасу, спустились в голландский садик, обогнули оранжерею и вернулись в дом, не испытав и минутной неловкости. Бренда вдруг услышала, как рассказывает Биверу, что его мать одна из ее стариннейших приятельниц.

Тони успел к чаю. Он извинился, что не смог встретить гостя, и почти сразу же удалился в кабинет совещаться с управляющим. Бренда расспрашивала Бивера о Лондоне и о том, какие за последнее время состоялись приемы. Бивер проявил невероятную осведомленность.

– Полли Кокперс скоро дает прием.

– Да, я знаю.

– Вы приедете?

– Скорее всего, нет. Мы теперь практически не выезжаем.

Шутки, обошедшие за полтора месяца весь город, для Бренды имели прелесть новизны, повторение придало им отточенность, и Биверу удалось преподнести их довольно эффектно. Он рассказал Бренде о многочисленных переменах

в личной жизни ее друзей.

– А что у Мэри с Саймоном?

– Неужели не знаете? Полный разрыв.

– И давно?

– Началось это еще летом, в Австрии...

– А Билли Ангмеринг?

– Пустился в загул с девицей по имени Шила Шрабб.

– А что слышно у Хелм-Хаббардов?

– У них тоже не ладится... Дейзи открыла новый ресторан.

Он пользуется успехом... Еще появился новый ночной клуб под названием «Садок»...

– Господи, – сказала Бренда в заключение. – Живут же люди!

После чая появился Джон Эндрю и тут же завладел разговором.

– Здравствуйте, – сказал он. – Я не знал, что вы приедете.

Папа сказал: как хорошо раз в кои-то веки провести воскресенье без гостей. Вы охотитесь?

– Давно не охотился.

– Бен говорит, что все, кому позволяют средства, должны охотиться для блага страны.

– Наверное, мне средства не позволяют.

– А вы бедный?

– Ради бога, мистер Бивер, не разрешайте ему вам докучать.

– Да, очень бедный.

– Такой бедный, что можете называть всех шлюхами?

– Да, такой.

– А как вам удалось стать таким бедным?

– Я всегда был бедным.

– А! – Джон потерял интерес к теме. – А у серой ломовой на ферме глисты.

– Откуда ты знаешь?

– Бен сказал. А потом, это по навозу видать.

– Боже мой, – сказала Бренда, – что бы сказала няня, если бы слышала тебя?

– А сколько вам лет?

– Двадцать пять. А тебе?

– А чем вы занимаетесь?

– Ничем особенным.

– На вашем месте я бы чем-нибудь занялся, чтоб заработать деньги. Тогда вы могли бы охотиться.

– Но тогда я не мог бы называть всех шлюхами.

– В этом все равно проку нет.

(Позже, за ужином в детской, Джон сказал:

– По-моему, мистер Бивер ужасно глупый, а по-твоему?

– Откуда мне знать? – сказала няня.

– По-моему, из всех, кто к нам приезжал, он самый глупый.

– Гостей хулить – бога гневить.

– Было бы в нем хоть что-нибудь хорошее. У него глупый голос и глупый нос, глупые глаза и глупая голова, – выводил

Джон, точно в церковном хоре пел, – глупые ноги и глупое лицо, глупые руки и глупое пальто...

– Кончай-ка ужинать, – сказала няня.)

Вечером, перед ужином, Тони, встав позади Бренды (она сидела у туалетного столика), склонился над ее плечом и скорчил в зеркале рожу.

– Я страшно виноват перед тобой – кинул на тебя Бивера и удрал. Ты была с ним очень мила.

Она сказала:

– Это не так уж тяжело. Его можно пожалеть.

А в это время чуть дальше по коридору Бивер обследовал свою комнату с основательностью многоопытного гостя. Настольная лампа отсутствовала. Чернила в чернильнице пересохла. Огонь в камине давно потух. Ванная, как он уже отметил, была черт-те где, в башенке, куда надо карабкаться по узкой лестнице. Кровать ему не понравилась – ни на вид, ни на ощупь; он для пробы прилег, и пружинный матрас, с ямой посередине, угрожающе задребезжал. Обратный билет в третьем классе стоит восемнадцать шиллингов. А еще чаевые надо давать.

Тони чувствовал свою вину перед Бивером, и поэтому к обеду было подано шампанское, хотя ни он, ни Бренда шампанского не любили. Не любил его, как оказалось, и Бивер, но тем не менее он был польщен. Шампанское перелили в высокий кувшин и передавали по кругу как символ госте-

приимства. После чего они отправились в пигстэнтонский кинотеатр, где шел фильм, который Бивер видел несколько месяцев тому назад. По возвращении в курительную их ждал поднос с грогом и сэндвичами. Они поболтали о фильме, и Бивер утаил, что смотрел его во второй раз. Тони проводил Бивера до дверей сэра Галахада.

– Надеюсь, вам здесь будет хорошо спаться.

– Нисколько не сомневаюсь.

– Вас надо будить?

– Удобно будет, если я позвоню?

– Разумеется. У вас есть все, что нужно?

– Да, спасибо. Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Однако, вернувшись в курительную, Тони сказал:

– Знаешь, меня мучит совесть из-за Бивера.

– Брось, насчет Бивера можешь не беспокоиться, – сказала

Бренда.

Однако Бивер чувствовал себя очень неудобно, он ворочался на постели, терпеливо пытаясь найти положение, в котором смог бы заснуть, и думал, что раз ему больше сюда не приезжать, он ничего не даст дворецкому и только пять шиллингов приставленному к нему лакею. В конце концов ему удалось приладиться к пересеченному ландшафту матра-раса, и он заснул прерывистым, беспокойным сном до утра. Однако новый день начался с неприятного сообщения, что все воскресные газеты уже отнесли в комнату ее милости.

По воскресеньям Тони неизменно облачался в темный костюм и белый крахмальный воротничок. Он шел в церковь, садился на массивную сосновую скамью, снабженную пышными алыми подушками для коленопреклонений, и каминном, оборудованным по всем правилам – чугунная решетка, маленькая кочерга, ею отец Тони, бывало, громыхал, когда какое-нибудь место в проповеди вызывало его неодобрение; скамью эту поставил еще прадед Тони в пору перестройки Хеттона. После смерти отца огня в камине не разводили, но Тони намеревался возродить к следующей зиме этот обычай. На Рождество и на праздник урожая Тони читал тексты из Священного Писания с аналоя, украшенного медным орлом.

После службы он любил несколько минут постоять на паперти с сестрой викария и кое с кем из деревенских. Потом возвращался через поля тропкой, ведущей к боковому входу в альпийский садик; наведывался в оранжереи, выбирал себе бутоньерку, останавливался у садовничьих домиков поболтать (из дверей его обдавало теплыми, все забивающими запахами воскресных обедов) и торжественно завершал свой поход в библиотеке стаканом хереса. Таков был простой, но не без оттенка торжественности обряд его воскресного утра, который сложился более или менее стихийно на базе куда более суровых обычаев его родителей; Тони придерживался его с огромным удовольствием. Всякий раз, когда Бренда ловила его на том, что он изображает честного богобояз-

ненного джентльмена старой школы, она подтрунивала над ним, и Тони смеялся вместе с ней, но это отнюдь не умаляло радости, которую ему доставлял еженедельный ритуал, или неудовольствия, если присутствие гостей нарушало его привычки.

Вот почему сердце у него оборвалось, когда, выйдя в четверть одиннадцатого из кабинета в залу, он застал там Бивера – тот был одет и явно ожидал, когда его начнут развлекать; огорчение Тони, правда, было недолгим, ибо, приветствуя гостя, он заметил, что тот изучает железнодорожное расписание.

– Надеюсь, вам хорошо спалось?

– Великолепно, – сказал Бивер, хотя его бледный вид свидетельствовал об обратном.

– Очень рад. Я и сам здесь всегда хорошо сплю. Но что это вы смотрите расписание? Уж не собираетесь ли вы нас покинуть?

– Увы, мне придется уехать сегодня вечером.

– Как неудачно. Я вас почти не видел. К тому же по воскресеньям плохо с поездами. Самый удобный отправляется в пять сорок пять и прибывает в девять. Он идет со всеми остановками, и в нем нет вагона-ресторана.

– Мне он подойдет.

– Вы никак не сможете остаться до завтра?

– Никак.

По парку разносился звон церковных колоколов.

– Что ж, мне пора в церковь. Полагаю, вы вряд ли захотите ко мне присоединиться?

Бивер в гостях всегда старался угодить хозяевам, даже если визит оказывался таким безотрадным, как этот.

– Что вы, с превеликим удовольствием.

– Нет, правда, я бы на вашем месте ни за что не пошел. Что вам за радость. Я и сам иду скорее по необходимости. Оставайтесь здесь. Сейчас спустится Бренда. Когда захотите выпить, позвоните.

– Что ж, не стану возражать.

– Тогда до скорого свидания.

Взяв в прихожей шляпу и палку, Тони вышел из дому.

«Ну вот, я снова был нелюбезен с этим молодым человеком», – подумал он.

В подъездной аллее звонко и призывно звучали колокола, и Тони поспешил на зов. Вскоре звон прекратился, раздался один удар – деревню предупредили, что через пять минут органист приступит к первому гимну. Тони нагнал няню с Джоном, они тоже шли в церковь. Джон был сегодня на редкость доверителен, он сунул Тони ручку в перчатке и без лишних слов приступил к рассказу, занявшему их до самых церковных дверей, это была история мула Одуванчика, который выпил весь ротный запас рома под Ипром в 1917 году; рассказывал он не переводя духа, потому что бежал вприпрыжку, стараясь не отстать от отца. Когда рассказ кончился, Тони сказал:

– Какая грустная история.

– Вот и я так думал, но на самом деле совсем наоборот. Бен говорит, у него были смеху полные штаны.

Колокол замолк, органист из-за занавески следил, когда появится Тони. Тони прошел по проходу к своему месту, няня и Джон следовали за ним. Он сел в кресло; они расположились на скамье за ним. Он на полминуты склонил голову на руки; когда он откинулся на спинку кресла, органист взял первые такты гимна: «Не входи в суд с рабом Твоим, о Господи!» Служба пошла своим чередом. И, вдыхая приятный, слегка отдающий плесенью запах, привычно садясь, вставая и кланяясь, Тони витал мыслями где-то далеко, с событий прошлой недели перескакивая на будущие планы. Временами какая-нибудь примечательная фраза в литургии возвращала его к действительности, но в основном в это утро его занимал вопрос о ваннных и уборных: сколько их еще можно встроить, не нарушая общего стиля дома.

Деревенский почтальон подошел с кружкой для пожертвований. Тони бросил заранее заготовленные полкроны, Джон и няня свои пенни.

Викарий с трудом взобрался на кафедру. Преклонный старик, он почти всю жизнь прослужил в Индии. Отец Тони дал ему приход по просьбе своего зубного врача. Викарий обладал благородного тембра зычным голосом и считался лучшим проповедником в округе.

Проповеди были созданы им в расцвете сил и предназна-

чались для гарнизонной часовни; он никак не пытался приспособить их для своей паствы, и они по большей части заканчивались обращением к далеким очагам и далеким семьям. Прихожане этому нисколько не удивлялись. Немногое из того, о чем говорилось в церкви, имело, как они замечали, отношение к их жизни. Они очень любили проповеди своего vikария и знали, что, когда vikарий заводит речь о далеких очагах, пора отряхивать пыль с колен и искать зонтики.

– «...И вот теперь, в этот торжественнейший час недели нашей, когда мы стоим здесь, обнажив головы, – читал он, изо всех сил напрягая мощный стариковский голос перед концовкой, – вспомним милостивую государыню нашу королеву⁸, чью службу мы несем здесь, и помолим Господа о том, дабы минула ее чаша сия и не пришлось бы ей посылать нас во исполнение долга нашего в отдаленнейшие уголки земли, подумаем об очагах, ради нее оставленных, и о далеких семьях наших и вспомним о том, что хотя между нами и лежат пустыни и океаны, никогда мы не бываем к ним так близки, как поутру в воскресенье, когда, несмотря на разделяющие нас пески и горы, мы едины в преданности властительнице нашей и в общем молебствовании о ее благоденствии; все мы – гордые подданные ее скипетра и короны».

⁸ Имеется в виду королева Виктория, в правление которой (1837–1901) была написана проповедь. Действие романа происходит в начале 30-х годов, при Георге V (1910–1936).

(«Преподобный Тендрил ужас как уважает королеву», – сказала как-то Тони жена садовника.)

Хор стал во фронт, спел последний гимн, паства с минуты стояла молча, склонив головы, и потянулась к дверям. Прихожане не здоровались, пока не высыпали на кладбище, и только там приветствовали друг друга – кто участливо, кто сердечно, кто словоохотливо.

Тони поговорил с женой ветеринара и с мистером Партриджем из лавки, затем к нему подошел викарий.

– Леди Бренда, надеюсь, не заболела?

– Ничего серьезного, легкое недомогание. – Тони неизменно отвечал так, когда появлялся в церкви без Бренды. – Очень интересная проповедь, викарий.

– Рад, что она вам понравилась, дорогой мальчик. Это одна из моих любимых. Неужели вы никогда раньше ее не слышали?

– Нет. Уверяю вас.

– Да, последнее время я ее здесь не читал. Но когда меня приглашают замещать, я неизменно останавливаю выбор на ней. Сейчас справлюсь – у меня отмечено, когда я ее читал. – Старик вынул из-под мышки большую рукописную книгу, открыл ее. Черный переплет книги обветшал, страницы пожелтели от старости. – Так-так, вот оно. Первый раз я ее читал в Джелалабаде кольдстримским гвардейцам⁹; потом в

⁹ Имеется в виду оккупация Джелалабада (1879–1880) английскими войсками в ходе второй англо-афганской войны.

Красном море – я тогда в четвертый раз возвращался с побывки, – потом в Сидмуте, Ментоне, Уинчестере, на летнем слете вожачков герл-скаутов в 1921 году... В гильдии церковных актеров в Лестере... Дважды зимой 1926 года в Борнмуте – бедная Ада тогда так болела... Да, пожалуй, я не читал ее здесь с 1911 года, а вы тогда были слишком малы, чтобы ее оценить.

Сестра викария завязала с Джоном беседу. Он рассказывал ей про мула Одуванчика:

– ...Бен говорит, он бы оклемался, если бы мог блевать, только мулы не могут блевать, и лошади не могут.

Няня схватила его за руку и потащила к дому:

– Сколько раз я тебе говорила, чтоб ты не смел повторять, что говорит Бен Хэккет! Мисс Тендрил неинтересно про Одуванчика. И чтоб я больше от тебя не слышала такого слова – «блевать».

– Это же значит, что его тошнило.

– Мисс Тендрил неинтересно знать, как кого тошнило.

Когда группки между папертью и кладбищенскими воротами стали распадаться, Тони направился в сад. В оранжереях был сегодня богатый ассортимент бутоньерок, он выбрал лимонно-желтые гвоздики с алыми кружевными краями для себя и Бивера и камелию для жены.

Лучи ноябрьского солнца, проникая сквозь витражи стрельчатых окон и эркеров, окрашивались расписными гер-

бами в зелень, золото, червлень и лазурь, дробились освинцованными эмблемами на множество цветных пятен и точек. Бренда ступенька за ступенькой спускалась по главной лестнице, попадая то в сумрак, то в радужное сияние. Обеими руками она прижимала к груди сумочку, шляпку, незаконченную вышивку по канве и растрепанную кипу воскресных газет; из-за всего этого, словно из чадры, выглядывали только глаза и лоб. Внизу из тьмы вынырнул Бивер и остановился у подножия лестницы, глядя на Бренду:

– Вам помочь?

– Нет, спасибо, я справлюсь. Как спали?

– Великолепно.

– Пари держу, что нет.

– Видите ли, я вообще плохо сплю.

– В следующий раз, как приедете, вам отведут другую комнату. Но только вряд ли вы приедете. У нас такое редко случается. А это очень печально, потому что без гостей скучно, а живя здесь, невозможно завести новых друзей.

– Тони ушел в церковь.

– Да, он это любит. Он скоро вернется. Давайте выйдем на несколько минут – такая прелестная погода.

По возвращении Тони застал их в библиотеке. Бивер гадал Бренде на картах.

– А теперь еще раз снимите, – говорил он, – и посмотрим, что будет, что случится... Вот... вас ждет нечаянная радость и деньги через чью-то смерть. Вернее, вы кого-то убьете. Не

могу сказать кого – мужчину или женщину... ах да, женщину... Потом вам предстоит дальняя дорога, за морем вы выйдете замуж за шестерых негров разом, родите одиннадцать детей, отпустите бороду и умрете.

– Какой противный! А я-то думала, вы всерьез. Привет, Тони. Как было в церкви – получил удовольствие?

– Полное. Хереса не хотите?

Когда перед самым обедом они остались вдвоем, Тони сказал:

– Детка, ты просто героиня – приняла весь удар на себя.

– Что ты, я люблю давать представления, и, по правде говоря, я бессовестно его завлекаю.

– Так я и понял. Что ж, я займусь им после обеда, а вечером он уедет.

– Разве? Мне даже жалко. Знаешь, в чем разница между нами: когда к нам приезжает какой-нибудь жуткий тип, ты тут же скрываешься, а мне даже доставляет удовольствие мести перед ним хвостом и любоваться, как здорово это у меня выходит. И потом, Бивер не так уж плох. В некоторых отношениях он такой же, как мы.

– Только не такой, как я, – сказал Тони.

После обеда Тони предложил:

– Если вам действительно интересно, я могу показать вам дом. Я знаю, теперь этот стиль не в моде, – моя тетка Фрэнсис говорит, что это подлинный Пекснифф, – но, по-моему, в

своем роде он хорош.

Осмотр занял два часа. В тонком искусстве осмотра домов Бивер не знал себе равных: ведь он был взлелеян на этом – он с детства сопровождал мать, которая всегда увлекалась интерьерерами, а позже, вынужденная обстоятельствами, сделала из них профессию. Он рассыпал хвалы к месту, так что Тони, и без того любивший показывать свои сокровища, просто расцвел.

Хеттон был порожден последним всплеском готического возрождения: к этому времени течение уже порастратило фантазию и причудливость и стало скучно рациональным и тяжеловесным.

Они осмотрели все: гостиную, где окна, точно в школьном актовом зале, закрывались ставнями, монастырские коридоры, сумрачный внутренний дворик, часовню, где до воцарения Тони ежедневно зачитывали молитвы домочадцам, буфетную и контору, спальни и чердаки, резервуар для воды, спрятанный среди зубчатых стен. Взобралась по винтовой лестнице к часовому механизму и дождалась, пока пробыет половина четвертого. Затем, едва не оглохнув, спустились вниз и перешли к коллекциям слоновой кости, печаток, табакерок, фарфора, позолоченной бронзы, перегородчатой и прочих эмалей; постояли перед каждым портретом в дубовой галерее и обсудили их родственные связи; брали с полок в библиотеке наиболее примечательные фолианты, рассматривали гравюры Хеттона до перестройки, расходные книги

старого аббатства, путевые дневники предков Тони. Временами Бивер замечал: «У Тех-то и Тех-то есть похожая Там-то и Там-то», и Тони неизменно отвечал: «Да, я ее видел, но моя более ранняя». В конце концов они возвратились в курительную, и Тони препоручил Бивера Бренде.

Бренда, свернувшись в кресле, коротала время над вышивкой.

– Ну как? – спросила она, не поднимая глаз от вышивки. – Что скажете?

– Великолепно.

– Знаете, мне вы можете этого не говорить.

– Ну, есть много поистине прекрасных вещей.

– Да, *вещи* действительно недурны.

– Разве вы не любите Хеттон?

– Я-то? Да я его *ненавижу*... то есть шучу, конечно... но иногда очень хочется, чтоб он не был *так* ужасающе и фундаментально безобразен. Только я скорее умерла бы, чем призналась в этом Тони. Разумеется, мы не могли бы жить нигде, кроме Хеттона. Тони просто помешан на доме. Смешно. Никто из нас не рвал на себе волосы, когда мой брат Реджи продал *наш* дом, а его, знаете ли, построил Ванбру...¹⁰ Мы вроде бы считаемся счастливыми, раз можем содержать Хеттон. Знаете, во что нам обходится жизнь здесь? Мы были бы очень богаты, если бы не Хеттон. А так нам приходится содержать пятнадцать человек прислуги, не считая

¹⁰ Джон Ванбру (1664–1726) – английский комедиограф и архитектор.

садовников, плотников, ночного сторожа, множества работников на ферме и бог знает кого еще – вечно надо то часы завести, то сварганить счета, то вычистить ров, а мы с Тони ломаем себе головы, прикидываем, как дешевле поехать на вечер в Лондон – машиной или купить дневной билет... Я бы не так досадовала, если бы дом был красивый, как, к примеру, дом моих родителей... но Тони здесь вырос и, разумеется, видит все другими глазами...

К чаю вышел Тони.

– Не сочтите за намек, – сказал он, – но, если хотите поспеть на этот поезд, вам пора собираться.

– Все в порядке, я уговорила его остаться до завтра.

– Если вы, конечно, не возражаете...

– Вот и прекрасно. Я очень рад. В воскресенье тяжело ехать, особенно этим поездом.

Вошел Джон.

– А я думал, мистер Бивер уезжает, – сказал он.

– Нет, он остается до завтра.

– А.

После обеда Тони читал газеты, а Бренда и Бивер, пристроившись на диване, играли в разные игры. Сначала они решали кроссворд. Потом Бивер говорил: «Я загадал», а Бренда задавала вопросы, пытаясь узнать, что он задумал. Он задумал ром, которым упился мул Одуванчик. Джон по-

ведал ему эту историю за чаем. Бренда тут же догадалась. Потом они играли в «Аналогии» – сначала об общих знакомых, потом друг о друге.

Они попрощались вечером: Бивер уезжал поездом 9:10.

– Когда приедете в Лондон, непременно дайте о себе знать.

– Может, я и выберусь на этой неделе.

Утром Бивер дал обоим – дворецкому и лакею – по десять шиллингов. Тони, которого, несмотря на героические усилия Бренды, все еще мучила совесть, спустился к завтраку попрощаться с гостем. Затем вернулся в Гвиневеру.

– Наконец-то сбыли с рук. Ты была неподражаема, детка. По-моему, он уехал в полной уверенности, что ты от него без ума.

– Ну не такой уж он ужасный.

– Нет, не такой. Должен сказать, при осмотре дома он проявил и заинтересованность, и осведомленность.

Когда Бивер вернулся, миссис Бивер ела простоквашу.

– Кто у них был?

– Никого.

– Никого? Бедный мальчик!

– Они меня не ждали. Поначалу все шло ужасно, но потом стало легче. Ты их точно описала. Она прелесть, он почти не раскрывал рта.

– Жаль, что я ее никогда не вижу.

- Она говорила, что хотела бы снять квартиру в Лондоне.
- Вот как? – Перестройка конюшен и гаражей в квартиры занимала немаловажное место в делах миссис Бивер. – А что именно ей нужно?
- Что-нибудь попроще. Две комнаты с ванной. Но она еще толком ничего не решила. Она пока не говорила с Тони.
- Я уверена, что смогу подыскать ей квартиру.

II

Если Бренде надо было поехать на день в Лондон за покупками, к парикмахеру или костоправу (последним она особенно увлекалась), она ехала в среду: в этот день билеты шли в полцены. Она уезжала в восемь утра и возвращалась вечером, в начале одиннадцатого. Ездила она обычно третьим классом, и вагоны по большей части бывали переполнены, потому что остальные домохозяйки, жившие по этой линии, тоже не упускали случая съездить в город задешево. Обычно она проводила день со своей младшей сестрой Марджори; муж ее, перспективный кандидат от консервативной партии, собирался баллотироваться в избирательном округе Южного Лондона, преимущественно лейбористских симпатий. Марджори была менее хрупкая, чем Бренда. Газеты называли их не иначе как «прелестные сестры Рекс». Марджори и Аллан были стеснены в средствах, но имели широкий круг знакомств; они не могли позволить себе ребенка и жи-

ли в маленьком домике вблизи Портмен-сквер, в двух шагах от Паддингтонского вокзала. У них был китайский мопс по кличке Джинн.

Бренда приехала с налету, поручив дворецкому позвонить Марджори и предупредить об ее приезде. Она выпорхнула из поезда, проведя два с четвертью часа в вагоне, где жалось по пять человек на скамейке, такая свежая и изящная, словно только что появилась из роскошных апартаментов отеля, где над ней трудилась целая армия массажисток, педикюрш, маникюрш и парикмахерш. Она никогда не выглядела средне – такая у нее была особенность: когда она действительно выматывалась, что нередко бывало после наездов в Лондон, то распадалась прямо на глазах и превращалась в халду; тогда она сидела еле живая у камина с чашкой размоченного в молоке хлеба до тех пор, пока Тони не уводил ее спать.

Марджори в шляпке сидела за письменным столом и колдовала над чековой книжкой и пачкой счетов.

– Детка, что за чудеса делает с тобой деревенский воздух! Ты выглядишь бесподобно. Скажи, где ты купила этот костюм?

– Не знаю, в каком-то магазине.

– Что нового в Хеттоне?

– Все то же. Тони работает под феодала. Джон Эндрю ругается, как извозчик.

– А как ты?

– Я-то? Что мне сделается?

– Кто приезжал?

– Никто. На прошлой неделе гостил друг Тони – мистер Бивер.

– Джон Бивер?.. Как странно. Никогда не подумала бы, что он может нравиться Тони.

– Ты не ошиблась... А что он такое?

– Я его почти не знаю. Вижу иногда у Марго. Он мастак ходить в гости.

– А мне кажется, он довольно жалостный.

– Уж это точно. Ты на него кинула глаз?

– Господи, разумеется, нет.

Они повели Джинна на прогулку в парк. Пес был до крайности неблагодарный, он не глядел по сторонам, и его приходилось тащить волоком; они сводили его к уоттсовской «Физической мощи»¹¹; если его спускали с поводка, он стоял неподвижно, угрюмо уставясь в асфальт, до тех пор пока не поворачивали домой; только один раз он выказал некое подобие чувств: цапнул какого-то ребенка, который потянулся его погладить, а вслед за тем потерялся и обнаружился неподалеку – сидел под стулом, таращась на клочок бумаги. Он был совершенно бесцветный, с розовым носом, розовыми губами и проплешинами вокруг глаз.

– Он, по-моему, начисто лишен человеческих чувств, – сказала Марджори.

¹¹ Статуя английского скульптора и художника Д. Ф. Уоттса (1817–1904), изображающая всадника на коне – олицетворение физической мощи.

Они поговорили о мистере Кратуэлле, их костоправе, о новом курсе лечения Марджори.

– Мне он этого никогда не делал, – позавидовала Бренда и тут же спросила: – А как, ты думаешь, у мистера Бивера насчет секса?

– Откуда мне знать? Представляю, какая это тоска... Значит, ты *все-таки* кинула на него глаз?

– Чего уж там, не так часто я вижу молодых людей, – сказала Бренда.

Они оставили пса дома и отправились за покупками – полотенца для детской, консервированные персики, часы для одного из привратников, отмечавшего шестидесятилетний юбилей службы в Хеттоне, банку отечественных креветок – побаловать Тони; записались к мистеру Кратуэллу. Поговорили о предстоящем приеме у Полли Кокперс.

– Непременно приезжай. Там наверняка не соскучишься.

– Может, и выберусь... Если удастся подыскать кавалера. Тони на дух не переносит Полли. А в моем возрасте уже неприлично разъезжать одной.

Обедать они пошли в новый ресторан на Олбермарл-стрит, недавно открытый их приятельницей Дейзи.

– Тебе везет, – сказала Марджори, едва они переступили порог, – здесь родительница твоего мистера Бивера.

За большим круглым столом в центре зала миссис Бивер кормила компанию человек в восемь, и отнюдь не бескорыстно – ресторан не оправдывал ожиданий Дейзи, она опла-

чивала обед, и вдобавок миссис Бивер был обещан подряд на весенний ремонт и обновление интерьера, если ресторан до этого времени не прогорит. Компания подобралась случайная – людей этих свели вместе не потому, что их что-либо объединяло, и менее всего привязанность к миссис Бивер или друг к другу, а потому лишь, что имена их были широко известны: среди них был не спесивый, хотя еще и не вполне опустившийся герцог, незамужняя девица, прославившаяся своими похождениями, танцовщица, романист, театральный художник, застенчивый помощник министра, который осознал, как он влип, когда было уже слишком поздно, и леди Кокперс.

– Господи, ну и сборище, – сказала Марджори, радостно махая им рукой.

– Лапочки, придете на мой прием? – разнесся на весь ресторан скрипучий голос Полли Кокперс. – Только, чур, никому ни слова. Это будет совсем интимный прием. Всего несколько человек – больше в моем доме не поместится, – только самые старые друзья.

– Все б отдала, чтобы посмотреть, кто на самом деле Поллины старые друзья, – сказала Марджори. – Она ни с кем дольше пяти лет не знакома.

– Какая жалость, что Тони не понимает ее прелести. (Хотя состоянием своим Полли была обязана мужчинам, популярностью она пользовалась главным образом у женщин: они восторгались ее туалетами и купали по дешевке

ее поношенные платья; первые шаги по пути наверх Полли сделала в кругах столь неприметных, что не нажила врагов в том мире, до которого потом возвысилась; несколько лет назад она вышла замуж за добродушного графа, на него в ту пору почему-то никто не посягал, и теперь вскарабкалась разве что не на самые вершины всевозможных социальных лестниц.)

После обеда миссис Бивер проследовала через зал к их столику.

– Мне ужасно некогда, но я просто не могла не подойти к вам. Мы так давно не виделись, а Джон рассказал мне, как *дивно* он провел у вас уик-энд.

– Мы живем так уединенно.

– Именно это он *обожает*. Бедный мальчик в Лондоне сбивается с ног. Скажите, леди Бренда, вы правда подыскиваете квартиру? Похоже, у меня есть именно то, что вам нужно. Сейчас дом ремонтируется, но к Рождеству будет готов. – Миссис Бивер посмотрела на часы. – О господи, надо бежать. А вы никак не могли бы заскочить сегодня ко мне на коктейль? Я бы вам все-все рассказала.

– Пожалуй... – сказала Бренда неуверенно.

– Непременно приходите. Жду вас к шести. Вы, наверное, не знаете, где я живу? – Сообщив адрес, миссис Бивер отбыла.

– Что это она говорила о квартире? – спросила Марджори.

– Да так, есть у меня одна сумасбродная идея...

Позже, раскинувшись в неге на столе костоправа, под сильными пальцами которого ее позвонки трещали и щелкали, Бренда гадала, будет ли Бивер вечером дома.

«Скорее всего, нет, если он так любит светскую жизнь, – думала она, – да и потом, что толку?..»

Но он был дома, невзирая на два приглашения.

Она получила все сведения о квартирке. Миссис Бивер свое дело знала.

– Что нужно людям, – сказала она, – чтоб было где переодеться и позвонить.

Она разгораживала домик в Белгрейвии на шесть квартир – каждая из комнаты с ванной, по три фунта в неделю за все; ванны будут просто шикарные, горячая вода в неограниченном количестве, все новейшие заокеанские усовершенствования, а в комнате поместится огромный стеной шкаф с электрическим освещением изнутри и останется место для постели.

– Это решит давно назревшую проблему, – сказала миссис Бивер.

– Я посоветуюсь с мужем и дам вам знать.

– Только побыстрее, ладно? На них просто невероятный спрос.

– Я вам очень быстро дам знать.

Когда Бренде пришло время уезжать, Бивер отправился с ней на станцию. Обычно она ела в вагоне булочки с шокола-

дом; они вместе сходили за ними в буфет. До отправления поезда оставалось много времени, и вагон был почти пуст. Бивер прошел в вагон и сел рядом с Брендой.

– Вам наверняка хочется уйти.

– Вовсе нет.

– У меня есть что читать.

– Но я *хочу* посидеть с вами.

– Очень мило с вашей стороны. – Потом она сказала довольно робко – ей никогда не приходилось просить о таком: – Вы бы, наверное, не согласились сопровождать меня к Полли?

Бивер заколебался. Перед приемом у Полли предполагалось несколько обедов, и его почти наверняка пригласят на один из них... свяжись он с Брендой, ее придется вести если не в «Эмбасси», так в другой роскошный ресторан... на это уйдет по меньшей мере три фунта... и еще надо будет возиться с ней, провожать ее домой... и если она, по ее словам, и в самом деле растеряла за последнее время всех знакомых (иначе зачем бы он ей понадобился?), значит он к тому же будет связан по рукам и ногам весь вечер...

– Мне очень жаль, – сказал он, – но я уже обещал обедать в одном доме.

Бренда заметила его колебания.

– Я так и думала.

– Но мы там встретимся.

– Да, если я поеду.

– Я бы очень хотел сопровождать вас.

– Что вы, что вы... Я просто так спросила.

Веселое настроение, с которым они покупали булочки, улетучилось. Минуту они посидели молча. Потом Бивер сказал:

– Что ж, я, пожалуй, пойду.

– Да, бегите. Спасибо, что проводили.

Бивер пошел по платформе к выходу. До отхода поезда оставалось еще восемь минут. Вагон внезапно набился битком, и Бренда почувствовала, как она вымоталась.

«С какой стати бедному мальчику связываться со мной? – подумала она. – Но он мог бы отказать и поаккуратнее».

– Ну как, хоть сейчас к Барнардо?¹²

Бренда кивнула.

– Шел по улице малютка, – сказала она, – и совсем, совсем пропал.

Она сидела, склонясь над чашкой, и безучастно помещивала хлеб с молоком. Чувствовала она себя премерзко.

– Хорошо провела день?

Она кивнула:

– Видела Марджори и ее гнусного пса. Кое-что купила. Обедала у Дейзи, в ее новой забегаловке. Ходила к костопра-

¹² Имеются в виду приюты для беспризорных и бездомных детей, названные в честь их основателя и первого директора Томаса Джона *Барнардо* (1845–1905), известного английского филантропа.

ву. Только и всего.

– Знаешь, мне бы хотелось, чтобы ты отказалась от этих поездок. Ты от них очень устаешь.

– Я-то? Что со мной сделается? Просто я хочу умереть – вот и все. И ради бога, Тони, милый, не говори, что надо идти спать, потому что я и пальцем пошевелить не могу...

На следующий день пришла телеграмма от Бивера: «Удалось отмотаться обеда 16. Вы еще свободны».

Она ответила: «Очень рада. Семь раз отмерить всегда хорошо. Бренда».

До сих пор они избегали называть друг друга по имени.

– Ты сегодня как будто в хорошем настроении, – сказал Тони.

– Я себя прекрасно чувствую. Благодаря мистеру Кратуэллу. Он приводит в порядок и нервы, и кровообращение, и все-все.

III

– А куда мама уехала?

– В Лондон.

– А почему?

– Дама по имени леди Кокперс устраивает прием.

– Она хорошая?

– Маме нравится. Мне нет.

– А почему?

– Потому что она похожа на обезьяну.

– Вот бы на нее посмотреть! А она в клетке сидит? А хвост у нее есть? Бен видел женщину, похожую на рыбу, так у нее была не кожа, а чешуя. В цирке, в Каире. И пахло от нее, Бен говорит, как от рыбы.

После отъезда Бренды они пили чай вместе.

– Пап, а что леди Кокперс ест?

– Ну, орехи и разные другие штуки.

– Орехи и какие штуки?

– Самые разные орехи.

И на долгое время образ волосатой и зловредной графини занял воображение Джона Эндрю. Она поселилась в его мире так же прочно, как околевший с перепою Одуванчик. И когда с ним заговаривали деревенские, он рассказывал им про графиню, про то, как она висит вниз головой на дереве и швыряется в прохожих ореховой скорлупой.

– Это ж надо – про живого человека такое придумать! – говорила няня. – Что бы сказала леди Кокперс, если бы услышала?

– Она бы трещала, тараторила, хлесталась хвостом, а потом наловила бы крупных сочных блох и позабыла обо всем.

Бренда остановилась у Марджори. Она оделась первой и прошла к сестре.

– Какая прелесть, детка. Новое?

– Более или менее.

Марджори позвонила дама, к которой она была звана на обед.

– Послушай, ты никак не можешь добыть Аллана сегодня вечером?

– Никак. У него митинг в Камберуэлле. Он, скорее всего, и к Полли не придет.

– Ну а *хоть* какого-нибудь мужчину можешь раздобыть?

– Что-то никто в голову не приходит.

– Ничего не поделаешь, будет на одного мужчину меньше, только и всего. Никак не пойму, что такое сегодня стряслось. Я позвонила Джону Биверу, и, представляешь, даже *он* занят.

– Видишь, – сказала Марджори, вешая трубку, – какой из-за тебя переполох. Ты перехватила единственного свободно-го мужчину в Лондоне.

– О господи, я и не подозревала...

Бивер прибыл без четверти девять, весьма довольный собой: он, пока одевался, отказался от двух приглашений на обед, получил десять фунтов по чеку в клубе, заказал столик с диваном у Эспинозы. И хотя он чуть ли не первый раз в жизни приглашал даму в ресторан, ритуал он знал назубок.

– Надо разглядеть твоего мистера Бивера, – сказала Марджори. – Давай заставим его снять пальто и выпить.

Однако, сойдя вниз, сестры слегка оробели, Бивер же ничуть не смутился. Он был весьма элегантен и выглядел гораздо старше своих лет.

«А он не так уж плох, этот твой мистер Бивер, – казалось, говорил взгляд Марджори, – вовсе нет»; и он, видя двух этих женщин вместе, – а они были красивы, каждая настолько по-своему, что, хотя в их родстве никто не усомнился бы, они могли бы сойти за представительниц разных рас, – начал понимать то, что всю неделю ставило его в тупик: отчего вопреки всем своим принципам и правилам он телеграфировал Бренде и пригласил ее на обед.

– Миссис Джимми Дин страшно расстроена, что не смогла вас сегодня залучить. Но я не выдала вас и не сказала, почему вы отклонили ее приглашение.

– Передайте ей от меня горячий привет, – сказал Бивер. – Но все равно мы встретимся у Полли.

– Мне пора идти. Обед назначен на девять.

– Подожди немного, – сказала Бренда. – Они наверняка опоздают.

Теперь, когда она неминуемо должна была остаться наедине с Бивером, ей совсем этого не хотелось.

– Нет, мне пора. Развлекайтесь, господь с вами. – Марджори почувствовала себя старшей сестрой, видя, как Бренда волнуется и робеет на пороге романа.

После ухода Марджори обоим стало неловко, потому что за неделю разлуки каждый в мыслях своих сблизился с другим гораздо больше, чем позволяли их немногие встречи. Будь Бивер поопытнее, он бы прошел через всю комнату к Бренде и поцеловал бы ее – прямо там же, на ручке кресла,

где она сидела, и, по всей вероятности, она бы не рассердилась. Вместо этого он непринужденно заметил:

– Нам, пожалуй, тоже пора.

– Да, а куда?

– Я думал, к Эспинозе.

– Отлично. Только слушайте, давайте договоримся сразу: это я вас приглашаю.

– Разумеется, нет... что вы.

– Не возражайте. Я пожилая замужняя женщина, на год старше вас, и притом довольно богатая, так что не спорьте – плачу я.

Бивер протестовал, пока они не сели в такси. Отчужденность никак не проходила, и Бивер уже подумывал: «Не ждет ли она, чтобы я на нее набросился?» Так что, когда они попали в затор у Мраморной арки, он потянулся к ней, однако в последний момент она отстранилась. Он сказал: «Бренда, *ну пожалуйста*», но она отвернулась к окну и решительно потрясла головой. Потом, по-прежнему не отводя глаз от окна, протянула ему руку, и они молча просидели так, пока не доехали до ресторана.

Бивер был совершенно ошарашен.

Однако как только они оказались на людях, к нему вернулась былая уверенность. Эспиноза проводил их к столику справа от двери, несколько на отшибе, – это был единственный столик в ресторане, за которым можно было разговаривать, не опасаясь, что тебя услышат. Бренда передала Биве-

ру меню.

– Выбирайте вы. Мне очень немного, и чтобы все блюда были с углеводами, но без белков.

Что бы вы ни заказывали, счет Эспиноза, как правило, представлял одинаковый, но Бренда могла этого не знать, и, так как подразумевалось, что платит она, Бивер стеснялся заказывать явно дорогие блюда. Все же по ее настоянию они заказали шампанское, а позже графинчик ликера для Бивера.

– Вы не представляете себе, как я волнуюсь. Ведь я в первый раз в жизни приглашаю на обед молодого человека.

Они просидели у Эспинозы, пока не подошло время ехать к Полли, раза два потанцевали, но больше болтали. Взаимный интерес настолько превышал их осведомленность друг о друге, что у них не было недостатка в темах.

Через некоторое время Бивер сказал:

– Простите, я вел себя в такси как последний идиот.

– Мм?

Он перестроился:

– Вы не очень рассердились, когда я попытался поцеловать вас?

– Я-то? Нет, не особенно.

– Тогда почему же вы отвернулись?

– О господи, вам еще много чего надо понять.

– Чего?

– Никогда не задавайте таких вопросов. Запомните это на

будущее, ладно?

Он надулся.

– Вы со мной говорите, словно я студент, пустившийся в свой первый загул.

– Выходит, это загул?

– Для меня – нет.

Последовала пауза, потом Бренда сказала:

– Я не совсем уверена, что не сделала ошибку, пригласив вас на обед. Давайте попросим счет и поедем к Полли.

Счет пришлось ждать минут десять, промежуток этот надо было чем-то заполнить, и Бивер сказал, что он просит прощения.

– Вам бы надо *научиться* быть полюбезнее. – У Бренды вдруг наступило просветление. – Думаю, это вам под силу.

Когда счет в конце концов принесли, она сказала:

– Сколько полагается дать на чай?

Бивер объяснил.

– Вы уверены, что этого достаточно? Я дала бы вдвое больше.

– Ровно столько, – сказал Бивер и снова почувствовал себя старшим, чего и добивалась Бренда.

Когда они сели в такси, Бивер тут же понял: ей хочется, чтоб он ее поцеловал. Но он решил – пусть теперь сама делает первый шаг. Поэтому он отодвинулся и завел разговор о старом доме, который сносили, чтобы освободить место для квартала многоквартирных зданий.

– Заткнись, – сказала Бренда. – Иди ко мне.

Когда он поцеловал ее, она потерлась о его щеку своей, такая у нее была манера.

Прием у Полли был точь-в-точь таким, как она хотела, – аккуратным сколком всех лучших приемов, которые она посетила в прошлом году: тот же оркестр, тот же ужин и, самое главное, те же гости. В своем честолюбии она далеко не заходила: ей не нужно было ни произвести фурор, ни устроить прием настолько необычный, чтобы о нем говорили еще много месяцев спустя, не нужны ей были ни добытые из-под земли нелюдимые знаменитости, ни диковинные иностранцы. Ей нужен был самый обыкновенный шикарный прием, и таким он и получился. Пришли практически все, кого она пригласила. Если и существовали другие труднодоступные миры, куда она не была вхожа, Полли о них не подозревала. Она хотела залучить именно этих людей – и добилась своего. И, стоя рядом с лордом Кокперсом, который ради такого случая, как примерный муж, появился на людях вместе с ней, что делал крайне редко, Полли, обозревая гостей, поздравляла себя с тем, что у нее сегодня очень мало лиц, которых она не желала видеть. В прошлые годы приглашенные с ней не церемонились и приводили с собой всех, с кем им случилось в тот день обедать. В этом году без особых усилий с ее стороны приличия не нарушались. Гости, пожелавшие привести с собой друзей, с утра позвонили ей и испро-

сили позволения, а в большинстве своем и на это не отважились. Люди, которые всего полтора года назад делали бы вид, что и не подозревают о ее существовании, теперь непрерывным потоком поднимались по ее лестнице. Она сумела встать вровень с другими замужними дамами своего круга.

У подножия лестницы Бренда сказала:

– Пожалуйста, не оставляй меня. Я, наверное, тут никого не знаю. – И Бивер снова почувствовал себя защитником и покровителем.

Они прошли прямо к оркестру и стали танцевать, разговаривали они мало, только здоровались со знакомыми парами. Через полчаса Бренда сказала:

– Теперь я дам тебе передохнуть. Только смотри, не потеряй меня.

Она танцевала с Джоком Грант-Мензисом и двумя-тремя старыми приятелями и потеряла Бивера из виду, пока не наткнулась на него в баре, где он сидел в полном одиночестве. Он уже давно торчал здесь, перекидываясь одной-двумя фразами с входящими парами, но потом опять оставался в одиночестве. Он томился и в раздражении думал, что, не свяжись он с Брендой, он пришел бы сюда с большой компанией и все повернулось бы иначе.

Бренда заметила, что он не в духе, и сказала: «Пора ужинать».

Час был ранний, и буфет пустовал, только за несколькими столиками уединились серьезные парочки. В простенке

стоял большой круглый, никем не занятый стол, они сели за него.

– Я собираюсь застрять здесь надолго, ты не против? – Она хотела, чтобы он снова почувствовал себя хозяином положения, и поэтому стала расспрашивать его о парочках за другими столиками.

Постепенно их стол заполнялся. К ним подсаживались старые друзья Бренды, с которыми она сблизилась в ту пору, когда начала выезжать и в первые два года брака до смерти отца Тони: мужчины слегка за тридцать, замужние женщины ее лет – одни из них не знали Бивера, другие не любили его. Стол их был явно самым веселым в комнате. Бренда подумала: «Как мой юный кавалер, должно быть, тяготится этим». Ей и в голову не пришло, что, с точки зрения Бивера, ее старые друзья – самые завидные тут люди и он в восторге оттого, что его видят в такой компании.

– До смерти надоело? – шепнула ему она.

– Что ты, счастлив, как никогда.

– А мне надоело. Пойдем потанцуем.

Но оркестр отдыхал, и в бальной не было никого, кроме серьезных парочек, которые переместились сюда в поисках уединения и сидели там и сям вдоль стен, уйдя с головой в разговоры.

– О господи, – сказала Бренда, – мы влипли. Вернуться к столу неудобно... похоже, нам придется ехать домой.

– Но еще нет и двух.

– Для меня это поздно. Послушай, тебе совсем не надо ехать. Оставайся здесь и веселись.

– Разумеется, я поеду с тобой, – сказал Бивер.

Ночь была холодная, ясная. Бренда дрожала, и в такси он обнял ее. Они почти не разговаривали.

– Уже приехали?

Они посидели несколько секунд неподвижно. Потом Бренда высвободилась, и Бивер открыл дверцу.

– К сожалению, я не могу пригласить тебя выпить. Понимаешь, я не у себя и ничего здесь не найду.

– Что ты, что ты.

– Спокойной ночи, милый. Огромное спасибо, что приглядел за мной. Боюсь, я тебе отравила весь вечер.

– Что ты, что ты, – сказал Бивер.

– Позвони мне с утра... Договорились? – Она приложила руку к губам и повернулась к двери.

Еще с минуту Бивер раздумывал, стоит ли вернуться к Полли, но потом решил, что не стоит. Он был близко от дома, да и у Полли к этому времени все, должно быть, уже утомнились, так что он поехал на Суссекс-гарденз и тут же лег спать.

Не успел он раздеться, как внизу раздался телефонный звонок. Звонил его телефон. Он спустился по холоду на два пролета. Звонила Бренда.

– Милый, я уже собиралась повесить трубку. Подумала, что ты вернулся к Полли. Разве твой телефон не у постели?

- Нет, на первом этаже.
 - Значит, я тебе зря позвонила?
 - Ну не знаю. А в чем дело?
 - Просто хотела пожелать тебе спокойной ночи.
 - А-а, понятно, спокойной ночи.
 - Ты позвонишь мне утром?
 - Да.
 - Рано-рано, до того, как наметишь планы?
 - Да.
 - Спокойной ночи, Господь с тобой.
- Бивер снова поднялся на два пролета и залез в постель.

– ...Удрать в самый разгар веселья...

– Стыдно сказать, насколько это было невинно. Он даже не зашел.

– А вот этого-то как раз никто и не узнает.

– Он просто рассвирепел, когда я позвонила.

– А что он о тебе думает?

– Ничего не может понять... совершенно ошарашен и притосковывает.

– Ты что, собираешься это продолжать?

– Сама не знаю. – Зазвонил телефон. – Вот, наверное, он. Но это был не он.

Бренда пришла к Марджори, и они завтракали в постели. В это утро Марджори особенно вошла в роль старшей сестры.

– Право же, Бренда, твой молодой человек – это такое убожество...

– Я сама все знаю. Он не бог весть что, и сноб, и, похоже, у него рыбья кровь, но мне он приглянулся, и все тут... и потом, я не уверена, что он *совсем* ужасный... он обожает свою гнусную мать... и потом, он вечно без денег. По-моему, ему очень не везло в жизни. Он мне все про себя вчера рассказал. Он был раз помолвлен, но они не смогли пожениться из-за денег, а с тех пор у него не было ничего приличного... Его еще многому надо научить. Этим отчасти он мне и нравится.

– О господи, я вижу, ты это всерьез.

Зазвонил телефон.

– Может, *на этот раз* он.

Но знакомый голос так громко заверещал в телефон, что Бренда слышала весь разговор.

– Добрый день, лапочка, какие последние сплетни?

– А, Полли, поздравляю – прекрасный прием.

– Правда, старушка не подкачала? Слушай, что там у твоей сестры с Бивером?

– Что у них?

– Давно они *путаются*?

– Полли, ты попала пальцем в небо.

– Да брось. Сразу видно, что у них далеко зашло. Нет, ты мне скажи, как это ему удалось. Вот что интересно. Что-то в нем наверняка есть, просто мы не замечали.

– Полли тебя засекла. В данный момент она оповещает

весь Лондон о своих наблюдениях.

– Какая жалость, что и оповещать-то не о чем. Этот щенок мне даже не позвонил... Что ж, придется оставить его в покое. Если он не опомнится, я днем уезжаю в Хеттон. Вот, может, он.

Но это был всего-навсего Аллан, который звонил из штаб-квартиры консерваторов извиниться, что не смог накануне приехать к Полли.

– Я слышал, Бренда пустилась во все тяжкие, – сказал он.

– Господи, – сказала Бренда, – можно подумать, молодых людей так легко соблазнить.

– Я тебя почти не видела вчера у Полли, – сказала миссис Бивер. – Куда ты исчез?

– Мы рано уехали. Бренда Ласт устала.

– Она прелестно выглядела. Я очень рада, что ты с ней подружился. Когда ты с ней встречаешься?

– Я договорился, что позвоню.

– Ну так чего же ты ждешь?

– Да что толку, мамчик? Разве я могу себе позволить ухаживать за женщиной вроде Бренды Ласт? Позвонишь ей, она скажет: «Что вы делаете?» – придется ее куда-нибудь вести, и так каждый день. У меня на это нет денег.

– Знаю, сын мой. Знаю, как тебе трудно... и как ты умеешь экономить. Я должна быть благодарна, что мой сын не обременяет меня долгами. И все же не стоит отказывать себе

буквально во *всем*. Так ты в двадцать пять лет превратишься в старого холостяка. Я еще в тот вечер, когда Бренда пришла к нам, заметила, что ты ей нравишься.

– Это точно, я ей очень даже нравлюсь.

– Надеюсь, она решит наконец относительно квартиры. Они сейчас просто нарасхват. Мне придется присмотреть еще один дом, который можно перестроить. Ты просто не поверишь, кто их снимает: масса людей с собственными домами в Лондоне... Ну, мне пора на работу. Кстати, я уезжаю на два дня. Проследи, чтобы Чэмберс как следует о тебе заботилась. Тут Сильвия Ньюпорт нашла каких-то австралийцев, они хотят снять дом в деревне, я повожу их, покажу им один-другой подходящий. Ты где обедаешь?

– У Марго.

К часу, когда они возвратились домой, выгуляв Джинна, Бивер еще не звонил.

– Раз так, значит так, – сказала Бренда. – Я как будто даже рада.

Она послала Тони телеграмму, что приедет дневным поездом, и слабым голосом велела упаковать вещи.

– Похоже, мне сегодня негде обедать, – сказала она.

– Почему бы тебе не пойти к Марго? Я уверена, она будет рада.

– Ладно, позвони ей, спроси.

И она снова встретила Бивера.

Он сидел довольно далеко от нее, и, пока гости не начали расходиться, им так и не пришлось поговорить.

– Я пытался дозвониться тебе все утро, – сказал он, – но было занято.

– Да ладно, – сказала Бренда. – Веду тебя в киношку.

Позже она телеграфировала Тони: «Остаюсь Марджори день два целую вас обоих».

IV

– А мама сегодня приедет?

– Надеюсь.

– Как долго она гостит у этой обезьяньей тетки. Можно, я поеду на станцию ее встречать?

– Конечно, поедем вместе.

– Она целых четыре дня не видела Громобоя. И как я прыгаю через новый барьер, тоже не видела, верно, пап?

Бренда приехала поездом 3:18. Тони и Джон Эндрю явились на станцию загодя. Они походили по перрону, все осмотрели, купили шоколадку в автомате.

Начальник станции вышел к ним поболтать:

– Ее милость сегодня возвращается?

Он был старым приятелем Тони.

– Я ее каждый день ждал. Сами знаете, что бывает с дамами, когда они дорвутся до Лондона.

– Жена Сэма Брейса как уехала в Лондон, так никакими

силами нельзя было ее оттуда выманить. Пришлось ему самому туда за ней отправиться. А она ему же еще и трепку задала.

Но вот подошел поезд, и Бренда грациозно выпорхнула из вагона третьего класса.

– Оба пришли. Какие милые. Я этого не заслужила.

– Мам, а обезьянью тетку ты привезла?

– Что за *чушь* порет ребенок?

– Он вбил себе в голову, что у твоей подружки Полли есть хвост.

– Кстати говоря, меня бы ничуть не удивило, если бы так оно и оказалось.

Багаж Бренды уместился в двух крохотных чемоданчиках. Шофер привязал их к багажнику, и Ласты покатали в Хеттон.

– Какие новости?

– Бен ставил высокий-высокий барьер, и мы с Громобоем вчера шесть раз прыгали, и сегодня шесть раз, и еще в прудике сдохли две рыбки, они вздулись и плавают вверх животами, и еще няня вчера обожгла чайником палец, и еще мы с папой вчера видели лису, ну, совсем рядом, она посидела, а потом убежала в лес, и еще я начал рисовать битву, но никак не могу кончить, потому что краски не те, и еще серая ломовая, у которой были глисты, поправилась.

– Никаких особых новостей, – сказал Тони. – Мы по тебе скучали. Что ты делала в Лондоне так долго?

- Я-то? Скверно себя вела, по правде говоря.
- Швырялась деньгами?
- Хуже. Флиртовала почему зря, ухнула кучу денег и получила уйму удовольствия. Но у меня есть для тебя ужасная новость.
- Что такое?
- Нет, лучше я ее попридержу. Тебе она вовсе не понравится.
- Ты купила мопса.
- Хуже, гораздо хуже. Только я этого еще не сделала. Но сил нет, как хочу.
- Давай выкладывай.
- Тони, я нашла квартиру.
- Так потеряй ее, и побыстрее.
- Ладно, я за тебя еще возьмусь. А пока постарайся заранее не хандрить.
- Я и думать об этом забуду.
- Пап, а что такое квартира?

Бренда обедала в пижаме, потом, примостившись около Тони на диване, ела сахар из его чашки.

- Все это, как я понимаю, означает, что ты снова заведешь разговор о квартире.
- Мм...
- Ты не подписывала никаких бумаг, а?
- Что ты! – Бренда решительно затрясла головой.

– Тогда еще ничего страшного. – Тони принялся набивать трубку.

Бренда присела на диване на корточки.

– Слушай, а ты не хандрил?

– Нет.

– Потому что ты квартиру представляешь себе совсем иначе, чем я. Для *тебя* квартира – это и лифт, и швейцар в галунах, и огромный парадный вход, и роскошный холл, из которого во все стороны ведут двери, и кухни, и буфетные, и столовые, и гостиные, и спальни для прислуги... верно, Тони?

– Более или менее.

– *То-то и оно.* А для меня – это спальня с ванной и телефоном. Уловил разницу? Так вот, одна моя знакомая...

– Какая знакомая?

– Ты ее не знаешь... Так вот, она разгородила целый дом неподалеку от Белгрейв-сквер на такие квартирки – платишь три фунта в неделю, и никаких тебе налогов и обложений, горячая вода, центральное отопление, когда нужно, можно вызвать уборщицу, что ты на это скажешь?

– Понятно.

– Теперь послушай, что я думаю. Что такое три фунта в неделю? Меньше девяти шиллингов в день. А где ты можешь остановиться с такими удобствами меньше чем за девять шиллингов? Тебе приходится ехать в клуб, а это обходится дороже, а я не могу вечно останавливаться у Марджо-

ри, ее это стесняет, ведь у нее еще пес, и ты сам всегда говоришь, когда я приезжаю вечером из Лондона, прошатавшись весь день по магазинам: «Почему ты не осталась там ночевать? – говоришь ты. – Зачем так выматываться». Не счесть, сколько раз ты мне это говорил. Я уверена, мы тратим куда больше трех фунтов в неделю из-за того, что у нас нет квартиры. Знаешь что – я пожертвую мистером Кратуэллом. Идет?

– Тебе в самом деле так этого хочется?

– Мм...

– Видишь ли, мне надо подумать. Может, и удастся что-нибудь выкроить, но из-за этого придется отложить кое-какие усовершенствования в доме.

– Я этого совсем не заслужила, – сказала она, закрепляя сделку, – я всю неделю флиртовала *почем зря*.

Бренда пробыла в Хеттоне всего трое суток. Потом вернулась в Лондон, заявив, что ей надо заняться квартирой. Квартира, однако, не требовала пристального внимания. Предстояло решить, в какой цвет окрасить стены, и купить кое-что из мебели. У миссис Бивер все было наготове: она предоставила Бренде на выбор кровать, ковер, туалетный столик и стул – больше в комнате ничего не помещалось. Миссис Бивер пыталась всучить ей набор вышивок на стены, но Бренда их отвергла, а заодно с ними электрогрелку, миниатюрные весы для ванной, холодильник, стоячие часы,

триктрак из зеркального стекла и синтетической слоновой кости, серию книг французских поэтов восемнадцатого века в изящных переплетах, массажный аппарат и радиоприемник, вделанный в лакированный ящичек в стиле Регентства, – все это было выставлено специально для нее в лавке в качестве «недурных идей».

Миссис Бивер была не в претензии к Бренде за скромность ее приобретений, она неплохо подзаработала на квартире выше этажом, где одна канадская дама обшивала стены хромированными панелями, не считаясь с расходами.

Тем временем Бренда останавливалась у Марджори на условиях, которые делались все более унижительными.

– Мне не хотелось бы читать тебе мораль, – сказала Марджори как-то утром, – но я не желаю, чтобы твой мистер Бивер целыми днями торчал в моем доме и еще называл меня Марджори.

– Потерпи, квартира скоро будет готова.

– И я повторяю и буду повторять, что ты совершаешь нелепую ошибку.

– Просто тебе не нравится мистер Бивер.

– Нет, не только в этом дело. Видишь ли, я думаю, что Тони придется туго.

– За Тони не беспокойся.

– А если будет скандал?..

– Скандала не будет.

– Ну не скажи. Так вот, если будет скандал, я не хочу, что-

бы Аллан думал, будто я вам потакала.

– Я тебе не говорила таких гадостей насчет Робина Бизили.

– Между нами ничего такого и не было, – сказала Марджори.

Но если не считать Марджори, общественное мнение было целиком на стороне Бренды. По утрам трещали телефоны, разнося новости о ее похождениях, и даже те, кто был с нею едва знаком, взхлеб рассказывали, как видели ее накануне с Бивером в ресторане или в кино.

В эту осень худосочных и скудных романов сходились и расходились лишь парочки, которым это было на роду написано, и Бренда кинула кусок тем, кто, за неимением других удовольствий, раскинувшись поутру в постели, наслаждался, обсасывая такого рода новости по телефону. Обстоятельства романа Бренды имели особое очарование: целых пять лет она была легендой, чем-то почти мистическим, плененной принцессой из волшебной сказки, и теперь, когда она явила миру подлинное лицо, это было куда увлекательней, чем смена предмета увлечения у любой другой благоразумной жены. Самый выбор партнера сообщал этой связи нечто фантазмагорическое: Бивер – это всеобщее посмешище – был внезапно вознесен ею в сверкающую обитель небожителей. Если бы после семи лет неукоснительной супружеской верности Бренда наконец закрутила роман с Джоком Грант-Мензисом, или Робинотом Бизили, или любым другим хлыщом, с

которым почти у всех рано или поздно был один-другой заход, это тоже было бы захватывающе интересно, но в конце концов не выходило бы за рамки привычной салонной комедии. Избрание Бивера поднимало эту эскападу в глазах Полли, Дэйзи, Анджелы и всей шайки сплетниц до поэтических высот.

Миссис Бивер не скрывала своего восторга: «Конечно, Джон ничего мне не говорит, но если то, что я слышу, правда, мальчику это пойдет на пользу. Конечно, он всегда нарахват и у него много друзей, но *тут совсем другое дело*. Я давно чувствовала, ему чего-то недостает, и думаю, что именно такая очаровательная и опытная женщина, как Бренда Ласт, может ему помочь. Он оч-чень привязчив, но он такой сдержанный, что по нему никогда не догадаешься... Сказать по правде, я почувствовала что-то такое в воздухе на прошлой неделе и под благовидным предлогом уехала на несколько дней. Не сделай я этого, может, у них все и кончилось бы ничем. Он такой застенчивый и скрытный, даже со мной. Я распоряжусь, чтобы шахматы тут же починили и отослали вам. Благодарю вас».

Бивер первый раз в жизни почувствовал себя человеком интересным и чуть ли не значительным. Женщины заново приглядывались к нему, размышляя, что же они в нем проглядели, мужчины обращались с ним как с равным и даже удачливым соперником. Возможно, они и задавались вопросом: «И за что это ему?» Зато, когда он входил в Брэтт-клуб,

для него освобождали место у стойки и говорили: «Привет, старик, опрокинем по одной?»»

Бренда звонила Тони утром и вечером. Иногда с ней разговаривал Джон Эндрю – голосом пронзительным, как у Полли Кокперс; ответов ее он не слушал. На субботу и воскресенье она уехала в Хеттон, потом снова вернулась в Лондон, на этот раз в квартиру, где краска уже высохла, хотя горячую воду еще подавали с перебоями; тут от всего пахло новизной: от стен, простынь, занавесок, а от новых радиаторов куда менее приятно разило раскаленным железом.

Вечером она, как всегда, позвонила в Хеттон.

– Я говорю из квартиры...

– Вот как...

– *Милый*, ну изобрази немножко больше энтузиазма в голосе. Здесь все так интересно.

– На что это похоже?

– Ну, сейчас тут самые разные запахи, и ванна издает такие странные звуки, и когда поворачиваешь кран с горячей водой, раздается только шипение, а из холодного капает вода, но совсем коричневая, и дверцы шкафа заклинились, и занавески не задергиваются, так что уличный фонарь всю ночь бьет в глаза... но это *божественно*.

– Да что ты.

– Тони, не надо. Здесь все так интересно – и входная дверь, и ключ от квартиры, и все-все... И еще мне сегодня

прислали целую охапку цветов, а их тут некуда ставить, и они у меня в тазу, здесь нет ваз. Это ведь не ты прислал, нет?

– Да... собственно говоря, я.

– Милый, а я так надеялась, что... как это похоже на тебя.

– Ваше время истекло.

– Пора кончать.

– Когда ты вернешься?

– Очень скоро. Спокойной ночи, родной.

– Сколько можно разговаривать, – сказал Бивер.

Все время, пока шел разговор, ей приходилось заслонять телефон: Бивер игриво угрожал разъединить его.

– Как мило, что Тони прислал цветы, правда?

– Ну, я не в таком уж восторге от Тони.

– Пусть это тебя не мучит, красавец мой, потому что ты ему *нисколько* не нравишься.

– Правда? А почему?

– Потому что ты никому, кроме меня, не нравишься. За-руби это себе на носу... да *и* я понять не могу, чем ты меня пленил.

Бивер с матерью уезжали на Рождество к родственникам в Ирландию. Тони и Бренда встречали Рождество в семейном кругу: Марджори с Алланом, мать Бренды, тетка Тони Фрэнсис и две семьи захудалых Ластов, убогих и смиренных жертв права первородства, для которых Хеттон значил так же много, как и для Тони. В детской ставили маленькую елку

для Джона Эндрю, внизу, в главной зале, – большую, ее наряжали захудалые Ласты и зажигали за полчаса до чая (рядом ставили двух лакеев с мокрыми губками на шестах, чтобы тушить скрючившиеся свечи, грозящие пожаром). Подарки дарились всем слугам в строгом соответствии с рангом и всем гостям (захудалым Ластам – чеки). Аллан всегда привозил огромный паштет из гусиной печенки – деликатес, к которому он питал особое пристрастие. Все объелись и к началу Святков, перед раздачей подарков, впали в некоторое оцепенение; гостей обносили серебряными ковшами подожженного коньяка, трескали хлопушки, бумажные шляпы, комнатные фейерверки, конфеты в фантиках с нравоучениями. В этом году все шло как по маслу; казалось, ничто не угрожало миру и благополучию дома. Прибыл хор и пропел рождественские гимны в галерее смолистой сосны, потом поглощал в непомерных количествах горячий пунш и сладкое печенье. Викарий произнес неизменную рождественскую проповедь. Ту самую, которую прихожане особенно любили.

– Трудно представить себе, – начал он, умильно оглядывая паству, которая кашляла в шарфы и растирала окоченевшие пальцы шерстяными перчатками, – что наступило Рождество. Вместо пылающих в очаге бревен и наглухо закрытых от метели окон мы видим жестоко палящее чужеземное солнце, вместо счастливого круга любимых лиц родных и близких – бессмысленные взгляды покоренных, хотя, естественно, и благодарных, язычников. Вместо мирного вола и

вифлеемского осла, — говорил викарий, несколько путаясь в сравнениях, — нам сопутствуют хищный тигр и диковинный верблюд, коварный шакал и величавый слон... — И так далее.

Слова эти в свое время трогали сердца многих огрубевших душой кавалеристов, и, слыша их опять, а он слышал их из года в год с тех пор, как мистер Тендрил появился у них в приходе, Тони, да и большинство его гостей воспринимали их как неотъемлемую принадлежность Рождества, без которой им было бы трудно обойтись. «Хищный тигр и диковинный верблюд» стали притчей во языцех в семье и часто использовались в разных играх.

Игры Бренда переносила тяжелее всего. Они ее никоим образом не забавляли, и она до сих пор конфузилась при виде ряженого Тони. Еще больше ее мучил страх, что недостаток энтузиазма с ее стороны обедневшие Ласты могут приписать высокомерию. Такая щепетильность — о чем она не догадывалась — была совершенно излишней, ибо родственникам мужа и в голову не приходило относиться к ней иначе как с родственной приязнью и некоторым снисхождением, ибо, будучи Ластами, они считали, что имеют в Хеттоне куда больше прав, чем она. Тетка Фрэнсис, женщина язвительного ума, быстро смекнула, в чем дело, и попыталась успокоить ее. «Дитя мое, — сказала она, — такая деликатность бессмысленна: только богатые осознают ту пропасть, которая отделяет их от бедных», однако неловкость не исчезала, и вечер за вечером Бренда по воле родственников высыла-

лась из комнат, задавала вопросы и отвечала на них, участвовала в грубых шутках, выкупала фанты, рисовала картинки, писала стихи, рядилась, убегала от преследователей и сидела в шкафах. В этом году Рождество пришлось на пятницу, так что праздники затянулись, и гости задержались у них с четверга до понедельника.

Из чувства самосохранения она запретила Биверу посылать ей подарок или письмо, потому что наперед знала: что бы он ни написал, это оскорбит ее своим убожеством, но, несмотря на это, нервничала, поджидая почту, и надеялась, что он все же ее послушается. Она послала ему в Ирландию перстень из трех переплетенных пластин золота и платины. Она пожалела о своем выборе уже через час после того, как отправила заказ. Во вторник пришло благодарственное письмо от Бивера.

Милая Бренда, – писал он, – большое тебе спасибо за прекрасный рождественский подарок. Можешь представить, как я обрадовался, когда увидел розовую кожаную коробочку, и как удивился, когда открыл ее. Как мило, что ты прислала мне такой прекрасный подарок. Большое тебе спасибо еще раз. Надеюсь, что вы хорошо проводите Рождество. Здесь довольно скучно. Вчера все ездили на охоту. Я ездил только на сбор. Охота была неудачная. Мама тоже здесь, она шлет тебе привет. Мы уедем отсюда завтра или послезавтра. Мама простудилась...

Тут страница кончилась, а с ней и письмо. Бивер писал его перед обедом, а потом сунул в конверт, да так и забыл закончить. Он писал крупным почерком школьницы, с большими пробелами между строк.

Бренду чуть не стошнило, когда она прочла письмо, но она все же показала его Марджори.

– Жаловаться не на что, – сказала она. – Он никогда не делал вид, что так уж пылает. Да и подарок какой-то идиотский.

Тони впал во мрак из-за предстоящего визита к Анджеле. Он не любил уезжать из дому.

– Тебе не обязательно ехать, дорогой. Я все улажу.

– Нет, я поеду. Я тебя мало видел последние три недели.

Всю среду они провели вдвоем. Бренда из кожи вон лезла, и Тони повеселел. На этот раз она была с ним особенно нежна и почти его не дразнила.

В четверг они отправились на север, в Йоркшир. Бивер уже был там. Тони наткнулся на него в первые же полчаса и поспешил вверх – поделиться своим открытием с Брендой.

– Я тебя сейчас удивлю, – сказал он. – Угадай, кого я здесь встретил?

– Кого?

– Нашего старого приятеля Бивера.

– Что тут удивительного?

– Ну, не знаю. Просто я начисто о нем забыл, а ты? Как

ты думаешь, Анджеке он тоже послал телеграмму?

– Наверное.

Тони решил, что Бивер тут скучает, и изо всех сил старался быть с ним любезным. Он сказал:

– С тех пор как мы виделись в последний раз, произошло много перемен. Бренда сняла квартиру в Лондоне.

– Я знаю.

– Откуда?

– Видите ли, ей сдала квартиру моя мать.

Тони был изумлен и приступил к Брендe:

– Ты мне не сказала, кто устраивает тебе эту квартиру. Знай я, может, я не был бы таким покладистым.

– Конечно, милый, именно поэтому я и не сказала.

Половина гостей задавалась вопросом, как попал сюда Бивер, другая половина была в курсе дела. В результате Бивер и Бренда виделись гораздо меньше, чем если бы были случайными знакомыми, так что Анджеке даже сказала мужу:

– Наверное, мы зря его пригласили. Вот уж никогда не угадаешь.

Бренда не заводила разговора о незаконченном письме, но она заметила, что Бивер носит перстень и даже завел привычку за разговором крутить его на пальце.

В канун Нового года они поехали в гости к соседям. Тони уехал рано, и Бивер с Брендой возвращались домой вместе на заднем сиденье машины. На следующее утро за завтраком Бренда сказала Тони:

– Я дала себе зарок под Новый год.

– Какой – проводить больше времени дома?

– Нет-нет, *совсем* наоборот. Послушай, Тони, это серьезно. Я, пожалуй, запишусь на курсы или что-нибудь в этом роде.

– Надеюсь, не к костоправу? Я думал, с этим покончено.

– Нет, что-нибудь вроде экономики. Видишь ли, я много думала. Я ведь сейчас, в сущности, ничем не занята. Дом управляется сам собой. Вот я и думаю, что мне пора найти себе дело. Ты вечно говоришь, что хотел бы баллотироваться в парламент. Так вот, если бы я прослушала курс лекций по экономике, то могла бы тебе помогать в предвыборной кампании, речи писать и всякое такое, – словом, как Марджори помогала Аллану, когда он баллотировался от Клайда. В Лондоне, где-то при университете, читают всякие лекции, на них и женщины ходят. Тебе не кажется, что это неплохая идея?

– Во всяком случае лучше, чем костоправ, – согласился Тони.

Так начался новый год.

3. И Тони пришлось туго

I

В Брэтт-клубе между девятью и десятью вечера нередко можно встретить мужчин в белых галстуках и фраках, – пребывая в явном упадке духа, они ужинают в полном одиночестве обильно и изысканно. Мужчин этих в последнюю минуту подвели их дамы. Минут двадцать или около того они просидели в фойе какого-нибудь ресторана, выжидательно поглядывая на вращающиеся двери и то вынимая часы, то заказывая коктейли, пока в конце концов к ним не подходил служитель с сообщением: «Просили передать, что ваша гостья прийти не сможет». И они отправлялись в Брэтт, не без надежды встретить друзей, но чаще не без мрачного удовлетворения обнаруживали, что в клубе пусто или что там одни незнакомые. Тогда они усаживались вдоль стен и обедались и упивались, угрюмо буравя глазами столы красного дерева.

Именно по такой же причине и в таком же настроении где-то в середине февраля Джок Грант-Мензис явился в клуб.

– Есть кто-нибудь из знакомых?

– Сегодня очень тихо, сэр. В столовой сидит мистер Ласт.

Джок разыскал Тони в углу; он был в пиджаке, на столе и соседнем стуле кучей лежали газеты и журналы, один из них

был раскрыт перед ним. Тони уже наполовину расправился с ужином и на три четверти – с бутылкой бургундского.

– Привет, – сказал он. – Надули тебя? Подсаживайся.

Джок довольно давно не видел Тони и при встрече несколько смешался; он, подобно всем его друзьям, не раз задавался вопросом, как чувствует себя Тони и что он знает о Бренде и Джоне Бивере. Тем не менее Джок подсел к Тони.

– Надули тебя? – снова спросил Тони.

– Угадал. Теперь эта стерва еще подождет, чтобы я ее пригласил.

– Надо выпить. Я уже много выпил. Лучше ничего не придумаешь.

Они выпили остаток бургундского и заказали еще бутылку.

– Приехал на ночь, – сказал Тони, – остановлюсь здесь.

– Но ведь у тебя есть квартира, разве нет?

– У Бренды есть. Вдвоем там тесно... Мы раз пробовали, ничего не вышло.

– Что она сегодня делает?

– Пошла куда-то в гости. Я ее не предупредил, что приеду... глупо, конечно, но опостылело торчать одному в Хеттоне, вот я и подумал – хорошо бы повидать Бренду, и нагрянул нежданно-негаданно. Глупее не придумаешь. Мог бы догадаться, что она наверняка идет в гости... Она никого никогда не надувает из принципа – вот так и получилось. Она обещала позвонить сюда попозже, если сумеет удрать.

Они изрядно выпили.

Говорил преимущественно Тони.

– И что это за идея заниматься экономикой, – сказал он. – Вот уж не думал, что ее хватит надолго, но она, похоже, и впрямь увлеклась... Наверное, это неплохо... Знаешь, ей и правда особенно нечего делать в Хеттоне. Она, конечно, не признается и под страхом смерти, но, по-моему, она там временами скучала. Я много об этом думал и пришел к такому выводу. Бренда, должно быть, заскучала... впрочем, от экономики она, по-моему, тоже когда-нибудь заскучает. Но как бы там ни было, сейчас она в прекрасном настроении. К нам в последнее время каждый уик-энд приезжают гости. Приехал бы и ты как-нибудь, а, Джок? У меня что-то не налаживается контакт с новыми друзьями Бренды.

– Это что – ее знакомые с экономических курсов?

– Нет, просто какие-то новые знакомые. Им со мной скучно, по-моему, они меня называют «старикан». Джон слышал.

– Ну в этом еще ничего обидного нет.

– Да, обидного нет.

Они прикончили вторую бутылку бургундского и перешли на портвейн. Немного погодя Тони сказал:

– Слушай, приезжай на следующий уик-энд, а?

– А что, с удовольствием.

– Постарайся выбраться. Я теперь почти не вижу старых друзей... У нас, конечно, будет прорва народу, но ты не против, когда вокруг полно народу... А уж как я против, пере-

дать нельзя.

Они выпили еще портвейну.

Тони сказал:

– Ванных, знаешь ли, не хватает... впрочем, что я говорю, ты же знаешь: раньше ты часто у нас бывал. Не то что эти новые приятели, им со мной скучно... Тебе не скучно со мной?

– Ну что ты.

– Даже когда я поддал, как сегодня?.. Ванные я бы построил. Уже все было запланировано. Четыре ванные. Один парень даже чертежи сделал, но тут как раз Бренде понадобилась квартира, так что ванные в целях экономии пришлось отложить... Слушай, вот потеха-то. Из-за этой самой экономики нам приходится экономить.

– Да, потеха. Давай дернем еще портвейну.

Тони сказал:

– Ты сегодня вроде не в духе.

– Еще бы. Житья нет из-за этих чертовых чушек. Избиратели засыпают письмами.

– А я был не в духе, совсем, можно сказать, пал духом, а теперь отошел. В таком случае лучше всего надраться как следует. Так я и сделал и теперь снова воспрянул духом... обидно как-то: приехал в Лондон, а тебя и видеть не хотят. Вот потеха: *ты* не в духе, потому что тебя надула твоя девица, а *я* – потому что моя не хочет надувать.

– Да, потеха.

– А знаешь, я уже давно не в духе... много недель... со-

всем, можно сказать, пал духом... так как насчет коньяка?

– Почему бы и нет? В конце концов, в жизни есть кое-что еще, кроме женщин и чушек.

Они дернули еще коньяку, и Джок постепенно приободрился.

Вскоре к ним подошел рассыльный:

– Леди Бренда просила вам передать...

– Отлично, пойду поговорю с ней.

– Звонила не ее милость, сэр. Она просит передать вам...

– Пойду поговорю с ней.

Он спустился в холл к телефону.

– Детка, – сказал он.

– Это мистер Ласт? Леди Бренда просит передать...

– Ладно, соедините меня с ней.

– Она не может говорить с вами, сэр, она просила передать, что очень сожалеет, но никак не сможет сегодня с вами встретиться. Она очень устала и поехала домой спать.

– Передайте ей, что я хочу с ней поговорить.

– Извините, но это никак невозможно, она легла спать.

Она очень устала.

– Она устала и легла спать?

– Совершенно верно.

– Так вот, я хочу поговорить с ней.

– Спокойной ночи, – сказал голос.

– Старикан надрался, – сказал Бивер, вешая трубку.

– О господи, мне его ужасно жалко. Но он сам виноват, нечего сваливаться как снег на голову. Надо его проучить, чтоб больше не подкидывал таких сюрпризов.

– И часто с ним такое бывает?

– Нет, это что-то новое.

Раздался телефонный звонок.

– Как ты думаешь, это опять он? Пожалуй, лучше мне пойти.

– Я хочу говорить с леди Брендой Ласт.

– Тони, милый, это я, Бренда.

– Какой-то идиот сказал, что я не могу с тобой говорить.

– Я поручила позвонить тебе оттуда, где я обедала. Ну как, веселишься вовсю?

– Тоска зеленая. Я с Джоком. Ему не дают жизни чушки. Ну как, можно нам заехать?

– Нет-нет, только не сейчас, милый, я ужасно устала и ложусь спать.

– Ну так мы к тебе едем.

– Тони, а ты не пьян, самую чуточку?

– Вдрабадан. Так мы с Джоком едем к тебе.

– Тони, я *запрещаю*. Слышишь? Я не допущу, чтоб вы здесь буянили. У этого дома и так плохая репутация.

– Когда мы с Джоком приедем, от его репутации не останется камня на камне.

– Тони, послушай, ну не приезжай сегодня, не надо. Миленький, останься в клубе. Слышишь, *ну пожалуйста!*

– Сию минуту будем. – Он повесил трубку.

– О господи, – сказала Бренда, – Тони на себя не похож.

Позвони в Брэтт-клуб и добудь Джока. До него скорее дойдет.

– Я говорил с Брендой.

– Так я и понял.

– Она у себя. Я сказал, что мы заскочим к ней.

– Вот здорово. Сто лет ее не видел. Люблю Бренду.

– И я люблю. Она молодчина.

– Да, молодчина, ничего не скажешь.

– Мистер Грант-Мензис, вас просит к телефону дама.

– Какая дама?

– Она не назвалась.

– Ладно. Подойду.

Бренда сказала:

– Джок, что ты *сделал* с моим мужем?

– Он чуть перебрал, только и всего.

– Перебрал – не то слово, он буянит. Послушай, он грозитя приехать. Я просто ваюсь с ног от усталости, мне не под силу вынести его сегодня. Скажи, ты меня понял?

– Конечно понял.

– Так уж ты, будь добр, удержи его, ладно? Ты что, тоже перебрал?

– Самую малость.

– Господи, а тебе можно доверять?

– Сделаю все, что смогу.

– Звучит не очень обнадеживающе. До свидания... Джон, тебе придется уехать. Эти буяны могут ворваться в любую минуту. У тебя есть деньги на такси? Возьми у меня в сумке мелочь.

– Звонила твоя дама сердца?

– Да.

– Помирился?

– Не совсем.

– Зря, всегда лучше помириться. Дернем еще коньяку или прямо закатимся к Бренде?

– Давай дернем еще коньяку.

– Джок, ты ведь воспрянул духом, верно? Нельзя падать духом. *Я* вот не падаю. *Раньше* падал, а теперь нет.

– Нет, я не падаю духом.

– Тогда дернем еще коньяку и поедem к Бренде.

– Идет.

Через полчаса они сели в машину Джокa.

– Знаешь что, на твоem месте я не сел бы за руль...

– Не сел бы?

– Ни за что. Скажут еще, что ты пьян.

– Кто скажет?

– Да тот тип, которого ты задавишь. Обязательно скажет, что ты пьян.

– И не ошибется.

– Так вот, я на твоём месте не сел бы за руль.

– Идти далеко.

– Давай возьмем такси.

– К черту все, я вполне могу сесть за руль.

– Давай вообще не поедem к Бренде.

– Нет, как можно не поехать, – сказал Джок, – она нас ждет.

– Я не могу идти пешком в такую даль. И потом, она вроде не так уж хотела нас видеть.

– Ей будет приятно, если мы приедем.

– Да, но это далеко. Пойдем лучше куда-нибудь еще.

– А я хочу к Бренде, – сказал Джок. – Люблю Бренду.

– Она молодчина.

– Молодчина, что и говорить.

– Давай возьмем такси и поедem к Бренде.

На полпути Джок сказал:

– Давай не поедem к Бренде. Давай поедem куда-нибудь еще. Давай поедem в грязный притон.

– А мне все равно. Вели ехать в гнусный притон.

– В гнусный притон, – сказал Джок, просовывая голову в окошечко.

Машина развернулась и помчалась к Риджент-стрит.

– Можно ведь позвонить Бренде из притона.

– Да, надо ей позвонить. Она молодчина.

– Молодчина, что и говорить.

Машина свернула на Голден-сквер, а оттуда – на Синк-

стрит, сомнительной репутации улочку, где обитали в основном уроженцы Азии.

– Знаешь, а он, по-моему, везет нас в «Старушку Сотнягу».

– Не может быть. Я думал, ее давным-давно прикрыли.

Но вход был ярко освещен, и обшарпанный швейцар в фуражке и обшитом галунами пальто подскочил к такси и распахнул перед ними дверцу.

«Старушку Сотнягу» ни разу не закрывали. В течение жизни целого поколения, пока, как грибы после дождя, нарождались новые клубы, с самыми разными названиями и администраторами и самыми разными поползновениями на респектабельность, безбедно проживая свой короткий и чреватый опасностями век и принимая смерть от рук полиции или кредиторов, «Старушка Сотняга» неколебимо противостояла всем козням врагов. Не то чтобы ее совсем не преследовали – вовсе нет. Несть числа случаям, когда отцы города хотели стереть ее с лица земли, вычеркивали из списков, отбирали лицензию, аннулировали право на земельный участок; весь персонал и сам владелец то и дело садились в тюрьму; в палату подавались запросы, создавались всевозможные комитеты, но, какие бы министры внутренних дел и полицейские комиссары ни возвеличивались, чтобы затем бесславно уйти в отставку, двери «Старушки Сотняги» всегда были распахнуты настежь с девяти вечера до четырех утра и в клубе всегда было разливанное море сомнительно-

го качества спиртного. Приветливая девица впустила Тони и Джока в замызганное здание.

– Не откажитесь подписаться, – попросила она, и Тони с Джеком подписали вымышленными именами бланк, гласивший: «Меня пригласил на вечеринку с выпивкой в дом № 100 по Синк-стрит капитан Уэйбридж».

– С вас по пять шиллингов.

Содержание клуба обходилось недорого: никому из персонала, за исключением оркестрантов, жалованья не платили, а обслуга перебивалась как могла, обшаривая карманы пальто и обсчитывая пьяниц. Девиц пускали бесплатно, но им вменялось в обязанность следить, чтобы кавалеры раскошеливались.

– В последний раз, Тони, я здесь был на мальчишнике перед твоей свадьбой.

– Ты тогда здорово надрался.

– Вдрабадан.

– А знаешь, кто еще тогда надрался? Реджи. Он сломал автомат с жевательной резинкой.

– Да, Реджи был вдрабадан.

– Слушай, ты уже воспрянул духом, больше не грустишь из-за этой девчонки?

– Да, воспрянул.

– Тогда пошли вниз.

В зале танцевало довольно много пар. Почтенный старец залез в оркестр и пытался дирижировать.

– Нравится мне этот притон, – сказал Джок. – Что будем пить?

– Коньяк.

Им пришлось купить целую бутылку. Они заполнили бланк заказа винодельческой компании Монморанси и заплатили по два фунта. Этикетка гласила: «Самые выдержанные ликеры, настоящее игристое шампанское. Завоз винодельческой компании Монморанси».

Официант принес имбирный лимонад и четыре стакана. К ним подсели молодые девицы. Звали их Милли и Бэбз.

Милли сказала:

– Вы надолго в город?

Бэбз сказала:

– Сигаретки не найдется?

Тони танцевал с Бэбз.

Она сказала:

– Любите танцевать?

– Нет, а вы?

– Не особенно.

– Тогда посидим.

Официант сказал:

– Купите лотерейный билетик – разыгрывается коробка шоколада.

– Нет.

– Купите один для меня, – сказала Бэбз.

Джок принялся излагать спецификацию томасовских чу-

шек.

Милли сказала:

– Вы женаты, верно?

– Нет, – сказал Джок.

– Это сразу видно, – сказала Милли. – Ваш приятель тоже женат.

– *Tut* вы не ошиблись.

– Вы просто не поверите, сколько джентльменов сюда приходит поговорить о своих женах.

– Только не он.

Тони, перегнувшись через столик, рассказывал Бэбз:

– Понимаете, у моей жены тяга к знаниям. Сейчас она изучает экономику.

Бэбз сказала:

– Мне страсть как нравится, когда у девушки есть интересы.

Официант сказал:

– Что изволите заказать на ужин?

– Да мы только пообедали.

– Ветчинки вкусной не желаете?

– Знаете, что я вам скажу: мне надо позвонить. Где тут телефон?

– Вам правда нужно позвонить или в туалет? – спросила Милли.

– Правда позвонить.

– Телефон наверху, в конторе.

Тони позвонил Бренде.

Она подошла к телефону не сразу.

– Слушаю, кто говорит?

– Мистер Энтони Ласт и мистер Джоселин Грант-Мензис
просили передать...

– А, это ты, Тони? Что тебе нужно?

– Ты меня узнала.

– Узнала.

– Так вот, хотел тебе передать, но раз я сам говорю с тобой, значит я сам могу тебе все передать?

– Да.

– Так вот, мы с Джоком просим нас извинить, но мы никак не можем выбраться к тебе сегодня.

– А...

– Надеюсь, ты на нас не обидишься, у нас куча дел.

– Да ладно.

– Я тебя, случайно, не разбудил?

– Да ладно.

– Тогда спокойной ночи.

Тони вернулся к столику.

– Говорил с Брендой. Похоже, она сердится. Как ты думаешь, наверное, все-таки *надо* к ней выбраться?

– Мы же ей обещали, – сказал Джок.

– Некрасиво подводить даму, – сказала Милли.

– Теперь уже слишком поздно.

Бэбз сказала:

- Вы офицеры, правда?
- Нет, почему вы решили?
- Так мне показалось.

Милли сказала:

- А мне лично деловые джентльмены больше нравятся.

Они всегда что-нибудь такое расскажут.

- Чем вы занимаетесь?
- Моделирую шапки для почтальонов.
- Ой, бросьте!
- А мой друг дрессирует моржей.
- Врите больше.

Бэбз сказала:

- А один мой знакомый в газете работает.

Чуть погода Джок сказал:

- Слушай, надо что-то предпринять с Брендой.
- Я же ей сказал, что мы не приедем, верно?
- Так-то оно так... а может, она все равно на нас *рассчи-*

тывает.

- Я тебе вот что скажу: пойди позвони ей и спроси начистоту, хочет она нас видеть или нет.

- Ладно.

Через десять минут Джок возвратился.

- Мне показалось, она сердится, – доложил он, – но я все равно сказал, что мы не приедем.

- Она, наверное, устала, – сказал Тони. – Ей приходится рано вставать, чтобы успеть на экономику. Кстати говоря,

я припоминаю, *действительно* кто-то нам говорил, что она устала, еще когда мы в клубе сидели.

– Слушай, что за мерзость эта ветчина.

– Официант говорит, ты ее заказывал.

– Может, и заказывал.

– Я ее отдам здешней кошке, – сказала Бэбз, – она милашка, ее Вишенкой зовут.

Раз-другой они потанцевали.

Потом Джок сказал:

– Как ты считаешь, стоит еще позвонить Бренде?

– Наверное, стоит. Похоже, она на нас сердится.

– Давай уйдем отсюда и по дороге позвоним ей.

– А с нами вы не поедете? – спросила Бэбз.

– Очень жаль, но сегодня ничего не выйдет.

– Держите хвост пистолетом! – сказала Милли. – Куда это годится?

– Нет-нет, мы правда не можем.

– Ладно. А как насчет подарочка? Может, вы не знаете, но мы – платные партнерши, – сказала Бэбз.

– Ах да, извините, сколько с нас?

– Ну это вам решать.

Тони дал им фунт.

– Можно и набавить, – сказала Бэбз, – мы с вами добрых два часа просидели.

Джок дал еще фунт.

– Заходите опять, когда у вас будет больше времени, – ска-

зала Милли.

– Мне что-то нехорошо, – сказал Тони на лестнице. – Я, пожалуй, не стану звонить Бренде.

– Поручи, пусть ей отсюда позвонят.

– Блестящая идея... Послушайте, – сказал он обшарпанному швейцару. – Позвоните по этому номеру Слоун и так далее, соединитесь с ее милостью и передайте, что мистер Грант-Мензис и мистер Ласт очень сожалеют, но никак не смогут навестить ее сегодня вечером. Усекли? – дал швейцару полкроны, и они вывалились на Синк-стрит.

– Мы сделали все, что могли, – сказал он, – Бренде не на что обижаться.

– Знаешь, а я вот что сделаю. Мне ведь все равно проходить мимо нее, так что я позвоню ей в дверь – на всякий случай, вдруг она еще не легла и ждет нас.

– Точно, так и сделай. Ты настоящий друг, Джок.

– Люблю Бренду... Она молодчина.

– Молодчина, что и говорить... Ох как мне нехорошо.

На следующий день Тони проснулся, горестно вороша в уме отрывочные воспоминания о предыдущей ночи. Чем больше он вспоминал, тем больше ужасался своему поведению. В девять он принял ванну и выпил чаю. В десять терзался вопросом, следует ли позвонить Бренде, но она сама позвонила ему, тем самым выведя его из затруднения.

– Ну, Тони, как себя чувствуешь?

- Омерзительно. Я вчера перебрал.
- И еще как.
- К тому же я чувствую себя таким виноватым.
- Ничуть не удивительно.
- Я не все помню, но у меня сложилось впечатление, что мы с Джоком тебе докучали.
- И еще как.
- Ты очень сердишься?
- Вчера – сердилась. Тони, ну что вас на это толкнуло, двух взрослых мужчин?
- Мы были не в духе.
- Ручаюсь, что сегодня вы еще больше не в духе. Только что принесли коробку белых роз от Джока.
- Жаль, я не додумался.
- Вы такие дети оба.
- Значит, ты в самом деле не сердишься?
- Ну конечно нет, милый. А теперь быстренько возвращайся домой. Завтра ты придешь в норму.
- А я не увижу тебя?
- Сегодня, к сожалению, нет. У меня все утро лекции, потом я иду в гости. Но я приеду в пятницу вечером или в крайнем случае в субботу утром.
- Понимаю. А никак нельзя удрать из гостей или с одной из лекций?
- Никак нельзя, милый.
- А, понимаю. Ты просто ангел, что не сердишься за вче-

рашнее.

– Такая удача бывает раз в жизни, – сказала Бренда. – Насколько я знаю Тони, его еще много недель будут мучить угрызения совести. Вчера я от злости на стенку лезла, но дело того стоило. Ему жутко стыдно, и теперь, что бы я ни делала, он просто не посмеет обидеться, а уж сказать что-нибудь и подавно. И вдобавок бедный мальчик еще не получил никакого удовольствия, что тоже хорошо. Это послужит ему уроком – больше не подкидывать таких сюрпризов.

– Любишь ты уроки давать, – сказал Бивер.

В 3:18 Тони вылез из поезда продрогший, усталый и раздавленный сознанием своей вины. Джон Эндрю приехал на машине встретить его.

– Здравствуй, па, весело было в Лондоне? Ты ведь не сердишься, что я приехал на станцию, а? Я *упросил* няню отпустить меня.

– Очень рад тебя видеть, Джон.

– Как мама?

– Вроде хорошо. Я не видел ее.

– А ты говорил, что едешь повидаться с ней.

– Да, я так и думал, только ничего не получилось. Я говорил с ней несколько раз по телефону.

– Но ведь ты можешь звонить ей отсюда, разве нет, а, пап? Зачем ехать в Лондон, чтобы говорить по телефону? Зачем,

а, пап?

– Слишком долго объяснять.

– Ну а ты хоть немножечко объясни... *Зачем*, а, пап?

– Послушай, я устал. Если ты не прекратишь свои вопросы, я никогда больше не разрешу тебе приезжать к поезду.

У Джона Эндрю рот пополз на сторону.

– Я думал, ты обрадуешься, что я тебя встретил.

– Если ты заплачешь, я тебя пересажу вперед к Доусону.

В твоём возрасте неприлично плакать.

– А мне ещё лучше с Доусоном. – Джон Эндрю всхлипнул.

Тони в рупор велел шоферу остановиться, но тот не слышал. Тогда он повесил рупор на крючок, и дальше они ехали в молчании. Джон Эндрю прижался к стеклу и слегка похныкивал. Когда они приехали, Тони сказал:

– Няня, в дальнейшем я запрещаю Джону ездить на станцию без специального разрешения ее милости или моего.

– Конечно, сэр, я бы и сегодня его не пустила, но он так просился. Пойдем, Джон, снимай скорей пальтишко. Боже мой, мальчик, куда ты дел носовой платок?

Тони ушел в библиотеку, сидел там в одиночестве перед огнем.

«Двое взрослых тридцатилетних мужчин, – думал он, – вели себя словно кадеты, вырвавшиеся на вечерок из Сандхерста¹³, – перепились, обрывали телефон, плясали с проститутками в „Старушке Сотняге“. И Бренда после этого бы-

¹³ Королевский военный колледж в Сандхерсте, основанный в 1802 году.

ла еще со мной так мила – вот что горше всего».

Он немного вздремнул, потом поднялся к себе переодеться.

За обедом он сказал:

– Эмброуз, впредь, когда я буду обедать один, накрывайте мне в библиотеке.

Потом сел с книжкой перед огнем, но читать не мог. В десять часов, перед тем как пойти наверх, он раскидал дрова в камине, закрыл окна и выключил свет. Этой ночью он спал в пустой спальне Бренды.

II

Так прошла среда; в четверг Тони воспрянул. Утром он пошел на заседание совета графства. Днем заглянул на ферму и поговорил о новой модели трактора с управляющим. А потом уже можно было повторять: «Завтра в это же время Бренда и Джок будут здесь». Обедал он перед камином в библиотеке. Диету он забросил много недель назад. («Эмброуз, когда я один, мне не нужен полный обед. В будущем готовьте для меня только два блюда».) Он просмотрел счета, которые оставил ему управляющий, и лег спать со словами: «Когда я проснусь, уже будет пятница».

Однако наутро пришла телеграмма от Джока: «Приехать не могу, должен быть избирателей, если через две недели».

Тони ответил телеграммой: «Восторге любое время всегда

дома».

«Наверное, помирился со своей девицей», – решил Тони. Пришла и записка от Бренды, нацарапанная карандашом:

Приезжаю в субботу с Полли и приятельницей Полли, Вероникой, в машине П. Скорее всего, и Дейзи. Горничные и багаж поездом 3:18. Оповести, пожалуйста, Эмброуза и миссис Моссон. Для Полли надо открыть Лионессу¹⁴, ты знаешь, как она строга насчет комфорта. Веронику можно поместить куда угодно – только не в Галахада. Полли говорит, она оч. занятная. С нами придет миссис Бивер, – не сердись, пожалуйста, это по делу: она надеется, ей удастся что-нибудь придумать для малой гостиной. Полли везет шофера. Кстати, на следующей неделе я оставлю Гримшо в Хеттоне, скажи миссис Моссон. Снимать ей жилье в Лондоне и хлопотно, и накладно. По правде говоря, я могла бы обойтись и без нее, что ты скажешь? Хотя она незаменима с шитьем. Страх как хочу увидеть Джона. Все уедут обратно в воскресенье вечером. Беги зеленого змия, милый. Приложи все усилия. Целую. Б.

В пятницу Тони не знал, чем заполнить время. С письмами он покончил к десяти. Пошел на ферму, но и там ему нечего было делать. Обязанности, прежде казавшиеся столь

¹⁴ В сказаниях о короле Артуре – блаженный остров неподалеку от берегов Корнуолла, ушедший под воду.

многочисленными и разнообразными, теперь занимали ничтожную часть дня; он сам не сознавал, как много времени, бывало, проводил с Брендой. Он посмотрел, как Джон катается по загону. Мальчик явно затаил на него обиду после ссоры в среду; когда Тони заплодировал удачному прыжку, Джон сказал:

– Он еще не так может. – И чуть погодя: – А когда мама приедет?

– Только завтра.

– А.

– Мне сегодня утром надо съездить в Литл-Бейтон. Хочешь поехать со мной? Может, нам удастся посмотреть псарню.

Джон уже много недель приставал, чтобы его туда взяли.

– Нет, спасибо, – сказал он. – Я хочу закончить картину.

– Ты можешь закончить ее и потом.

– А я хочу сегодня.

Когда Тони ушел, Бен сказал:

– Ты чего это взъелся на папашу? Ты ведь никому проходу не давал – с самого Рождества клянчил, чтоб тебя взяли на псарню.

– А ну его, – сказал Джон.

– Ах ты, пащенок, слуханное ли дело об отце так говорить?

– А ты при мне не смеешь говорить «пащенок», мне няня сказала.

Итак, Тони отправился в Литл-Бейтон один, ему нужно было обсудить кое-какие дела с полковником Бринком. Он надеялся, что Бринки оставят его у себя, но полковник с женой были званы на чай к соседям, и в сумерках он вернулся в Хеттон.

В парке лежал легкий туман по грудь; серые очертания башен и зубчатых стен расплывались в воздухе; истопник спускал флаг на главной башне.

– Бренда, страдальца моя, какая чудовищная комната, – сказала миссис Бивер.

– Мы ею почти не пользуемся, – холодно сказал Тони.

– Надо думать, – сказала та, которую называли Вероникой.

– Не понимаю, чем она плоха, – сказала Полли, – вот разве что старомодная.

– Видите ли, – объясняла Бренда, не глядя на Тони, – мне нужна *хотя бы одна* сносная комната внизу. Сейчас у нас только курительная и библиотека. Парадная гостиная огромная, и о ней не может быть и речи. Я думала, мне нужно что-то вроде будуара более или менее для себя. Как вы думаете, есть тут от чего оттолкнуться?

– Но, ангел мой, она *вся* в углах, – сказала Дейзи, – и потом этот камин – из чего он, кстати, из розового гранита? И еще эта лепнина и панели. Нет, тут *все* безобразно. И вдобавок она такая *мрачная*.

– Я точно представляю, что нужно Бренде. – Миссис Бивер дала задний ход. – И по-моему, это вполне осуществимо. Мне надо подумать. Как сказала Вероника, форма, конечно, налагает известные ограничения... но, знаете, я думаю, правильнее всего будет начисто ее игнорировать и найти такое решение, которое вынесло бы на себе всю нагрузку, вы меня понимаете? Предположим, мы обшиваем стены хромированными панелями, а на пол кладем ковер из натуральной овчины... Только, боюсь, не превысят ли расходы ту сумму, которую вы рассчитываете потратить?

– Будь моя воля, я б тут все взорвала ко всем чертям, – сказала Вероника.

Тони ушел, оставив их спорить на свободе.

– Неужели ты в самом деле хочешь, чтобы миссис Бивер занялась малой гостиней?

– Нет, конечно, если ты против, милый.

– Ты представляешь себе, на что это будет похоже – белые хромированные панели?

– Ну это же просто рабочий вариант.

Тони расхаживал между феей Морганой и Гвиневерой. Он всегда так делал, когда они одевались к обеду.

– Слушай, – сказал он, возвращаясь с жилетом, – ты не уедешь завтра с ними, нет ведь?

– Придется.

Он сходил в фею Моргану за галстуком, вернулся к Брен-

де, подсел завязать галстук к туалетному столику.

– Да, кстати, – сказала Бренда, – что ты думаешь насчет Гримшо? По-моему, держать ее дальше – значит выкидывать деньги на ветер.

– Ты всегда говорила, что без нее тебе не обойтись.

– Да, но с тех пор, как я живу в квартире, все так упростилось.

– *Живешь?* Детка, ты говоришь так, словно навеки там поселилась.

– Ты не отодвинешься на минутку, милый? Мне ничего не видно.

– Бренда, сколько времени ты еще собираешься изучать экономику?

– Я-то? Не знаю.

– Ну хотя бы приблизительно.

– Понимаешь, просто невероятно, сколько всего еще надо выучить... Когда я начала, я так от всех отставала.

– Бренда...

– А теперь быстренько иди за пиджаком. Они, наверное, уже внизу.

Вечером Полли и миссис Бивер играли в триктрак. Бренда и Вероника, расположившись на диване, шили и беседовали о рукоделье; временами между женщинами завязывался общий разговор, но они то и дело перескакивали на свой жаргон, непонятный Тони, – это было воровское наречие, где слоги слов переставлялись. Тони читал под лампой поодаль

от тесного кружка.

Позже, когда все поднялись наверх, гости сошлись в комнате Бренды поболтать перед сном. Сквозь дверь туалетной до Тони доносился приглушенный смех. Компания кипятила воду в электрическом чайнике и дружно принимала «Седоброль».

Немного погодя они, пересмеиваясь, разошлись, и Тони пошел к Бренде. В комнате было темно, но, услышав его шаги и увидев квадрат света в дверях, Бренда зажгла маленькую лампочку у изголовья.

– Что тебе, Тони?

Она лежала на возвышении, глубоко уйдя головой в подушки: лицо ее блестело от крема, обнаженная рука, протянутая к выключателю, так и осталась лежать на стеганом покрывале.

– Что тебе, Тони? – сказала она. – Я уже засыпала.

– Очень устала?

– Угу...

– Не беспокоить тебя?

– Ужасно устала... и потом я только что выпила прорву этой Поллиной гадости.

– Понимаю... ну что ж, спокойной ночи.

– Спокойной ночи... Ты не сердишься, нет? Так устала.

Он подошел к постели и поцеловал ее, она лежала неподвижно с закрытыми глазами. Потом выключил свет и возвратился в туалетную.

– Леди Бренда, надеюсь, не заболела?

– Благодарю вас, ничего серьезного, легкое недомогание.

Она, знаете ли, так выматывается за неделю в Лондоне, что в воскресенье ей хочется отдохнуть.

– Как великие научные свершения?

– По-моему, отлично. Ей пока не надоело.

– Замечательно. Скоро все мы будем обращаться к леди Бренде за помощью в финансовых затруднениях. Но вам с Джоном, наверное, тоскливо без нее?

– Не без этого.

– Что ж, передайте ей, пожалуйста, мой сердечный привет.

– Непременно передам. Благодарю вас.

Тони ушел с паперти и пошел привычным путем к оранжереям, выбрал гардению для себя и четыре почти черные гвоздики для дам. Когда он вошел в гостиную, где они сидели, его встретил взрыв смеха. В растерянности он остановился на пороге.

– Входи, милый, это мы не над тобой. Просто мы поспорили, какого цвета у тебя будет бутоньерка, и никто не угадал.

Прикалывая цветы, они все еще хихикали, не смеялась только миссис Бивер, она сказала:

– Всякий раз, когда вы покупаете черенки или семена, обращайтесь ко мне. Вы, может, не знаете, но у меня отлично налаженное дельце по этой части... Разные редкие цветы. Я выполняю всевозможные комиссии для Сильвии Ньюпорт и

кое-кого еще.

– Поговорите с моим старшим садовником.

– Признаться, я *уже* поговорила, пока вы были в церкви.

Он, кажется, все понял.

Они уехали рано, чтобы поспеть в Лондон к ужину. В машине Дейзи сказала:

– Ну и ну, вот так домик.

– Теперь вы понимаете, что мне пришлось пережить за эти годы.

– Бренда, страдальца моя. – Вероника отколола гвоздику и швырнула ее на дорогу.

– Знаете, – изливала Бренда душу на следующий день. – Я *не совсем* довольна Тони.

– А что, старикан себе что-нибудь позволил? – спросила Полли.

– Пока ничего особенного, но я вижу, он страшно томится в Хеттоне – ему некуда девать время.

– Я бы на твоём месте не беспокоилась.

– Я и не *беспокоюсь*. Но вдруг он запьёт или выкинет что-нибудь еще. Это бы очень все осложнило.

– По-моему, это не в его духе... Но вообще, надо бы ему подкинуть девочку.

– Хорошо бы... А кого?

– Ну, на крайний случай можно всегда рассчитывать на старушку Сибил.

- Лапочка, да он ее знает с пеленок.
- Тогда Суки де Фуко-Эстергази.
- Он с американками теряется.
- Ничего, кого-нибудь подыщем.
- Беда в том, что он привык ко мне... Ему нелегко будет перестроиться... Как ты думаешь, лучше, чтобы она была похожа на меня или наоборот?
- По-моему, лучше, чтобы не похожа, но так с ходу не скажешь.

Они обсудили проблему во всех тонкостях.

III

Бренда писала:

Тони, милый, извини, что не писала и не звонила, но совсем зашилась с биметаллизмом. Оч. трудный.

Приеду в субботу – опять с Полли. Хорошо, что она согласилась снова приехать, – значит, Лионесса может быть не такой омерзительной, как большинство комнат.

И еще с одной прелестной девушкой, я с ней подружилась и хочу, чтобы мы приняли в ней участие. У нее была жуткая жизнь, она живет в моем доме. Зовут ее Джесси Абдул Акбар. Она не негритянка, но была замужем за негром. Пусть она тебе об этом расскажет. Она, скорее всего, приедет поездом 3:18. Кончаю, пора на лекцию.

Держись подальше от зеленого змия. Целую. Бренда.

Вчера вечером видела Джока в «Кафе де Пари» с лихой блондинкой. Кто она?

У Джина, нет, у Джинна – как его там? – ревматизм, и Марджори оч. переживает. Она думает, у него смещение таза. Кратуэлл не хочет его принять, а это просто черная неблагодарность, если вспомнить, скольких клиентов она ему поставила.

– Ты уверена, что он клюнет на Дженни?

– Ни в чем нельзя быть уверенной, – сказала Полли. – Меня лично от нее тошнит, но хватка у нее мертвая.

– Пап, а пап, мама сегодня приедет?

– Да.

– А с ней кто?

– Дама по имени Дженни Абдул Акбар.

– Какое глупое имя. Она иностранка?

– Не знаю.

– А имя вроде иностранное, верно, пап? Как ты думаешь, она по-английски совсем не говорит? А она черная?

– Мама говорит, что нет.

– А... еще кто?

– Леди Кокперс.

– Обезьянья тетка. Знаешь, она вовсе не похожа на обезьяну, разве что лицом, и потом, у нее, по-моему, нет хвоста,

я подошел к ней близко-близко и посмотрел... Правда, она могла его спрятать между ног. Как ты думаешь, а, пап?

– Я бы ничуть не удивился.

– Очень уж неудобно.

Тони и Джон снова стали друзьями, но эта неделя далась им нелегко.

По плану, выработанному Полли Кокперс, они должны были приехать в Хеттон попозже. «Надо дать Дженни время над ним поработать», – сказала Полли.

Поэтому они с Брендой тронулись из Лондона, только когда Дженни уже отъехала от станции. Пронзительно холодный день то и дело прорывался дождем. Решительная дамочка сидела, закутавшись в полость, пока машина не подъехала к воротам, – тут она открыла сумку, подоткнула вуалетку, встряхнула пуховку и привела лицо в надлежащий вид. Слизнула острым красным языком с пальца помаду.

Тони доложили о госте, когда он сидел в курительной; в библиотеке днем было слишком шумно, потому что рядом в малой гостиной рабочие не щадя сил сдирали гипсовую лепнину со стен.

– Княгиня Абдул Акбар.

Он поднялся ей навстречу. Дженни опережало тяжелое облако мускуса.

– О мистер Ласт, – сказала она, – какой у вас миленький домик, и такой старинный.

– Видите ли, он был сильно реставрирован, – сказал Тони.

– Да, конечно, но сама *атмосфера*! Для меня это главное в любом доме. Какое благородство, какой покой. Но вы, разумеется, уже привыкли и не замечаете. Только когда переживешь настоящее горе, как я, начинаешь ценить такие вещи.

Тони сказал:

– К сожалению, Бренды еще нет. Она приедет на машине с леди Кокперс.

– Бренда мне такой друг, такой друг. – Княгиня скинула меха, расположилась на низком стульчике перед камином и вскинула взгляд на Тони: – Вы не будете возражать, если я сниму шляпу?

– Нет-нет... что вы.

Дженни швырнула шляпку на диван и тряхнула тускло-черной, круто завитой шевелюрой.

– Знаете, мистер Ласт, я вас сразу без церемоний стану звать Тедди. Вы не сочтете это за дерзость с моей стороны? А вы называйте меня Дженни. «Княгиня» слишком церемонно, правда? И наводит на мысль о шальварах и золотых галунах... Конечно, – она протянула руки к огню и наклонилась так, что волосы упали ей на лицо, – моего мужа в Марокко называли не князем, а мауляем¹⁵, но для жены мауляя соответствующего титула нет, поэтому в Европе я называю себя княгиней... На самом деле мауляй, конечно, куда *более* высокий титул... Мой муж – потомок пророка по прямой ли-

¹⁵ Вождь, глава рода (*араб.*).

нии. Вы интересуетесь Востоком?

– Нет, то есть да. Я хотел сказать, я очень мало знаю о Востоке.

– А для меня Восток полон неизъяснимого очарования. Вы должны туда поехать, Тедди. Я уверена, вам понравится Восток. Я и Бренде то же самое говорила.

– Вы, наверное, хотите посмотреть вашу комнату, – сказал Тони. – Скоро подадут чай.

– Нет, я останусь здесь. Меня так и манит свернуться клубочком у огня, как кошка, и если вы будете со мною ласковы, я замурлычу, а если жестоки – не замечу, совсем как кошка... Ну так как, мне мурлыкать, Тедди?

– Кхм... да... то есть, пожалуйста, если вам так хочется.

– Англичане такие мягкие и деликатные. Ах, как чудесно снова оказаться здесь среди них... среди моих дорогих соотечественников. Иногда, в такие вот, как сейчас, минуты, когда меня окружают очаровательные предметы нашей английской старины и милые люди, я оглядываюсь на мою жизнь, и она кажется мне кошмаром... Я вспоминаю о моих *шрамах*...

– Бренда говорит, вы сняли квартиру в одном с ней доме. Должно быть, они очень удобные?

– Вы англичанин до мозга костей, Тедди, вы стыдитесь говорить о личном, сокровенном... Знаете, именно этим вы мне и нравитесь. Я так стремлюсь ко всему надежному, безыскусному и *доброму* после... после всего, что я пережи-

ла.

– Вы тоже занимаетесь экономикой, как Бренда, или нет?

– Нет, а разве Бренда занимается экономикой? Она мне ничего не говорила. Поразительная женщина. Где только она находит время?

– Вот наконец и чай, – сказал Тони. – Надеюсь, вы не откажетесь от оладий? Почти все наши гости сидят на диете. А по-моему, оладьи из тех немногих вещей, что делают английскую зиму сносной.

– Англия просто немыслима без оладий, – сказала Дженни.

Она ела с аппетитом и часто облизывала губы, подбирая прилипшие крошки и подтаявшее масло. Капля масла упала ей на подбородок и сверкала и переливалась там, замеченная лишь Тони. Он вздохнул с облегчением, когда привели Джона Эндрю.

– Поди сюда, я тебя представлю княгине Абдул Акбар.

Джон никогда не видел настоящей княгини; он уставился на нее как зачарованный.

– А ты меня не поцелуешь?

Он подошел, и она поцеловала его в рот.

– Ой! – Он отстранился, стер с губ помаду, а чуть погодя сказал: – Какой чудесный запах.

– Это последняя нить, связывающая меня с Востоком, – сказала Дженни.

– А у вас на подбородке масло.

Она со смехом потянулась за сумочкой.

– Так оно и есть. Тедди, ну *отчего* вы мне не сказали?

– А почему вы папу называете Тедди?

– Потому что мы, я надеюсь, станем с ним большими друзьями.

– Чудная причина.

Джон пробыл с ними около часа и все это время зачарованно следил за Дженни.

– А у вас есть корона? – сыпал он вопросами. – А как вы научились говорить по-английски? А из чего это большое кольцо? А оно дорогое? А почему у вас ногти такого странного цвета? А вы умеете ездить верхом?

Она отвечала на все вопросы – иногда довольно загадочно и с явной оглядкой на Тони. Потом достала крошечный, сильно надушенный платок и показала Джону монограмму.

– Вот моя корона, единственная... сейчас, – сказала она. Она описала ему, какие у нее были лошади – лоснящиеся, вороные, с изогнутыми шеями, серебряные мундштуки в пене, на налобниках колышутся султаны, сбруя в серебряных бляшках, алые чепраки. – А в день рождения мауляя...

– А кто такой мауляй?

– Очень красивый и очень жестокий человек, – сказала она многозначительно, – в день его рождения вся конница съезжалась на большую площадь, лошади в самых красивых пополах, конники в лучших одеждах и украшениях, с длинными саблями. Мауляй обычно сидел на троне под высоким

алым балдахином.

– А что такое балдахин?

– Вроде навеса, – сказала она уже недовольно и продолжала медовым голосом: – Конники мчались во весь опор по равнине, вздымая тучи пыли и рассекая воздух саблями, прямо к мауляю. У всех перехватывало дыхание, казалось, конники наедут на мауляя, но уже за несколько шагов, ну вот так, как ты от меня, они удерживали лошадей поводьями, поднимали их в знак приветствия на дыбы...

– Но так же *не положено*, – сказал Джон. – Это очень плохая выездка. Бен так говорит.

– Они лучшие конники в мире. Это всем известно.

– Нет-нет, не может быть, если они *так* ездят. Это *самое последнее* дело. А они туземцы?

– Да, конечно.

– А Бен говорит, что туземцы нелюди.

– Ну, он, наверное, имел в виду негров. А эти – чисто семитского типа.

– А это что такое?

– То же самое, что евреи.

– А Бен говорит, евреи еще хуже туземцев.

– Господи, мальчик, какой ты строгий. Я тоже когда-то была такая. Жизнь учит терпимости.

– Бена жизнь не научила, – сказал Джон. – А когда мама приезжает? Я думал, она здесь, а то я б лучше картину дорисовал.

Однако, когда за ним пришла няня, Джон сам, без приглашения, подошел к Дженни и поцеловал ее на прощание.

– Спокойной ночи, Джонни-лапочка, – сказала она.

– Как вы меня называли?

– Джонни-лапочка.

– Как чудно вы всех обзываете.

Наверху, мечтательно помешивая ложкой хлеб с молоком, Джон говорил:

– Нянь, а княгиня очень красивая, правда?

Няня фыркнула.

– На вкус, на цвет товарищей нет, – сказала она.

– Она даже красивей мисс Тендрил, правда. По-моему, она красивее всех, кого я видел... А она не придет посмотреть, как я купаюсь?

Внизу Дженни говорила:

– Дивный ребенок. Обожаю детей. Для меня это была такая трагедия. Мауляй впервые показал свое истинное лицо, когда узнал, что у меня не может быть детей. Не моя тут вина... дело в том, что у меня смещена матка... Не знаю, почему я вам все это рассказываю, но я чувствую, вы меня поймете. К чему понапрасну *терять время* и таиться, если наперед знаешь, что *сойдешься* с человеком... Я всегда знаю, кто станет мне подлинным другом...

Полли и Бренда приехали к семи. Бренда сразу же прошла в детскую.

– Ой, мам, – сказал Джон. – У нас внизу такая красивая

тетя. Попроси ее, чтоб она пришла сказать мне спокойной ночи. Няня говорит, она не придет.

– А папе она понравилась, как тебе показалось?

– Он почти все время молчал... Она ничего не понимает ни в лошадях, ни в туземцах, но она здорово красивая. Пожалуйста, попроси, пусть она ко мне придет.

Бренда спустилась и нашла Дженни с Полли и Тони в курительной.

– Ты имела бурный успех у Джона Эндрю. Он не хочет ложиться спать, пока тебя не увидит.

Дамы вместе поднялись в ночную детскую, Дженни сказала:

– Они оба такие симпатяги.

– Ну как у тебя с Тони? Извини, что я не поспела к твоему приезду.

– Он такой участливый и мягкий... и такой печальный.

Они присели на кроватку Джона.

Джон выполз из-под одеяла и прильнул к Дженни.

– Марш под одеяло, – сказала она, – не то я тебя отшлепаю.

– Больно отшлепаете? Пожалуйста, я не против.

– Господи, – сказала Бренда, – ты просто потрясла его воображение. За ним такого никогда не водилось.

Когда они ушли, няня распахнула настежь второе окно.

– Фу, – сказала она, – всю комнату провоняла.

– Неужели тебе не нравится? По-моему, ужасно приятный

запах.

Бренда проводила Полли в Лионессу. Это были обширные покои, обставленные мебелью атласного дерева для короля Эдуарда, когда, еще в бытность принцем Уэльским, он однажды собирался приехать на охоту в Хеттон, да так и не собрался.

– Ну как успехи? – нетерпеливо спросила Бренда.

– Рано судить. Но я уверена, все будет в порядке.

– Она не того пленила. В нее по уши влюбился Джон Эндрю... Это уж совсем ни к чему.

– Я бы сказала, что Тони с ходу не расшевелить. Жаль, что она перепутала его имя. Как ты думаешь, сказать ей или нет?

– Нет, оставим как есть.

Когда они одевались к обеду, Тони спросил Бренду:

– Слушай, кто эта дама – такой нарочно не придумаешь.

– Милый, неужели она тебе не понравилась?

В голосе ее прозвучали такое неприкрытое разочарование и огорчение, что Тони был тронут.

– Ну не то чтобы она мне решительно не понравилась. Просто такой нарочно не придумаешь, ты не согласна?

– Разве?... О господи... у нее, знаешь ли, была такая жуткая жизнь.

– Это она дала понять.

– Тони, ну пожалуйста, постарайся быть с ней повнимательней.

– Постараюсь. Она что, еврейка?

– Не знаю. Я как-то об этом не думала. Возможно.

Вскоре после обеда Полли объявила, что устала, и попросила Бренду посидеть с ней, пока она будет раздеваться.

– Оставим голубков наедине, – сказала она за дверью.

– Радость моя, по-моему, этот номер не пройдет. Знаешь, у старикана все-таки есть какой-то вкус и чувство юмора.

– За обедом она себя показала не в лучшем свете, правда?

– Что бы ей хоть минуту помолчать... и потом, за семь лет Тони успел ко мне привыкнуть. Контраст слишком разительный.

– Устала?

– Угу. Немного.

– А ты надолго кинула меня в пасть этой Абдул Акбар.

– Знаю. Извини, милый, но Полли так долго копается... Это было ужасно? Жаль, что она тебе не понравилась.

– Кошмарное существо.

– Надо быть снисходительным... у нее такие жуткие шрамы.

– Она мне успела о них сообщить.

– А я их видела.

– И, кроме того, я надеялся хоть немного побыть с тобой.

– А.

– Бренда, может, ты еще сердишься за то, что я тогда так надрался и обрывал тебе телефон?

– Нет, милый, разве похоже, что я сержусь?

– ...Не знаю. Вроде бы да... Как прошла неделя – весело?

– Какое там, очень много работы. Биметаллизм, сам понимаешь.

– А, конечно... ты, наверное, хочешь спать?

– Угу... так устала. Спокойной ночи, милый.

– Спокойной ночи.

– Мам, можно мне пойти поздороваться с княгиней?

– Она, наверное, еще не встала.

– Ну пожалуйста, мам, разреши. Я только загляну и, если она спит, сразу уйду.

– Я не знаю, в какой она комнате.

– В Галахаде, ваша милость, – сказала Гримшо, она выкладывала Брендины платья.

– Господи, почему ее туда поместили?

– Так распорядился мистер Ласт, ваша милость.

– В таком случае она наверняка проснулась.

Джон выскользнул из комнаты и потрусил по коридору к Галахаду.

– Можно войти?

– Привет, Джонни-лапочка. Входи.

Джон повис на дверной ручке, его то вносило в комнату, то выносило в коридор.

– А вы уже завтракали? Мама сказала, что вы, наверное, еще не проснулись.

– Я уже давно проснулась. Видишь ли, я когда-то чудом

осталась жива и после этого стала плохо спать. Теперь даже самые мягкие постели для меня жестки.

– А-а! А как это получилось? Попали в аварию?

– Нет, не в аварию, Джонни-лапочка, вовсе нет... Но входи же. От двери дует. Смотри, у меня есть виноград. Хочешь?

Джон вскарабкался на постель.

– А что вы будете делать сегодня?

– Еще не знаю. Мне не сказали.

– Так я вам скажу. Утром мы пойдем в церковь, потому что мне все равно надо идти, потом пойдем посмотрим Громобоя, и я покажу вам, где мы прыгаем через барьер, а потом вы можете посидеть со мной, пока я обедаю, я ведь обедаю рано, а потом мы можем пойти в Брутонский лес, а няню можно не брать, она там только пачкается, вы посмотрите нору, где мы нашли лису, прямо на опушке леса, она еще от нас чуть не сбежала, а потом мы вернемся и будем пить чай в детской, у меня и граммофончик есть, мне его дядя Реджи подарил, он играет «Как папаша гостиную клеил», а вы знаете эту песню? Бен знает, а еще я вам покажу свои книжки и картину – я нарисовал битву при Марстон-Муре¹⁶.

– Звучит очень соблазнительно. Но тебе не кажется, что мне надо уделить внимание папе, маме и леди Кокперс?

– Да ну их... И потом это враки, что у леди Кокперс есть

¹⁶ При Марстон-Муре 2 июля 1644 года войска Кромвеля разгромили сторонников короля.

хвост. Ну пожалуйста, *побудьте* сегодня со мной, ладно?

– Посмотрим.

– Она пошла с ним в церковь. Это хороший признак, верно?

– По правде говоря, Полли, не слишком. Он любит ходить туда один или со мной. Он потом судачит с деревенскими.

– Она ему не помешает.

– Боюсь, ты его не раскусила. Он куда сложнее, чем кажется на первый взгляд.

– Из вашей проповеди, пастор, я поняла, что вам знаком Восток?

– Да-да, там прошла почти вся моя жизнь.

– Восток полон неизъяснимого очарования, не правда ли?

– Пошли, – сказал Джон, дергая ее за пальто. – Нам надо еще посмотреть Громобоя.

И Тони вернулся с бутоньерками один.

После обеда Бренда сказала:

– Почему бы тебе не показать Дженни дом?

– Ну пожалуйста, *покажите*.

Когда они подошли к малой гостиной, он сказал:

– Бренда ее переделывает.

Там валялись доски, стояли стремянки, грудями лежала штукатурка.

– Ах, Тедди, какой стыд! У меня сердце кровью облива-

ется, когда уничтожают старину.

– Мы редко пользуемся этой комнатой.

– И все равно... – Она пнула ногой геральдическую лепнину, загромаздившую пол, усыпанный чешуйками потускневшей позолоты вперемежку с пыльной резьбой.

– Знаете, Бренда мне такой друг. Я не хотела бы говорить о ней плохо... но с тех пор, как я здесь, мне все думается: ценит ли она этот дивный дом, понимает ли, что он значит для вас.

– Расскажите мне еще о ваших злоключениях, – сказал Тони, увлекая ее к парадной зале.

– Вы *стыдитесь* говорить о себе, правда, Тедди? Знаете, нехорошо замыкаться. Я ведь тоже была очень несчастлива.

Тони затравленно озирался по сторонам, высматривая, не придет ли ему кто на помощь; и помощь пришла.

– А, вот вы где, – сказал решительный детский голосок. – Пошли. Нам пора в лес. Надо торопиться – скоро стемнеет.

– Ой, Джонни-лапочка, а это обязательно? Я ведь беседую с папой.

– *Пошли*. Я уже договорился. А потом вам разрешат пить со мной наверху чай.

Тони уполз в библиотеку: рабочие сегодня отдыхали, и в ней было вполне сносно. Два часа спустя на него наткнулась Бренда.

– *Тони*, ты один? А мы думали, ты с Дженни. Что ты с ней сделал?

– Джон увел ее... и очень кстати, не то бы я ей нагрубил.

– О господи... Ну что ж, мы с Полли сидим в курительной.

Приходи пить чай. У тебя какой-то странный вид – ты что, спал?

– Видно, придется списать это дело в расход – окончательно и бесповоротно.

– Не понимаю, на что он рассчитывает? Он, знаешь ли, тоже не на всякий вкус.

– Я думаю, может, все бы и сработало, если бы она не перепутала его имени.

– Во всяком случае, *тебе* это развязывает руки. Ты сделала все, чтоб взбодрить старикана, не всякая жена будет так из кожи вон лезть.

– Что да, то да, – сказала Бренда.

IV

Прошло еще пять дней; Бренда снова приехала в Хеттон.

– На той неделе меня не жди, – сказала она. – Я поеду к Веронике.

– А меня приглашали?

– Конечно приглашали, но я отказалась за тебя. Знаешь, ты ведь так не любишь уезжать из Хеттона.

– Я бы не прочь поехать.

– Милый, какая жалость. Вероника была бы так рада...

но боюсь, теперь уже поздно. Домишко у нее совсем крохотный... и, честно говоря, мне показалось, она тебе не очень понравилась.

— Не то слово.

— Так в чем же дело?

— Не важно. Тебе, наверное, надо вернуться к понедельнику в Лондон? В среду, как тебе известно, охотничий сбор.

— Прием на лужайке задаем?

— Да, детка, как всегда, ты же знаешь.

— Что ж, прием так прием.

— А ты никак не могла бы остаться до среды?

— Никак, милый. Понимаешь, если пропустить одну лекцию, я ужасно отстану и не разберусь в следующей. И потом, я не так уж рвусь глядеть на собак.

— Бен спрашивал, разрешим ли мы Джону поехать на охоту?

— Нет, он еще мал.

— Да нет, охотиться он не будет. Я думал, он мог бы подъехать на пони к месту сбора и доехать со всеми до первой чащи. Он был бы на седьмом небе.

— А это не опасно?

— Да нет.

— Благослови его Господь, мне бы так хотелось на него посмотреть.

— А ты оставайся.

— Нет-нет, это невозможно. Не настаивай, Тони.

Разговор состоялся сразу по приезде Бренды; потом все пошло лучше. Приехали и Джок, и Аллан с Марджори, и еще одна супружеская пара, которую Тони знал с пеленок. На этот раз Бренда устроила уик-энд во вкусе Тони, и он был счастлив. В сумерки они с Алланом пошли стрелять кроликов, после обеда мужчины играли на бильярде, а одна из жен глядела на игру.

– Старикан радуется, как ребенок, – сказала Бренда Марджори. – Он отлично приспосабливается к новому режиму.

Мужчины, запыхавшиеся и покрасневшиеся, ворвались хватить виски с содовой.

– У Тони шар чуть не вылетел в окошко, – сказал Джок.

В эту ночь Тони спал в Гвиневере.

– Ведь у нас все в порядке? – сказал он вдруг.

– Ну конечно, милый.

– Знаешь, я тут в одиночестве тоскую – вот воображение и работает.

– Тони, *не хандри*. Помни, хандрить запрещается.

– Больше не буду, – сказал Тони.

Наутро Бренда пошла с Тони в церковь. Она решила весь уик-энд посвятить ему, а уж после этого исчезнуть надолго.

– Ну как высокая наука, леди Бренда?

– Захватывающе.

– Скоро все мы будем обращаться к вам за советом, когда превысим кредит в банке.

– Ха-ха.

– А как поживает Громобой? – спросила мисс Тендрил.

– Я на нем поеду на охоту в среду, – сказал Джон. В волнении перед предстоящей охотой княгиня Абдул Акбар была забыта.

«Боженька, пожалуйста, сделай, чтоб был хороший след. Боженька, пожалуйста, сделай, чтоб я увидел, как лису загонят. Боженька, пожалуйста, сделай так, чтоб у меня все вышло как надо. Боженька, благослови Бена и Громобоя. Боженька, пожалуйста, сделай так, чтоб я перепрыгнул через высоченный барьер», – твердил Джон всю службу.

Бренда обошла с Тони коттеджи и оранжереи, помогла ему выбрать бутоньерку.

За обедом Тони веселился. Бренда уже начала забывать, каким занятым он бывает порой. После обеда Тони переоделся и отправился играть в гольф с Джоком. Потом они немного посидели в клубе. Тони сказал:

– У нас тут в среду съезжаются окрестные своры. Ты не мог бы остаться?

– Обязан вернуться. Предстоят дебаты об этих чертовых чушках.

– Жаль. Слушай, а почему бы тебе не пригласить сюда твою даму? Завтра все уезжают. Ведь ты мог бы ей позвонить, а?

– *Мог бы.*

– Думаешь, ей бы тут не понравилось? Я поместил бы ее в Лионессу – Полли спала в ней два уик-энда подряд: навер-

ное, там не так уж неудобно.

– Отчего же, ей, пожалуй, тут понравится. Позвоню, спрошу.

– А почему бы тебе тоже не поохотиться? Тут у одного типа, Бринкуэлл его фамилия, кажется, можно взять напрокат вполне приличных лошадей.

– Пожалуй, так я и сделаю.

– Джок остается. К нему приедет лихая блондинка. Ты не против?

– Я-то? Конечно нет.

– Вот это был уик-энд так уик-энд.

– Мне показалось, ты веселился вовсю.

– Совсем как в прежние времена – до эры экономики.

Марджори сказала Джоку:

– Как ты думаешь, Тони знает о Бивере?

– И не подозревает.

– Я не говорила Аллану. Как ты считаешь, он знает?

– Сомневаюсь.

– Ох, Джок, и чем это кончится?

– Бивер ей скоро надоест.

– Беда в том, что Биверу на нее наплевать. Не то она его в два счета бросила бы... Она себя ведет как последняя идиотка.

– А я бы сказал, что она на редкость ловко обтяпывает

свои делишки, если хочешь знать мое мнение.

Гостившая супружеская пара тоже обменялась впечатлениями:

- Как ты думаешь, Марджори и Аллан знают о Бренде?
- Наверняка нет.

Бренда сказала Аллану:

- Тони на седьмом небе, верно?
- Молодец молодцом.
- Он меня начинал беспокоить... Как ты думаешь, он подозревает о моих шашнях?
- Да что ты. Ему и в голову никогда не придет.

Бренда сказала:

- Понимаешь, я не хочу, чтобы ему было плохо. Марджори читает мне мораль, словно она моя гувернантка.
- Вот как? Мы с ней не обсуждали твои дела.
- А как же ты узнал?
- Дорогая моя, до этой минуты я и понятия не имел, что ты водишь шашни. И сейчас ни о чем тебя не расспрашиваю.
- А... а я думала, все знают.
- С теми, кто пускается в загул, всегда так. Одним кажется, что никто о них не знает, другим – что все на свете знают. А на самом деле только дамы вроде Полли и Сибил считают делом чести разузнать подноготную каждого, остальных это просто не интересует.

– А.

Позже Аллан сказал Марджори:

– Бренда пыталась со мной откровенничать насчет Бивера.

– Я не знала, что ты знаешь.

– Знаю, как не знать. Просто я решил не допускать, чтобы она меня посвящала, – нечего ей важничать.

– Не могу тебе передать, как мне не нравится вся эта история. Ты знаком с Бивером?

– Встречал его. Впрочем, пусть Бренда и Тони сами разбираются.

V

Блондинка Джока звалась миссис Рэттери. У Тони сложилось впечатление о ней из случайно дошедших до него сплетен Полли и отрывочной информации, оброненной Джоком. Было ей слегка за тридцать. Где-то в Коттсморе жил ее бывший муж, майор Рэттери, долговязый, с сильно подмоченной репутацией. Американка по происхождению, но полностью космополитизировавшаяся, богатая, она не имела движимой и недвижимой собственности, за исключением той, что помещалась в пяти огромных сундуках. Джок положил на нее глаз прошлым летом в Биаррице и снова пленился ею в Лондоне, где она играла в бридж по-крупному, причем

очень удачно, часов по шесть-семь кряду и меняла гостиницы в среднем каждые три недели. Время от времени она запойно кололась морфием; тогда она забрасывала бридж и по нескольку дней безвыходно сидела у себя в номере, изредка подкрепляясь холодным молоком.

Она прилетела днем в понедельник. В первый раз гость прибывал в Хеттон подобным образом, и все домочадцы заметно взбудоражились. Истопник и один из садовников под управлением Джока натянули в парке простыню, чтобы обозначить посадочную площадку, и подожгли сырые листья – указать направление ветра. Пять сундуков заурядно прибыли поездом в сопровождении пожилой вышколенной горничной. В одном из сундуков миссис Рэттери привезла собственные простыни; простыни были не шелковые, не цветные, без кружев и каких бы то ни было украшений, кроме небольших, строгих монограмм.

Тони, Джок и Джон вышли посмотреть, как она приземлится. Она вылезла из кабины, потянулась, отстегнула наушники кожаного шлема и пошла к ним навстречу. «Сорок две минуты, – сказала она, – совсем неплохо при встречном ветре».

Высокая и прямая, в шлеме и комбинезоне, она казалась чуть ли не суровой; Тони совсем иначе представлял ее. Где-то в глубинах его подсознания смутно таилась довольно несуразная надежда – увидеть хористку в шелковых трусиках и лифчике, выскакивающую из огромного, перевито-

го лентами пасхального яйца с криком: «Гульнем, ребяташки!» Миссис Рэттери приветствовала их непринужденно и сдержанно.

– Вы поедете в среду на охоту? – спросил ее Джон. – Знаете, у нас будет охотничий сбор.

– Я поехала бы на полдня, если бы достала лошадь. В этом году мне еще не довелось охотиться.

– И мне тоже.

– Значит, мы оба не в форме. – Она говорила с ним, как с ровесником. – Ты мне покажешь окрестности.

– Наверное, сначала обложат Брутонский лес. Там живет большущая лиса, мы с папой ее видели.

Когда они остались одни, Джок сказал:

– Хорошо, что ты приехала. Как тебе показался Тони?

– Это он женат на той красавице, которую мы встретили в «Кафе де Пари»?

– Да.

– Ты еще про нее сказал, что она влюблена в того молодого человека?

– Да.

– Станный у нее вкус... Напомни, как зовут хозяина.

– Тони Ласт. Чудовищный дом, правда?

– Разве? Меня дома мало интересуют.

Миссис Рэттери оказалась неприхотливым гостем: ее не приходилось развлекать.

После обеда она вытащила четыре колоды карт и принялась раскладывать на столике в курительной сложнейший пасьянс – ей хватило его на весь вечер.

– Ложитесь, не дожидайтесь меня, – сказала она. – Я не сойду с места, пока он не выйдет. Он иногда часами не выходит.

Ей показали, где выключить свет, и оставили за пасьянсом.

На следующий день Джок сказал:

– На твоей ферме есть чушки?

– Есть.

– Не станешь возражать, если я взгляну на них?

– Ни в коей мере, но с чего вдруг?

– А там есть человек, который за ними ходит, он сможет про них рассказать?

– Есть.

– Тогда я, пожалуй, утро проведу там. Мне в скором времени придется выступать в палате о чушках.

Миссис Рэттери они не видели до самого обеда. Тони был уверен, что она спит, пока она не вышла из малой гостиной в комбинезоне.

– Я проснулась рано, – объяснила она, – спустилась вниз и увидела, как рабочие обдирают потолок. Искушение оказалось слишком сильным, и я присоединилась к ним. Надеюсь, вы не против.

Днем они поехали в конюшни по соседству, выбрать лошадей. После чая Тони сел писать письмо Бренде; за последние несколько недель он пристрастился писать письма.

До чего славный уик-энд, – писал он. – Очень хотел бы, чтобы ты приехала и на следующий или осталась подольше, но все понимаю.

Лихая блондинка вовсе не такая, как мы себе представляли, – очень невозмутимая и отчужденная. Совсем не в обычном вкусе Джоса. Убежден, что она понятия не имеет ни где находится, ни как меня зовут.

Работы в малой гостиной идут полным ходом. Сегодня мастер мне сказал, что к концу недели они начнут обшивать стены хромированными панелями. Мое мнение на этот счет тебе известно. У Джона только и разговоров что о завтрашней охоте. Надеюсь, он не сломает себе шею. Джоск и Л. Б. тоже поедут на охоту.

Поблизости от Хеттона находились три своры: пигстэнтонцам – они охотились здесь – при разделе достался самый плохой участок¹⁷, и они вечно зарились на леса вокруг Бейтона. Это была довольно склочная шайка, друг друга они презирали, с чужаками враждовали, и их вечно сотрясали внутренние раздоры; объединяла их лишь общая неприязнь

¹⁷ Вся территория Англии поделена на участки соответственно числу находящихся в стране собачьих стай.

к заведующему охотой. Что касается полковника Инча, то традиционной непопулярности у охотников он не заслужил: этот робкий, неприметный человечек, не скупясь на затраты, устраивал, как мог, охоту для всего округа. Сам он к гончим не подходил и чаще всего или мрачно жевал имбирные пряники на дальней тропинке, или к концу дня тяжело трюхал среди полей – одинокая фигурка в алом на фоне вспаханной земли, всматривающаяся в сгущающиеся сумерки и окликающая деревенских. Кое-какое удовольствие от своего положения он все-таки получал, и для него весьма существенное: на заседаниях правлений руководимых им компаний он будто невзначай упоминал о своем звании.

Пигстэнтонцы собирались два раза в неделю. По средам обычно приезжало мало народу, но Хеттонский сбор редко кто пропускал: возле Хеттона были расположены лучшие охотничьи угодья, к тому же перспектива обильного угощения перед охотой привлекала многих задубленных непогодой старух из соседних стай. Начала стягиваться и многочисленная свита – кто пешком, кто на самых разнообразных видах транспорта, некоторые тушевались где-то позади, другие, мало-мальски знакомые с Тони, толпились у стола с закусками. Племянница мистера Тендрила – она сейчас гостила у дяди – прибыла на мотоцикле.

Джон стоял рядом с Громобоем, взволнованный и торжественный. Бен раздобыл у соседнего фермера могучую непородистую кобылу: он надеялся поохотиться всласть по-

сле того, как Джона отправят домой; по настоятельной просьбе Джона няню заточили дома вместе с горничными, чьи головы сейчас высывались из окон верхнего этажа; ее на этот день лишили власти. Одевая Джона, она не скрывала раздражения.

– Если лису затравят при мне, полковник Инч, наверное, поможет меня кровью.

– Никого при тебе не затравят, – сказала няня.

Теперь она стояла у бойницы и сердито смотрела на столпотворение внизу. Все это глупые затеи Бена Хэкетта, думала она. Ей было ненавистно все – гончие, заведующий охотой, свита, доезжачий и выжлятники, племянница мистера Тендрила в макинтоше, Джок в твидовом пиджаке и миссис Рэттери в цилиндре и визитке, не подозревающие о косых взглядах жертвователей, Тони, приветливо беседующий с гостями, сумасшедший старичок с терьерами, газетный фотограф, хорошенькая мисс Рипон, мающаяся со своим молодым конем, боком галопирующим по лужайке, конюхи и запасные лошади, никому неизвестные зеваки, смиренно пристроившиеся в хвосте, – все это были глупые затеи Бена Хэкетта. «Вчера ребенок заснул в двенадцатом часу, – думала она, – так разошелся».

Вскоре кортеж двинулся к Брутонскому лесу; туда надо было ехать по южной аллее, потом через Комптон-Ласт, потом около километра по шоссе, затем по полям.

– Джон может доехать только до опушки, – распорядился

Тони.

– Да, сэр, но ведь вреда не будет, если он немножко останется посмотреть, как работают гончие?

– Пожалуй, нет.

– А если лиса рванет к дому, вреда не будет, если мы, все по тропкам да через воротца, поедem немного следом?

– Нет, но Джон может остаться всего на час, не больше.

– Вы ведь не захотите, сэр, чтоб я его отправил домой, пока гончие работают, верно ведь, сэр?

– Ладно, но пусть к часу будет дома.

– Я за ним присмотрю, сэр. Не беспокойся, милоч, – сказал он Джону, – ты у меня поохотишься лучше не надо.

Они подождали, когда лошади проедут, и примерно потрусилИ сзади. За ними по пятам на первой скорости, в туче выхлопных газов, шли машины. Джон запыхался, его мутило. Громобой мотал головой и грыз трензеля. Он дважды пытался отбиться от охотников и возил Джона по кругу, так что Бен сказал: «Попридержи-ка его, сынок» – и подъехал поближе, чтобы в случае, если Громобой понесет, успеть схватить за повод. Внезапно Громобой рванулся – решил обойти чью-то лошадь, и Джон от неожиданности чуть не перелетел через голову, но успел ухватиться за седло и виновато посмотрел на Бена.

– Я сегодня что-то очень плохо езжу. Как ты думаешь, кто-нибудь заметил?

– Не беспокойся, сынок. Охота – это тебе не школа вер-

ховой езды.

Джок и миссис Рэттери скакали рядом. «А мне нравится эта нелепая лошадь», — сказала она. Она сидела по-мужски — стоило ей взлететь в седло, как сразу стало ясно, что она прекрасно ездит верхом.

Пигстэнтонцы отметили этот факт с плохо скрытой досадой: он опрокидывал их стойкое убеждение, что если собратья-охотники — шуты гороховые и трусы, то уж чужаки и по-давно все, как один, невежи и психи, и от них, во избежание беды, надо держаться подальше.

Посреди деревни мисс Рипон едва удалось миновать хлебный фургон. Ее конь то прядал, то пятился, дрожал и крутился на месте, оскользаясь на гудроне. Джон и Бен объехали мисс Рипон, стараясь держаться как можно дальше от ее коня, который грозно косился по сторонам и всхрапывал. Коня этого все отлично знали. Отец мисс Рипон с начала сезона пытался продать его и уже спустил цену до 80 фунтов. При случае конь превосходно брал препятствия, но ездить на нем верхом было сущей пыткой. Неужто отец мисс Рипон и впрямь думал, что, выставя дочь на посмешище, ему скорее удастся сбыть коня с рук? Хотя с этого сквалыги станется рисковать дочкиной шеей из-за 80 фунтов. Да и вообще, ей какого коня ни дай, она с ним не справится...

Вскоре она уже неслась мимо на легком галопе, лицо у нее покраснелось, пучок волос съехал на сторону; она откинулась назад, натягивая всем весом повод.

– Эта девица допрыгается, – сказал Джок.

Позже они встретили мисс Рипон у опушки. Конь ее вспотел, уздечка была в мыле, зато он утомонился и щипал пучки осоки, редко раскиданные по лесу. Мисс Рипон, тяжело дыша, трясущимися руками приводила в порядок шляпку, вуаль и волосы. Джон подъехал к Джоку:

– Что там происходит, мистер Грант-Мензис?

– Гончие обкладывают опушку.

– А.

– Ну как, доволен?

– Ага. Громобой сегодня ужасно норовистый. С ним такого еще не было.

Наконец в лесу протрубил рог. Все собрались на краю большого поля перед воротами. Вернее сказать, все, за исключением мисс Рипон, которую конь несколько минут назад, прямо на середине фразы, умчал по направлению к Хеттон-Хиллз. Через полчаса Джок сказал:

– Созывают гончих.

– Значит, пустой номер?

– Похоже на то.

– И надо же, чтоб такое в *нашем* лесу случилось, – сказал Бен. – Разговоры всякие пойдут.

И впрямь, пигстэнтонцы, позабыв об оказанном им гостеприимстве, стали вопрошать: чего же ждать, если сам Ласт не охотится, и намекать, будто на прошлой неделе видели, как один из лесников поздно вечером что-то прятал в лесу.

Кортеж снова тронулся прочь от Хеттона. Тут Бен вспомнил о своих обязанностях.

– Как вы думаете, сэр, не пора ли отвезти молодого хозяина домой?

– А как распорядился мистер Ласт?

– Он сказал, что ему можно доехать до опушки. Но до какой – не сказал.

– Похоже, в таком случае Джону пора домой.

– *Ой, мистер Мензис!*

– Что ж делать, поехали, мастер Джон. Хорошенького понемножку.

– А я *ничего* хорошего и не видел.

– Если вы сегодня вернетесь вовремя, папаша вам в другой раз позволит поехать.

– А может, другого раза *не будет*? Может, завтра конец света? *Ну пожалуйста, Бен! Ну пожалуйста, мистер Мензис!*

– Просто срам, что лисы не нашли, – сказал Бен. – Мальчонка заждался.

– И все-таки я думаю, что мистер Ласт отправил бы его домой, – сказал Джок.

Судьба Джона была решена; гончие пошли в одну сторону, они с Беном – в другую. Когда они подъехали к шоссе, Джон чуть не плакал.

– Глянь, – сказал Бен, чтобы его подбодрить, – вон мисс Рипон на своем ненормальном гнедом. Видать, тоже домой

едет. Не иначе как упала.

У мисс Рипон шляпа и спина были заляпаны грязью и облеплены мхом. С тех пор как конь понес, прошли полчаса, и они дались ей нелегко.

– Я его уволю, – сказала она. – Не могу сегодня с ним совладать.

И затрусила рядом с ними к деревне.

– Я подумала, может, мистер Ласт разрешит мне позвонить – вызвать машину. Он так разбушевался, что мне не очень-то хочется добираться на нем домой. Не понимаю, что на него нашло, – добавила она, одумавшись. – В субботу его брали на охоту. За ним такого раньше не водилось.

– На нем впору только мужчине ездить, – сказал Бен.

– Да с ним и конюх не справляется, а папа и вовсе не хочет к нему подходить, – ляпнула уязвленная мисс Рипон. – Во всяком случае... то есть... я думаю, они бы с ним тоже сегодня не справились.

Гнедой, однако, пока вел себя смирно и не отставал от других лошадей. Они шли вровень – пони Джона посредине, мисс Рипон с Беном по бокам.

И тут-то все и случилось: у поворота дороги они наткнулись на одноэтажный пригородный автобус. Он и так шел на малой скорости, а увидев лошадей, водитель еще притормозил и прижался к обочине. Племянница мистера Тендрила, чьи надежды на охоту тоже не оправдались, следовала за ними на мотоцикле почти впритык; она, в свою очередь, сбав-

вила скорость, а заметив, что конь мисс Рипон того и гляди взбрыкнет, и вовсе притормозила.

Бен сказал:

– Давайте сперва я поеду, мисс. А ваш за мной пойдет. Не дергайте удила, просто хлестаните его разок.

Мисс Рипон в точности выполнила его совет; надо сказать, все вели себя очень разумно.

Они поравнялись с автобусом. Коню мисс Рипон это пришлось не по вкусу, но казалось, все обойдется. Пассажиры, забавляясь, смотрели на них. Как вдруг у мотоцикла, шедшего с выключенной передачей, оглушительно выстрелил мотор.

С перепугу конь мисс Рипон застыл на месте, потом, видя, что опасность угрожает и спереди, и сзади, как и следовало ожидать, отпрянул в сторону и со всего маху двинул пони боком. Джон вылетел из седла и упал на дорогу; гнедой мисс Рипон встал на дыбы и попятился задом от автобуса.

– Держите его, мисс. Хлыстом его, хлыстом, – кричал Бен. – Мальчонка упал.

Мисс Рипон хлестнула коня – он взвился и понесся в деревню, но перед тем ударом копыта отбросил Джона в канаву, и тот так и остался там лежать – скрюченный, застывший.

Все согласились, что винить тут некого.

Джока и миссис Рэттери новость достигла почти через час – они ждали у другой пустой опушки. Полковник Инч отдал

приказ прекратить на сегодня охоту и отвести собак в псарни. Стихли голоса, еще пять минут назад заявлявшие, что им доподлинно известно, будто мистер Ласт отдал приказ перестрелять в своем поместье всех лис. Позже, приняв ванну, все отвели душу, дружно накинувшись на отца мисс Рипон, но в тот момент они были потрясены и молчали. Джоку и миссис Рэттери одолжили машину, чтобы они могли сразу же уехать домой, и конюха – присмотреть за их лошадьми.

– Какой кошмар, – сказал Джок, уже в чужой машине, – что мы скажем Тони?

– Для такого дела менее подходящего человека, чем я, не найти, – сказала миссис Рэттери.

Они проехали место, где произошел несчастный случай, – тут, обсуждая происшедшее, еще слонялся народ.

Слонялся, обсуждая происшедшее, народ и в зале.

Доктор – уже на выходе – застегивал пальто.

– Умер на месте, – сказал он. – Удар пришелся в основание черепа. Весьма прискорбно, очень привязался к мальчику. Но винить тут некого.

Были тут и няня, вся в слезах, и мистер Тендрил с племянницей; полицейский, Бен и двое парней, которые помогли принести тело, сидели в людской.

– Мальчонку нельзя винить, – говорил Бен.

– Да, винить тут некого, – говорили все.

– Мальчонке сегодня весь день, бедняге, не везло, – говорил Бен, – если кого и винить, так мистера Грант-Мензиса –

зачем велел ему уехать?

– Да, винить тут некого, – говорили все.

Тони сидел в библиотеке один. Когда Джок вошел, он сразу сказал:

– Надо сообщить Бренде.

– А ты знаешь, где ее застать?

– Она, скорее всего, на курсах... Но не скажешь же ей вот так по телефону... Да и потом, Эмброуз пытался дозвониться и туда, и на квартиру, но не дозвонился... И что, ну что ей сказать?

Джок молчал. Он стоял у камина спиной к Тони, засунув руки в карманы. Немного погодя Тони сказал:

– Вас ведь не было поблизости, верно?

– Нет, мы поехали к другой опушке.

– Мне сначала сказала племянница мистера Тендрила...

Потом мы столкнулись с ними, когда его несли к дому, и Бен мне все рассказал... Какое потрясение для девушки.

– Для мисс Рипон?

– Ну да, она только что уехала... Она тоже упала и сильно расшиблась. Ее конь споткнулся уже в деревне... Бедняжка в ужасном состоянии, а тут ко всему еще и... Джон. Она узнала, что сшибла его, много позднее – в аптеке, когда ей перевязывали голову. Она поранилась, упав с коня. Состояние у нее ужасное. Я ее отправил домой в машине... Ее нельзя винить.

– Да, винить тут некого. Просто несчастный случай.

– В том-то все и дело, – сказал Тони. – Несчастный случай.

Но как сообщить Бренде?

– Одному из нас придется поехать в город.

– Да... Мне, наверное, придется остаться. Я не могу тебе как следует объяснить почему, но тут всякие дела возникнут. Ужасно просить о таких вещах...

– Я поеду, – сказал Джок.

– Тут всякие дела возникнут... Доктор говорит, что состоится следствие. Чистейшая формальность, конечно, но страшное потрясение для рипоновской дочки. Ей придется давать показания... а состояние у нее ужасное. Надеюсь, я ничего – такого ей не сказал. Только что принесли Джона, и я плохо соображал. Вид у нее отчаянный. Похоже, отец ее страшно тиранит... Жаль, что нет Бренды. Она умеет с людьми. А я теряюсь.

Мужчины постояли молча.

Тони сказал:

– У тебя правда хватит духу поехать в Лондон и сказать Бренде?

– Да.

Немного погодя вошла миссис Рэттери.

– Приехал полковник Инч, – сказала она. – Я с ним поговорила. Он хотел выразить вам соболезнование.

– Он еще здесь?

– Нет, я ему сказала, что вас, наверное, лучше не трогать.

Он думал, вам приятно будет услышать, что он остановил охоту.

– Очень мило, что он приехал... Как провели день, хорошо?

– Нет.

– Мне очень жаль. На прошлой неделе мы видели лисицу в Брутонском лесу. Мы с Джоном. Джок поедет в Лондон за Брендой.

– Я подвезу его на самолете. Так быстрее.

– Да, так, конечно, быстрее.

– Пойду переоденусь. Я буду готова через десять минут.

– Я тоже переоденусь, – сказал Джок.

Оставшись один, Тони позвонил. Вошел молодой лакей, он был совсем молодой и в Хеттоне служил недавно.

– Передайте, пожалуйста, мистеру Эмброузу, что миссис Рэттери сегодня отбывает. Она улетает вместе с мистером Грант-Мензисом. Ее милость, очевидно, приедет вечерним поездом.

– Слушаюсь, сэр.

– Их надо покормить перед отъездом. Я буду обедать с ними... И позвоните, пожалуйста, полковнику Инчу, поблагодарите за визит, хорошо? Скажите, что я ему напишу. И позвоните еще мистеру Рипону, осведомитесь о здоровье мисс Рипон. И в приход, спросите мистера Тендрила – могу ли я повидать его сегодня вечером? Он, случайно, не у нас?

– Нет, сэр. Он ушел несколько минут назад.

– Передайте ему, что я хочу переговорить с ним о похоронах.

– Слушаюсь, сэр.

– Мистер Ласт прямо какой-то бесчувственный, – доносил лакей.

В библиотеке ничто не нарушало тишины: рабочие в малой гостиной отложили на день инструменты. Первой появилась миссис Рэттери.

– Сейчас подадут обед.

– К чему обед, – сказала она. – Вы забыли, что мы основательно подкрепились перед охотой.

– Все равно лучше поесть, – сказал Тони и – немного погодя: – Джоку будет тяжело сообщить Бренде. Я все думаю, сколько времени осталось до ее приезда.

Что-то в голосе Тони заставило миссис Рэттери спросить:

– А что вы будете делать, пока ее нет?

– Не знаю. Тут всякие дела возникнут.

– Послушайте, – сказала миссис Рэттери, – пусть Джок едет в машине. Я останусь с вами, пока не приедет леди Бренда.

– Вам будет очень тяжело.

– Нет, я останусь.

Тони сказал:

– Смешно, наверное, но я действительно хотел бы, чтобы вы остались... То есть вам не будет очень уж тяжело? Я что-то плохо соображаю. Все не могу поверить, что это правда.

– И тем не менее это так.

Появился лакей с сообщением, что мистер Тендрил зайдет после чая, а мисс Рипон легла и сейчас спит.

– Мистер Грант-Мензис поедет машиной. Он, возможно, вернется к вечеру, – сказал Тони. – Миссис Рэттери побудет здесь, пока не приедет ее милость.

– Слушаюсь, сэр. Полковник Инч просил узнать, не желаете ли вы, чтоб охотники протрубили над могилой «Предан земле»?

– Передайте, что я ему напишу. – Когда лакей вышел, Тони заметил: – Чудовищное предложение.

– Как сказать. Он хочет во что бы то ни стало быть полезным.

– Охотники от него не в восторге.

В половине третьего Джок уехал. Тони и миссис Рэттери пили кофе в библиотеке.

– Боюсь, – сказал Тони, – что мы будем себя неловко чувствовать. Ведь мы едва знакомы.

– А вы не думайте обо мне.

– Но вам, наверное, очень тяжело.

– И об этом не надо думать.

– Постараюсь... Глупо, ведь я совсем не думаю об этом, я просто так говорю... А думаю совсем о другом.

– Знаю. Молчите, если не хочется разговаривать.

Немного погодя Тони сказал:

– Бренде еще тяжелее, чем мне. Видите ли, кроме Джо-

на, у нее почти ничего нет... а у меня есть она, и я люблю Хеттон... ну а для Бренды Джон всегда был на первом месте... оно и понятно... И потом, в последнее время она видела Джона очень редко. Подолгу оставалась в Лондоне. Боюсь, это будет ее мучить.

– Никогда нельзя сказать, что кого будет мучить.

– Видите ли, я очень хорошо знаю Бренду.

VI

Окна были распахнуты, и бой часов, отбивавших время в вышине среди каменной листвы и крестоцветов, четко раздавался в тиши библиотеки. Они уже давно молчали. Миссис Рэттери сидела спиной к Тони; она разложила свой сложный пасьянс из четырех колод на ломберном столике; Тони как сел после обеда на стул у камина, так и не встал.

– Всего четыре? – сказал он.

– Я думала, вы заснули.

– Нет, я просто думал... Джок, должно быть, проехал больше полпути, он теперь где-то около Эйлсбери или Тринга.

– Машиной быстро не доедешь.

– Прошло меньше четырех часов с тех пор... Даже не верится, что это произошло еще сегодня, что всего пять часов назад здесь выпивали охотники.

Наступила пауза, миссис Рэттери сгребла карты и снова

их перетасовала.

– Мне сказали в двадцать восемь минут первого. Я тогда посмотрел на часы... А принесли Джона без десяти час... Всего три с лишним часа назад... Даже не верится, правда, что все может так внезапно перемениться?

– Так всегда и бывает, – сказала миссис Рэттери.

– Бренда узнает через час... если Джок ее застанет. Но вряд ли она дома. А он не будет знать, где ее искать, – ведь в квартире никого нет. Она ее запирает, когда уходит, и квартира стоит пустая... а ее часто по полдня не бывает дома. Я знаю, потому что иногда звоню и никто не отвечает. Бог знает, сколько он ее будет разыскивать. Может, пройдет еще столько же времени. Значит, будет восемь. Скорее всего, она не придет домой до восьми... Подумайте, пройдет еще столько же времени, пока Бренда узнает. Трудно поверить, правда? А потом ей еще надо добраться сюда. Есть поезд, который уходит в девять с чем-то. На этот она может попасть. Я все думаю: может, мне тоже надо было за ней поехать... Но мне не хотелось оставлять Джона одного.

(Миссис Рэттери сосредоточенно склонилась над пасьянсом – группки карт, ловко, как челнок по ткацкому станку, ходили взад-вперед по столу, хаос в ее руках претворялся в порядок, она устанавливала предшествование и последовательность, символы у нее приобретали связь и взаимозависимость.)

– Конечно, она, может, еще будет дома, когда он придет.

Тогда она успеет на вечерний поезд, она раньше всегда так возвращалась, когда уезжала на день в Лондон, до того, как сняла квартиру... Я пытаюсь представить себе, как все это будет. Джок войдет, она удивится, и тут он ей скажет... Джоку будет очень тяжело... Она может узнать в полшестого или чуть раньше.

– Какая жалость, что вы не умеете раскладывать пасьянс, – сказала миссис Рэттери.

– В каком-то смысле мне станет легче, когда она узнает... Нехорошо, что Бренда ничего не знает, словно у меня от нее секреты... Я не представляю, как у нее складывается день. Наверное, последняя лекция кончается около пяти... Интересно, заходит ли она домой переодеться, если ее пригласили на чай или коктейль. В квартире она почти не бывает, там так тесно.

Миссис Рэттери посидела в мрачном раздумье над разложенными картами, потом сгребла их в кучу и разложила пасьянс еще раз, теперь уже ничего не загадывая; тут пасьянс бы и вышел, если бы не завязнувшая бубновая шестерка и застопорившая все дело группа в одном углу, которую никоим образом нельзя было передвинуть.

– От этого пасьянса – одно расстройство, – сказала она.

Снова раздался бой часов.

– Всего четверть часа прошло?.. Знаете, я б, наверное, спятил, если б сидел тут один. Как вы добры, что остались со мной.

– Вы играете в безик?

– К сожалению, нет.

– А в пикет?

– Нет. Я ни одной игры, кроме петуха и курочки, так и не смог освоить.

– Жаль.

– Мне бы надо послать телеграмму Марджори и еще кое-кому, но, пожалуй, лучше подождать, пока я не узнаю, что Джок видел Бренду. Вдруг она будет у Марджори, когда придет телеграмма.

– Постарайтесь не думать об этом. А в кости вы умеете играть?

– Нет.

– Это просто, я вас научу. У вас должны быть кости для триктрака.

– Зря вы беспокоитесь. Просто мне не хочется играть.

– Принесите кости и сядьте сюда за стол. Нам надо скоротать эти шесть часов.

Она показала ему, как кидать кости.

Он сказал:

– Я это видел в кино – там на вокзале играли носильщики и таксисты.

– Конечно, кто ж не видел, ничего нет проще. Ну вот, вы выиграли, забирайте деньги.

Немного погодя Тони сказал:

– Знаете, о чем я подумал?

– Вы никогда не пробовали дать себе передых – взять и не думать?

– А вдруг уже пронюхали вечерние газеты? Бренда может случайно заглянуть в газету и прочесть... а вдруг они еще и фотографию напечатают?

– Да, и я то же самое подумала, когда вы сказали о телеграммах.

– Это ведь вполне вероятно? Вечерние газеты тут же все пронюхивают. Что же нам делать?

– Ничего не попишешь. Придется ждать... Давайте, приятель, кидайте, ваш черед.

– Я больше не хочу. Я очень беспокоюсь.

– Знаю, что беспокоитесь. Можете мне не говорить... но не бросите же вы игру, когда вам такое везение?..

– Простите меня... но это не помогает.

Он походил по комнате, подошел сначала к окну, потом к камину. Набил трубку.

– В конце концов, можно узнать, появилось сообщение в вечерних газетах или нет. Можно позвонить в клуб и узнать у швейцара.

– Это не мешает вашей жене прочесть газеты. Нам остается только ждать. Как вы сказали, в какую игру вы умеете играть? Петух и что?

– Петух и курочка.

– Валяйте.

– Да это же детская игра. Вдвоем в нее играть нелепо.

– Рассказывайте, как в нее играть.

– Ну, каждый выбирает себе животное.

– Отлично. Я буду собака, вы – курица. Дальше что?

Тони объяснил.

– Я бы сказала, что для таких игр нужно хорошее настроение, – сказала миссис Рэттери. – Но все равно попробуем.

Каждый взял по колоде и начал сдавать. Вскоре вышли две восьмерки.

– Гав-гав, – сказала миссис Рэттери, сгребая карты.

Другая пара.

– Гав-гав, – сказала миссис Рэттери. – Знаете, вы играете без души.

– А, – сказал Тони, – кудах-тах-тах.

И немного погода снова:

– Кудах-тах-тах.

– Не глупите, – сказала миссис Рэттери. – Тут не пара...

Когда Альберт пришел задернуть занавески, они еще играли. У Тони осталось всего две карты, которые он перевертывал без конца, миссис Рэттери пришлось разделить свои – они не умещались в одной руке. Заметив Альберта, они прекратили игру.

– Что он мог подумать? – сказал Тони, когда лакей ушел. («Это ж надо, мальчонка наверху мертвый лежит, а он сидит и кудахчет, точно курица», – докладывал Альберт.)

– Пожалуй, не стоит продолжать.

– Да, игра не очень интересная. Подумать только, что вы

других игр не знаете.

Она собрала карты и принялась разбирать их по колодам. Эмброуз и Альберт принесли чай. Тони посмотрел на часы:

– Уже пять. Шторы задернуты, поэтому не слышно, как бьют часы. Джок, должно быть, уже в Лондоне.

Миссис Рэттери сказала:

– Я б не отказалась от виски.

Джок никогда не бывал у Бренды в квартире. Она находилась в огромном, безликом доме, типичном для этого района. Миссис Бивер горько оплакивала потерю площади, занятой лестничными пролетами и пустым, вымощенным плитками холлом. Швейцара в доме не имелось, три раза в неделю приходила уборщица с ведром и шваброй. На табличке с именами жильцов значилось, что Бренда дома. Но Джок не очень-то этому поверил, зная, что не в характере Бренды, уходя и приходя, переворачивать табличку. Квартира оказалась на третьем этаже. После первого пролета мрамор сменил вытертый ковер – он лежал здесь еще до реконструкции, предпринятой миссис Бивер. Джок нажал кнопку и услышал, как за дверью зазвонил звонок. Однако к двери никто не подошел. Было уже начало шестого, и он не рассчитывал застать Бренду. Он еще дорогой решил, что зайдет для очистки совести в квартиру, а потом отправится в клуб и оттуда позвонит друзьям Бренды, которые могут знать, где она. Он позвонил еще, уже по инерции, немного подождал и собрал-

ся было уйти. Но тут отворилась соседняя дверь, и из нее выглянула темноволосая дама в алом бархатном платье; в ушах ее качались огромные серьги восточной филигрании, утыканые тусклыми дешевыми камнями.

– Вы ищете леди Бренду Ласт?

– Да. Она ваша подруга?

– И еще какая, – сказала княгиня Абдул Акбар.

– В таком случае не скажете ли вы, где я могу ее разыскать?

– Она должна быть сейчас у леди Кокперс. Я как раз туда еду. Ей что-нибудь передать?

– Нет, лучше я сам туда поеду.

– Хорошо, тогда подождите пять минут, поедем вместе. Входите.

Единственная комната княгини была обставлена разношерстно и с подлинно восточным презрением к истинному назначению вещей: сабли, призванные украшать парадные одеяния мавританских шейхов, свисали с реек для картин, молитвенные коврики были раскиданы по дивану, на полу валялся настенный бухарский ковер, а трельяж был задрапирован шалью, изготовленной в Июкогаме на потребу иностранных туристам; на восьмиугольном столике из Порт-Саида стоял тибетский Будда светлого мыльного камня, шесть слоников слоновой кости бомбейского производства выстроились в ряд на батарее. Другие культуры были, в свою оче-

редь, представлены набором лаликовских¹⁸ флакончиков и пудрениц, сенегальским фаллическим фетишем, голландской медной миской, корзинкой для бумаг, склеенной из отлакированных акватинт, страхолюдиной-куклой, полученной на праздничном обеде в приморском отеле, десятком оправленных в рамки фотографий самой княгини, затейливой мозаикой из кусочков раскрашенного дерева, изображающей сцену в саду, и радиоприемником в ящике мореного дуба стиля Тюдор. В такой крохотной комнате все это производило сногшибательное впечатление. Княгиня села к зеркалу. Джок пристроился на диване, за ее спиной.

– Как вас зовут? – спросила она через плечо.

Он назвался.

– Ну конечно, я слышала о вас в Хеттоне. Я была там в позпрошлый уик-энд... такой причудливый старинный дом.

– Пожалуй, лучше я вам скажу. Сегодня утром там произошло ужасное несчастье.

Дженни Абдул Акбар крутанулась на кожаном стуле, глаза ее расширились от ужаса, рука взлетела к сердцу.

– Скорей, – шепнула она. – Говорите. Я этого не перенесу.

Смерть?

Джок кивнул.

– Их маленького сына... лягнула на охоте лошадь.

– *Малютку Джимми.*

¹⁸ Рене Лалик – французский ювелир. Владелец фабрик, в основном изготовлявших туалетные приборы для массового потребления.

– Джона.

– Джон... *умер*. Какой кошмар...

– Но ничьей вины тут нет.

– Нет-нет, – сказала Дженни. – Вы ошибаетесь. Это моя вина. Я не должна была к ним ездить... Надо мной тяготеет страшное проклятие. Повсюду, где бы я ни появилась, я приношу горе... Ведь умереть должна была я. Я не посмею смотреть им в глаза. Я чувствую себя убийцей... загублено такое славное юное существо.

– Послушайте, знаете ли, не стоит так себя настраивать.

– И это уже не в первый раз... всегда, повсюду меня преследует безжалостный рок... О господи, – сказала Дженни Абдул Акбар, – за что ты так караешь меня?

Она удалилась из комнаты, оставив его одного, – идти ей, собственно, было некуда, кроме как в ванную. Джок сказал через дверь:

– Мне пора ехать к Полли, сообщить Бренде.

– Подождите минутку, я поеду с вами.

Из ванной она вышла, несколько взбодрившись.

– Вы на машине, – спросила она, – или вызвать такси?

После чая наведалься мистер Тендрил. Тони ушел с ним в кабинет, и они просидели там с полчаса. Возвратившись в библиотеку, он налил себе – миссис Рэттери не дала унести поднос – виски с имбирным лимонадом. Миссис Рэттери снова взялась за пасьянс.

- Нелегкий разговор? – спросила она, не поднимая глаз.
- Не то слово. – Он быстро выпил виски и налил себе еще.
- Принесите и мне рюмку, ладно?

Тони сказал:

– Я, собственно, хотел только поговорить с ним о похоронах. А он пытался меня утешать. Крайне мучительно... В конце концов, в такое время меньше всего хочется беседовать о религии.

– Некоторые это любят, – сказала миссис Рэттери.

– Конечно, – начал Тони, немного помолчав, – когда нет своих детей...

– У меня два сына, – сказала миссис Рэттери.

– Вот как? Извините, пожалуйста, я не знал... мы так мало знакомы. Как некрасиво вышло.

– Да ладно. Это не только вас удивляет. Я с ними не так уж часто вижусь. Они где-то в школе. Прошлым летом я водила их в кино. Они довольно большие. Один, мне кажется, будет красавцем. У него отец красивый.

– Четверть седьмого, – сказал Тони. – Джок, наверное, уже ей сообщил.

У леди Кокперс собрались все свои: Вероника, Дейзи, Сибил, Суки де Фуко-Эстергази и еще человек пять гостей – исключительно дамы. Они пришли погадать у новой предсказательницы миссис Норткот. Открыла ее миссис Бивер: с каждых пяти заработанных по ее рекомендации гиней мис-

сис Бивер брала два фунта двенадцать шиллингов комиссионных. Миссис Норткот предсказывала судьбу по новейшему методу – читала по стопам ног. Дамы с нетерпением ожидали своей очереди.

– Это же надо, сколько времени она возится с Дейзи.

– Она очень дотошная, – сказала Полли, – и потом, это щекотно.

Немного погодя Дейзи вышла.

– Ну как? – спрашивали дамы.

– Ничего не стану говорить, не то все испорчу, – сказала Дейзи.

Они кинули карты, чтобы установить очередность. Идти выпало Бренде. Она прошла в соседнюю комнату – там на стульчике подле кресла сидела миссис Норткот. Миссис Норткот была затрапезного вида пожилая тетка с претензиями на изысканное произношение. Бренда села, сняла туфлю и чулок. Миссис Норткот положила ногу Бренды себе на колено, многозначительно уставилась на нее, потом приподняла ступню и принялась водить серебряным карандашиком по линиям. Бренда блаженно пошевелила пальцами и приготовилась слушать.

В соседней комнате говорили:

– А где сегодня мистер Бивер?

– Улетел с матерью во Францию смотреть образцы новых обоев. Бренда весь день места себе не находит – боится, как бы самолет не разбился.

– Ужасно трогательно, верно? Хотя, убей меня бог, не пойму, чем он ее пленил...

– Не предпринимайте ничего в четверг, – говорила миссис Норткот.

– Ничего?

– Ничего важного. Вы умны, впечатлительны, добры, легко поддаетесь влиянию, порывисты, привязчивы. Вы очень артистичны, хотя и не даете своим способностям расцвести в полную меру.

– А о любви там ничего не говорится?

– Сейчас перейду к любви. Вот эти линии от большого пальца к подъему означают любовников.

– Да-да, расскажите еще об этом...

Доложили о приходе княгини Абдул Акбар.

– Где Бренда? – спросила она. – Я думала, она здесь.

– Она у миссис Норткот.

– Ее хочет видеть Джок Мензис. Он внизу.

– Джок прелесть... Слушай, а чего бы тебе не привести его сюда?

– Нет-нет, он пришел по очень важному делу. Ему необходимо увидеть Бренду наедине.

– Господи, как таинственно. Она скоро выйдет. Им нельзя мешать. У миссис Норткот пропадет весь настрой.

Дженни рассказала о случившемся.

За дверью в соседней комнате у Бренды уже начала зябнуть нога.

– Четверо мужчин определяют вашу судьбу, – говорила миссис Норткот. – Один – верный и нежный, но он еще не открыл вам своего сердца, другой – пылкий и властный, и вы его боитесь.

– О господи, – сказала Бренда, – как интересно! Кто бы это мог быть?

– Одного вы должны избегать – он не принесет вам добра: он жестокосерд и алчен.

– Это наверняка мой мистер Бивер, Господь с ним.

Внизу Джок сидел в маленькой комнате окнами на улицу, здесь гости Полли обычно собирались перед обедом. Было пять минут седьмого.

Вскоре Бренда натянула чулок, надела туфлю и вышла к дамам.

– Весьма увлекательно, – объявила она. – В чем дело, почему у вас такой странный вид?

– Джок Грант-Мензис хочет с тобой поговорить – он внизу.

– Джок? Какая неожиданность. Ничего страшного не случилось, ведь нет?

– Ты лучше спустись поговори с ним.

И тут Бренда заметила, что и обстановка, и лица подруг как-то странно переменялись, и напугалась.

Она опрометью кинулась вниз, в комнату, где ее ждал Джок.

– В чем дело, Джок? Говори быстрее, мне страшно. Ни-

чего ужасного не случилось, нет?

– Боюсь, что да. Произошел несчастный случай.

– Джон?

– Да.

– Погиб?

Джок кивнул.

Она опустилась на жесткий ампирный стульчик у стены и сидела не шевелясь, сложив руки на коленях, как благовоспитанный ребенок, которого допустили в компанию взрослых.

Она сказала:

– Расскажи мне, как это было. Откуда ты узнал?

– Я не уезжал из Хеттона после воскресенья.

– Из Хеттона?

– Разве ты не помнишь? Джон сегодня собирался на охоту.

Она нахмурилась, до нее не сразу дошли его слова.

– Джон... Джон Эндрю... Я... слава богу... – И она разрыдалась. Беспомощно плакала, отвернув от Джока лицо, уткнувшись лбом в золоченую спинку стула.

Наверху миссис Норткот держала за ногу Суки де Фуко-Эстергази.

– Вашу судьбу, – говорила она, – определяют четверо мужчин. Один – верный и нежный, но он не открыл еще вам своего сердца...

Прорезав тишь Хеттона, зазвонил телефон возле комнаты

экономки – и был переключен на библиотеку. Трубку взял Тони.

– Это Джок. Я только что видел Бренду. Она приедет семичасовым поездом.

– Как она, очень расстроена?

– Разумеется.

– Где она сейчас?

– Со мной. Я звоню от Полли.

– Мне поговорить с ней?

– Не стоит.

– Хорошо, я ее встречу. Ты тоже приедешь?

– Нет.

– Ты был просто замечателен. Не знаю, что бы я делал без тебя и миссис Рэттери.

– Да ладно. Я провожу Бренду.

Бренда уже не плакала, она сидела съежившись на стуле. Пока Джок говорил по телефону, она не поднимала глаз. А чуть погода сказала:

– Я поеду этим поездом.

– Нам пора двигаться. Тебе, наверное, надо взять из квартиры какие-то вещи?

– Моя сумка... наверху. Сходи за ней. Я не могу туда вернуться.

По дороге она молчала. Сидела рядом с Джоком – он вел машину – и глядела прямо перед собой. Когда они приехали, она открыла дверь и первой прошла в квартиру. В комнате

не было почти никакой мебели. Она села на единственный стул.

– У нас еще много времени. Расскажи, как все было.

Джок рассказал.

– Бедный мальчик, – сказала она. – Бедный, бедный мальчик.

Потом открыла шкаф и уложила кое-какие вещи в чемодан, раз или два выходила в ванную.

– Вещи упакованы, – сказала она. – Все равно остается слишком много времени.

– Не хочешь поесть?

– Нет-нет, ни за что. – Она снова села, поглядела на себя в зеркало. Но не стала приводить лицо в порядок.

– Когда ты мне сказал, – начала она, – я не сразу поняла. Я сама не знала, что говорю.

– Знаю.

– Я ведь ничего такого не сказала, нет?

– Ты знаешь, что ты сказала.

– Да, знаю... Я не то хотела... Думаю, не стоит стараться – что тут объяснишь.

Джок сказал:

– Ты ничего не забыла?

– Нет, там все, что мне понадобится. – Она кивнула на чемоданчик на кровати. Вид у нее был убитый.

– Тогда, пожалуй, пора ехать на станцию.

– Хорошо. Еще рано. Но все равно.

Джок проводил ее к поезду. Была среда, и в вагоны набилось множество женщин, возвращавшихся домой после беготни по магазинам.

– Почему бы тебе не поехать первым классом?

– Нет-нет. Я всегда езжу третьим.

Она села на пустое место посреди скамьи. Соседки с любопытством заглядывали ей в лицо – не больна ли она.

– Почитать ничего не хочешь?

– Ничего не хочу.

– А поесть?

– И поесть не хочу.

– Тогда до свидания.

– До свидания.

Отталкивая Джока, в вагон протиснулась еще одна женщина, обвешанная множеством мелких свертков.

Когда новость дошла до Марджори, она сказала Аллану:

– Зато теперь с мистером Бивером будет покончено.

Однако Полли Кокперс сказала Веронике:

– Теперь с Тони будет покончено, в смысле для Бренды.

Захудалых Ластов телеграмма потрясла. Они обретались на большой, но убыточной птицеферме неподалеку от Принсес-Ризборо. Никому из них и в голову не пришло, что теперь, в случае чего, Хеттон перейдет к ним. А если б и пришло, они горевали бы ничуть не меньше.

С Паддингтонского вокзала Джок отправился прямо в Бр-

этт-клуб. Один из мужчин у стойки сказал:

– Кошмарный случай с парнишкой Тони Ласта.

– Да, я был при этом.

– Неужели? Кошмарный случай.

Позже ему сообщили:

– Звонит княгиня Абдул Акбар. Она желает знать, в клубе ли вы?

– Нет-нет, ответьте ей, что меня здесь нет, – сказал Джок.

VII

На следующее утро, в одиннадцать, началось следствие; длилось оно недолго. Доктор, водитель автобуса, Бен и мисс Рипон дали показания. Мисс Рипон разрешили не вставать. Она была очень бледна и говорила дрожащим голосом; отец испепелял ее грозными взглядами с ближней скамьи; под шляпкой у нее скрывалась маленькая проплешина, там, где сбрили волосы вокруг ранки. В заключительной речи следователь отметил, что в случившемся несчастье винить, как явствует из свидетельских показаний, некого; остается только выразить глубочайшее соболезнование мистеру Ласту и леди Бренде в постигшей их тяжелой утрате. Толпа расступилась, образуя проход для Тони и Бренды. На следствие явились и полковник Инч, и секретарь охотничьего клуба. Следствие велось со всей деликатностью и уважением к скорби родителей.

Бренда сказала:

– погоди минутку. Я должна поговорить с этой бедняжкой, рипоновской дочкой.

И прелестно справилась со своей задачей. Когда все ушли, Тони сказал:

– Жаль, что тебя не было вчера. К нам приходило столько народу, а я совершенно не знал, что говорить.

– Как ты провел день?

– Тут была лихая блондинка... мы немного поиграли в петуха и курочку.

– Петуха и курочку? Ну и как, успешно?

– Не очень... Даже не верится, что вчера в это время еще ничего не случилось.

– Бедный мальчик, – сказала Бренда.

С приездом Бренды они почти не говорили друг с другом. Тони встретил ее на станции; когда они добрались до дому, миссис Рэттери уже легла, а наутро улетела на своем самолете, не повидавшись с ними. Бренда – в ванне, Тони – внизу, в кабинете, где писал письма, в чем теперь появилась необходимость, слышали, как над домом пролетел самолет.

В этот день солнце почти не проглядывало, буйствовал ветер; белые и серые облака неподвижно стояли высоко над головой, зато голые деревья вокруг дома раскачивались и колыхались, а во дворе конюшни вихрями крутилась солома. Бен переоделся – для следствия он облачился в парадный костюм – и занялся делами. Громобойю вчера тоже досталось

– он немного прихрамывал на правую переднюю.

Бренда сняла шляпу и кинула ее на стул в зале.

– Сказать тут нечего, верно?

– Не обязательно разговаривать.

– Нет. Наверное, будут похороны.

– Как же иначе.

– Когда, завтра?

Она заглянула в малую гостиную:

– А они порядочно наработали, верно?

Двигалась она более замедленно, чем обычно, голос ее звучал монотонно и безразлично. Она опустилась в одно из кресел посреди зала, куда никто никогда не садился. И так там и застыла. Тони положил ей руку на плечо, но она сказала: «Оставь» – не раздраженно и нервно, а без всякого выражения.

Тони сказал:

– Я, пожалуй, пойду отвечу на письма.

– Хорошо.

– Увидимся за обедом.

– Да.

Она встала, безучастно поискала глазами шляпу, а найдя ее, медленно поднялась вверх по лестнице, и солнечные лучи, пробиваясь сквозь цветные витражи, заливали ее золотом и багрянцем.

У себя в комнате она опустилась на широкий подоконник и стала глядеть на поля, на бурую пашню, на колышущиеся

безлистые деревья, на шпиль церквей, на водовороты пыли и листьев, клубящиеся внизу у террасы; она так и не выпустила из рук шляпу и все теребила пальцами приколотую сбоку брошь.

В дверь постучали, вошла заплаканная няня:

– Прошу прощения, ваша милость, но я просмотрела вещи Джона. Это не мальчика платок.

Резкий запах и украшенные короной инициалы выдали происхождение платка.

– Я знаю, чей это. Я отошлю его хозяйке.

– Не возьму в толк, как он к нему попал, – сказала няня.

– Бедный мальчик. Бедный, бедный мальчик, – сказала Бренда, когда няня ушла, и снова уставилась на растревоженный пейзаж.

– Я вот думал о пони, сэр.

– Так, Бен.

– Вы как, будете его у себя держать?

– Я не думал об этом... да, пожалуй, нет.

– Мистер Уэстмэккот из Рестолла о нем справлялся. Он думает, пони подойдет для его дочки.

– Так.

– Сколько мы запросим?

– Не знаю... сколько, по-вашему, нужно?..

– Пони хороший, ухоженный. Я так думаю, сэр, меньше чем за двадцать пять монет его отдать нельзя.

– Хорошо, Бен, займитесь этим.

– Для начала запрошу тридцать, так, сэр, а потом маленько спущу.

– Поступайте, как сочтете нужным.

– Хорошо, сэр.

За обедом Тони сказал:

– Звонил Джок. Спрашивает, не может ли чем помочь.

– Как мило с его стороны. Почему бы тебе не позвать его на уик-энд?

– А ты как, не против?

– Меня здесь не будет. Я уеду к Веронике.

– Уедешь к Веронике?

– Да, разве ты забыл?

В комнате были слуги, поэтому они смогли поговорить чуть позже, когда остались в библиотеке одни.

– Ты в самом деле уезжаешь?

– Да, я не могу здесь оставаться. Ты же все понимаешь?

– Да-да, конечно. Просто я думал, может, нам вместе уехать куда-нибудь за границу.

Бренда продолжала так, словно не слышала его:

– Я не могу здесь оставаться. С этим покончено, неужели ты не понимаешь, что с нашей жизнью здесь покончено.

– Детка, что ты хочешь сказать?

– Не спрашивай... потом.

– Но, Бренда, родная, я тебя не понимаю. Мы оба молоды.

Конечно, нам никогда не забыть Джона. Он навсегда останется нашим старшим сыном, но...

– Замолчи, Тони, пожалуйста, прошу тебя, замолчи.

Тони осекся и немного погодя сказал:

– Значит, ты завтра уезжаешь к Веронике?

– Угу.

– Думаю, я все же приглашу Джока.

– Ну конечно.

– А о планах на будущее подумаем позже, когда немного отойдем.

– Да, позже.

Наутро.

– Очень милое письмо от мамы. – Бренда протянула письмо через стол.

Леди Сент-Клауд писала:

...Я не могу приехать в Хеттон на похороны, но буду непрестанно думать о вас и вспоминать, как видела вас всех троих на Рождество. Дорогие дети, в такое время лишь друг в друге вы обретете поддержку. Только любовь поможет противостоять горю...

– Я получил телеграмму от Джока, – сказал Тони. – Он приедет.

– Своим приездом Бренда всех нас свяжет по рукам и ногам, – сказала Вероника. – Что бы ей догадаться прислать отказ. Понятия не имею, как с ней говорить.

Когда они остались после ужина одни, Тони сказал Джоку:

– Я ничего не мог понять, но теперь, кажется, понял. Я воспринимаю иначе, но ведь мы с Брендой во многом совершенно разные. Именно потому, что они ей чужие, и не знали Джона, и никогда не были здесь, Бренда хочет быть с ними. В этом все дело, ты согласен? Она хочет быть совсем одна и подальше от всего, что напоминает ей о случившемся... и все равно это ужасно, что я ее отпустил. Не могу тебе передать, что с ней... она все делает машинально. Ей куда тяжелее, чем мне, это я понимаю. А я ничем не могу помочь, вот что невыносимо.

Джок не ответил.

Бивер тоже был у Вероники, Бренда сказала ему:

– Вплоть до среды, когда я подумала, что ты умер, я и понятия не имела, что люблю тебя.

– Вот как? А говорила об этом не так уж редко.

– Ты еще в этом убедишься, – сказала Бренда, – дуралей.

В понедельник утром на подносе с завтраком Тони ждало письмо:

Дорогой Тони,

я не вернусь в Хеттон. Пусть Гримшо упакует мои вещи и отвезет их на квартиру. После этого она мне больше не нужна.

Тебе, должно быть, не сегодня стало понятно, что наша жизнь не ладится.

Я влюблена в Джона Бивера и хочу получить развод и выйти за него замуж. Если бы Джон Эндрю не погиб, может быть, все пошло бы иначе. Трудно сказать. А так я просто не могу начать все сначала. Пожалуйста, не очень огорчайся. Нам, наверное, нельзя встречаться во время процесса, но я надеюсь, что потом мы снова станем близкими друзьями. Во всяком случае, для меня ты всегда останешься верным другом, что бы ты обо мне ни думал.

С наилучшими пожеланиями

Бренда.

Когда Тони прочел письмо, он решил, что Бренда сошла с ума.

– Насколько мне известно, она видела Бивера всего два раза, – сказал он.

Позже он показал письмо Джоку, и тот сказал:

– Жаль, что все так получилось.

– Но ведь это же неправда?

– К сожалению, правда. Все давно знают.

Однако прошло еще несколько дней, прежде чем Тони

полностью осознал, что это значит. Он привык любить Бренду и доверять ей.

4. Английская готика II

I

– Ну как старикан это переносит?

– Плохо. И оттого чувствуешь себя такой скотиной, – сказала Бренда. – Боюсь, он очень переживает.

– Если бы он не переживал, тебе было бы неприятно, – сказала Полли, чтобы ее утешить.

– Да, пожалуй.

– Что бы ни случилось, я останусь твоим другом, – сказала Дженни Абдул Акбар.

– Пока все идет гладко, – сказала Бренда. – Хотя и были кое-какие gêne¹⁹ с родственниками.

Тони последние три недели жил у Джока. Миссис Рэттери уехала в Калифорнию, и Джок был рад обществу. По вечерам они большей частью обедали вместе. В Брэтт-клуб они больше не ходили, не ходил туда и Бивер. Вместо этого они зачастили в Браун-клуб – там Бивер не состоял. Бивер теперь проводил все время с Брендой то в одном, то в другом из полудюжины знакомых домов.

¹⁹ Неприятности (*фр.*).

Миссис Бивер была недовольна поворотом событий: ее мастеров выставили из Хеттона, не дав закончить работу.

В первую неделю Тони имел несколько неприятных бесед. Аллан попытался выступить в роли миротворца.

– Подожди недельку-другую, – сказал он, – и Бренда вернется. Бивер ей быстро надоест.

– Но я не хочу, чтобы она возвращалась.

– Я прекрасно понимаю твои чувства, но сейчас, знаешь ли, не Средние века. Если бы Бренда не была так расстроена смертью Джона, до разрыва дело не дошло бы. Да год назад Марджори повсюду таскалась с этим оболтусом Робинотом Бизили. С ума по нему сходила, а я не обращал внимания, что бы она там ни вытворяла, – и все рассосалось. На твоём месте я бы сделал вид, что ничего не случилось.

Марджори сказала:

– Ну *конечно же*, Бренда не любит Бивера. Да разве его можно любить? А если ей и кажется сейчас, что она его любит, твой долг – помешать ей свалить дурака. Ты должен не давать развода, по крайней мере, до тех пор, пока она не подыщет кого-нибудь попримечнее.

Леди Сент-Клауд сказала:

– Бренда поступила очень, очень неразумно. Девочка всегда была крайне возбудимой, но я уверена, что ни на что *дурное* она не способна, абсолютно уверена. На Бренду *это* не похоже. Я не знакома с мистером Бивером и не имею ни ма-

лейшего желания с ним знакомиться. Насколько я понимаю, он во всех отношениях неподходящая пара для Бренды. Не может быть, чтобы Бренда хотела выйти замуж за такого человека. Я вам объясню, Тони, как это получилось. Бренда, должно быть, чувствовала, что вы ею пренебрегаете, ну самую чуточку, – так часто бывает на этой стадии брака. Мне известно множество подобных случаев – и, конечно же, ей польстило, что в нее по уши влюбился молодой человек. Вот и все – ничего *дурного* тут не было. Но потом этот чудовищный удар – несчастье с маленьким Джоном – выбил ее из колеи: она просто не отдавала себе отчета в том, что говорит и что пишет. Через несколько лет вы еще посмеетесь над этим недоразумением.

Тони не видел Бренды со дня похорон. Один раз он говорил с ней по телефону.

Шла вторая неделя, когда он особенно тосковал и совершенно потерял голову от разнообразных советов.

У него долго сидел Аллан, склоняя его к примирению.

– Я говорил с Брендой, – сказал он. – Ей уже надоел Бивер. Она только и мечтает, как бы вернуться в Хеттон и зажить с тобой по-прежнему.

Пока Аллан был у него, Тони решительно отказывался его слушать, но потом его слова и воспоминания, которые они пробудили, не выходили у него из головы. И он позвонил Бренде, и она говорила с ним спокойно и серьезно.

– Бренда, это Тони.

– Здравствуй, Тони, в чем дело?

– Я только что говорил с Алланом. Он сказал, у тебя переменились планы.

– Я что-то не понимаю, о чем ты.

– Он сказал, что ты хочешь бросить Бивера и вернуться в Хеттон.

– Аллан так сказал?

– Да, а что, это неправда?

– Боюсь, что нет. Аллан – осел и лезет не в свои дела. Он был у меня сегодня. Мне он сказал, что ты не хочешь разводиться, но готов разрешить мне жить в Лондоне и делать все, что мне заблагорассудится, лишь бы избежать скандала. Мне это показалось разумным, и я как раз хотела тебе позвонить, поговорить. Но, наверное, это тоже дипломатический ход Аллана. Как бы то ни было, боюсь, что сейчас вопрос о моем возвращении в Хеттон не стоит.

– Понимаю. Я не сомневался... Я просто так позвонил.

– Да ладно. Как поживаешь, Тони?

– Спасибо, хорошо.

– Вот и отлично, я тоже. До свидания.

Это был их последний разговор. Они избегали мест, где могли бы встретиться.

Сочли, что в роли истца удобнее выступить Бренде. Тони поручил процесс не семейным поверенным в делах, а другой, менее почтенной фирме, специализировавшейся на раз-

водах. Он скрепя сердце готовил себя к тому, что столкнется с профессиональными циниками, склонными к фривольности, но поверенные, к его удивлению, оказались людьми мрачными и подозрительными.

– Насколько я понимаю, леди Бренда ведет себя неосмотрительно. Не исключено вмешательство королевского поверенного...²⁰ Более того, встанет вопрос о деньгах. Вы понимаете, что, раз по настоящему соглашению леди Бренда считается стороной невиновной и потерпевшей, она вправе просить у суда весьма существенных алиментов?

– Об этом не беспокойтесь, – сказал Тони. – Я уже все обсудил с ее зятем и решил положить ей пятьсот фунтов в год. У нее четыреста фунтов своих, и, я полагаю, у мистера Бивера тоже есть какие-то деньги.

– Жаль, что нельзя оформить ваше соглашение письменно, – сказал поверенный, – это могут квалифицировать как тайный сговор.

– Сло́ва леди Бренды для меня вполне достаточно, – сказал Тони.

– Мы стремимся оградить наших клиентов от самых непредвиденных случайностей, – сказал юрист с видом человека, выполняющего свой долг: у него, в отличие от Тони, не выработалось привычки любить Бренду и доверять ей.

²⁰ В Англии – судейский чиновник, осуществляющий надзор за проведением бракоразводных процессов.

Для измены Тони был намечен четвертый уик-энд после отъезда Бренды из Хеттона. Был снят номер в приморском отеле («Мы всегда посылаем туда наших клиентов. Тамошние слуги прекрасно дают показания») и оповещены частные сыщики.

– Вам остается только выбрать партнершу, – сказал поверенный, и ни намек на игривость не было в его унылом голосе. – В некоторых случаях мы оказывали помощь клиентам, но имели место нарекания, и мы сочли за благо предоставить выбор самим клиентам. Недавно мы вели чрезвычайно деликатное дело, в котором ответчиком выступал человек строгой морали и довольно робкий. В конце концов его собственная жена согласилась поехать с ним и предоставить материал для свидетельских показаний. Она надела рыжий парик. Все прошло весьма успешно.

– Не думаю, чтобы это годилось в моем случае.

– Разумеется. Я просто привел это как любопытный пример.

– Наверное, я смогу кого-нибудь подыскать, – сказал Тони.

– Не сомневаюсь. – Поверенный учтиво поклонился.

Но позже, когда Тони обсудил эту проблему с Джоком, она оказалась далеко не такой простой.

– Не каждую об этом попросишь, – рассуждал он, – как ни подступись. Сказать, что это юридическая формальность, – оскорбительно, а с ходу предложить закрутить на всю катушку

ку – большая наглость, если до этого не обращал на нее никакого внимания и впредь не собираешься... Правда, в крайнем случае всегда можно рассчитывать на старуху Сибил.

Но даже Сибил отказалась.

– В любое другое время – всегда пожалуйста, – сказала она, – но сейчас мне это ни к чему. Если слухи дойдут до одного человека, он может неправильно понять... Есть у меня на примете страшно хорошенькая девушка – Дженни Абдул Акбар ее зовут. Не знаю, знаком ли ты с ней.

– Знаком.

– Ну и как, она не подойдет?

– Нет.

– О господи, тогда не знаю, кого и предложить.

– Пожалуй, придется изучить рынок в «Старушке Сотняге», – сказал Джок.

Они обедали у Джока. В последнее время им было довольно неуютно у Брауна: когда люди несчастны, их норовят избегать. И хотя они осушили огромную бутылку шампанского, легкомысленное настроение, в котором они в последний раз посетили Синк-стрит, не вернулось.

– А не рано туда ехать? – спросил Тони.

– Попытка не пытка. Мы же туда не для развлечения едем.

– Разумеется, нет.

Двери в доме № 100 по Синк-стрит были распахнуты настежь, в пустом танцзале играл оркестр. Официанты обедали за маленьким столиком в углу. Две-три девушки топтались у

игорного автомата – проигрывали шиллинг за шиллингом и кляли холод. Они заказали бутылку вина разлива винодельческой компании Монморанси и сели ждать.

– Из этих кто-нибудь подойдет? – спросил Джок.

– Все равно.

– Лучше взять такую, которая нравится. Тебе придется провести с ней довольно много времени.

Немного погодя в зал спустились Милли и Бэбз.

– Так как насчет почтальонских шапок? – спросила Милли.

Они не поняли намека.

– Вы ведь были здесь в прошлом месяце, мальчики, нет, что ли?

– Боюсь, мы тогда здорово надрались.

– Да ну?

Милли и Бэбз крайне редко встречали вполне трезвых мужчин в рабочее время.

– Подсаживайтесь к нам. Как поживаете?

– У меня вроде насморк начинается, – сказала Бэбз. – Погано себя чувствую. Вот сквалыги: ни за что не хотят топить эту трущобу.

Милли была настроена бодрее, она раскачивалась на стуле в такт музыке.

– Танцевать хотите? – спросила она, и они с Тони зашаркали по пустому залу.

– Мой друг ищет даму поехать вместе к морю, – сказал

Джок.

– В такую-то погоду? Да любая девушка схватится за его предложение с руками и ногами. – Бэбз фыркнула в мокрый скомканный платочек.

– Ему для развода.

– А, понятно. Чего бы ему не взять Милли? Она не боится простуды. И потом, она умеет вести себя в гостинице. Из здешних девушек со многими можно приятно погулять в городе, но для развода нужна *дама*.

– Вас часто приглашают для разводов?

– Бывает. Оно, конечно, неплохо отдохнуть, только приходится все время *разговаривать*, а джентльмены как заведутся о своих женах, так конца-краю нет.

За танцами Тони не мешкая приступил к делу.

– Вам не хотелось бы уехать из города на уик-энд? – спросил он.

– Отчего бы и нет, – сказала Милли. – Куда?

– Я бы предложил Брайтон.

– А... Вам для развода?

– Да.

– Вы не против, если я возьму с собой дочку? Она нам помехой не будет.

– Ну что вы.

– Так я понимаю, вы не против.

– Нет, я решительно против.

– А... Вы бы не подумали, что у меня восьмилетняя дочка,

верно?

– Нет.

– Ее Винни зовут. Мне едва шестнадцать стукнуло, когда я ее родила. Я была младшей в семье, и отчим нам, девчонкам, проходу не давал. Вот почему мне приходится зарабатывать на жизнь. Винни живет у одной дамы в Финчли. Двадцать восемь шиллингов в неделю ее содержание мне обходится, не считая одежды. Она ужас как любит море.

– Очень сожалею, – сказал Тони, – но это невозможно. Мы с вами выберем для нее хороший подарок.

– Ладно... Один джентльмен подарил ей чудный велосипед к Рождеству. Она свалилась с него и расшибла коленку. Так когда надо ехать?

– Как вы хотите ехать – поездом или машиной?

– Поездом. В машине Винни тошнит.

– Винни не поедет.

– Да, конечно, но все равно поездом лучше.

Они договорились встретиться на вокзале Виктория в субботу днем.

Джок дал Бэбз десять шиллингов, и они с Тони отбыли домой. Последнее время Тони плохо спал. Оставаясь один, он не мог не ворошить в памяти все происшедшее со времени приезда Бивера в Хеттон; выискивал упущенные в свое время улики; взвешивал, не мог ли он что-нибудь сказать или сделать, что изменило бы ход событий; возвращался мыслями к первым дням знакомства с Брендой в надежде хоть

там найти объяснение происшедшим в ней переменам; снова воскрешал в памяти сцену за сценой в последние восемь лет их жизни. И не мог спать.

II

Общее свидание состоялось в билетной кассе первого класса. Раньше всех – за десять минут до срока – прибыли сыщики. Чтобы Тони не потерял сыщиков из виду, ему показали их в конторе поверенного. Сыщики оказались бодрыми мужчинами средних лет в шляпах и тяжелых пальто. Они радовались предстоящему уик-энду, потому что большую часть своего рабочего времени топтались на углах и следили за парадными, и выезды подобного рода в конторе были нарасхват. В более скромных бракоразводных процессах поверенные довольствовались показаниями гостиничных слуг. Сыщики считались роскошью и требовали соответствующего к себе отношения.

В Лондоне в этот день стоял легкий туман. На вокзале за годя зажгли фонари.

Следом за сыщиками явился Тони в сопровождении верного Джока, который пришел проводить друга. Они купили билеты и стали ждать. Сыщики, ревнители профессионального этикета, предприняли попытку стушеваться, изучали рекламы на стенах, прятались за колонну.

– Кошмарная затея, – сказал Тони.

Спустя десять минут появилась Милли. Она возникла из мрака – перед нею шествовал носильщик с чемоданом; сзади, цепляясь за ее руку, плелся ребенок. Гардероб Милли составляли преимущественно вечерние платья: дни свои она обычно коротала в капоте перед газовой горелкой. Выглядела она неказисто, но довольно прилично.

– Извините, если опоздала, – сказала она. – Вот Винни никак не могла отыскать свои ботинки. Я ее тоже взяла. Я знала, что на самом деле вы не против. Она ездит по половинному билету.

Винни оказалась невзрачной девчонкой в огромных очках с золотой оправой. Когда она говорила, было видно, что у нее нет двух передних зубов.

– Надеюсь, вы не собираетесь взять ее с собой?

– Возьму, как не взять, – сказала Милли. – Она нам помехой не будет – головоломкой своей займется.

Тони наклонился к девочке.

– Послушай, – сказал он, – ты ведь не хочешь ехать в какую-то противную гостиницу? Ты поедешь с этим симпатичным джентльменом. Он повезет тебя в магазин и разрешит выбрать самую большую куклу, а потом отвезет домой на машине. Ты ведь хочешь поехать с ним, правда?

– Нет, – сказала Винни, – хочу к морю. Не хочу ехать с этим дядей. Не хочу куклу. Хочу к морю с мамкой.

Теперь уже не только сыщики, но и кое-кто из пассажиров стал обращать внимание на разномастную группу.

– Господи, – сказал Тони, – ничего не поделаешь – придется ее взять.

Сыщики следовали за ними по платформе в некотором отдалении. Тони поместил своих спутниц в «пульмановский» вагон.

– Ишь ты, – сказала Милли, – в первом классе едем. Правда, здорово? Чаю можно выпить.

– А мороженое можно?

– У них небось нет мороженого. Зато ты можешь выпить чайку.

– А я хочу мороженого.

– Мороженое получишь, когда приедем в Брайтон. А теперь не балуйся – займись головоломкой, а то мама тебя не возьмет в другой раз к морю.

– Классический *enfant terrible*²¹ из детских книжек, – сказал Джок, прощаясь с Тони.

Всю дорогу до Брайтона Винни четко выдерживала свою роль. Изобретательностью она не отличалась, но классические приемы знала назубок, вплоть до таких избитых, но устрашающих трюков, как сопение, побряхтывание и жалобы на тошноту.

Номер для Тони заказали поверенные. Поэтому дежурный администратор несколько оторопел, увидев Винни.

– Мы оставили вам двойной и одинарный смежные но-

²¹ Здесь – несносный ребенок (*фр.*).

мера с ванной и гостиной, – сказал администратор, – мы не предполагали, что вы привезете с собой дочь. Вам потребуется еще одна комната?

– Ой, да Винни со мной поселится, – сказала Милли.

Сыщики – они стояли тут же у конторы – недовольно переглянулись.

Тони написал «мистер и миссис Ласт» в книге посетителей.

– С дочерью, – подсказал администратор, ткнув в строку. Тони заколебался.

– Это моя племянница, – сказал он и записал Винни на следующей строке, как «мисс Смит».

Сыщик – он зарегистрировался строкой ниже – заметил своему коллеге:

– На этот раз он выпутался. Башковитый парень. Но только в этом деле все не по-людски. Все не как положено. И еще ребенка с собой прихватили – одно слово, почтенный семейный выезд. А нам надо и о репутации фирмы подумать. Ни к чему, чтоб к нам цеплялся королевский поверенный.

– А что, если тяпнуть по-быстрому? – безразлично отозвался коллега.

Наверху в номере Винни спросила:

– А где море?

– Прямо через дорогу.

– Хочу посмотреть море.

– Уже темно, золотко. Завтра посмотришь.

– Хочу сегодня.

– Поведите ее сейчас, – сказал Тони.

– А вы правда не будете скучать?

– Истинная правда.

– Мы недолго.

– Да ладно. Пусть наглядится вволю.

Тони спустился в бар и, обнаружив там сыщиков, очень обрадовался. Он стосковался по мужскому обществу.

– Добрый вечер, – сказал он.

Сыщики неодобрительно покосились на него. Все словно нарочно складывалось так, чтобы оскорбить их профессиональные чувства.

– Добрый вечер, – сказал старший сыщик. – Паршивая сегодня погода, сырая.

– Выпейте со мной.

Ввиду того, что Тони и так оплачивал их расходы, приглашение было явно излишним, но сыщик помоложе инстинктивно оживился и сказал:

– А почему бы и нет?

– Переходите за мой столик. Мне тут одиноко.

Они отнесли выпивку на дальний столик, где их не мог слышать бармен.

– Мистер Ласт, куда это годится, сэр? – сказал старший сыщик. – Вам не положено нас узнавать. Уж не знаю, что бы на это сказали в конторе.

– Наше вам, – сказал младший сыщик.

– Это мой коллега мистер Джеймс, – сказал старший сыщик. – Моя фамилия Бленкинсоп, Джеймс новичок в нашем деле.

– Совсем как я, – сказал Тони.

– Жаль, что такая паршивая погода выдалась для работы, – сказал Бленкинсоп, – сырость, ветрище. Кости ломит.

– Скажите, пожалуйста, – спросил Тони, – берут когда-нибудь детей в такого рода поездки?

– Никогда.

– Я так и думал.

– Раз уж вы спросили, мистер Ласт, я скажу – это против всех правил, да и опасно. Куда это годится: в таких делах главное – произвести хорошее впечатление. Насчет нас с Джеймсом можете не беспокоиться. Мы об этом на суде – ни гугу. Но на слуг полагаться нельзя. Вдруг нарветесь на новичка в судебных делах, а он возьми и ляпни что не след, и тогда что? Не нравится мне это, мистер Ласт, по правде вам скажу.

– А мне и подавно.

– А я детишек люблю, – сказал Джеймс, новичок в этом деле. – Ну как, тяпнем еще по одной? Мы угощаем.

– Скажите, – попросил Тони, когда они порядком посидели за столиком. – Вам, должно быть, довелось повидать немало пар, приезжавших сюда, чтобы дать основания для развода, скажите, как они коротали день?

– Летом все проще, – сказал Бленкинсоп, – девушки обычно купаются, а джентльмены читают газеты на эспланаде; одни катаются на машинах, другие просто торчат в баре. Но почти все рады-радехоньки, когда наступает понедельник.

Тони поднялся в номер, Милли с дочерью он застал в гостиной.

– Я заказала мороженое, – сказала Милли.

– Превосходно.

– Хочу сейчас обедать. Хочу сейчас обедать.

– Сейчас нельзя, золотко, уже поздно. Тебе принесут мороженое.

Тони вернулся в бар.

– Мистер Джеймс, – сказал он, – если я вас правильно понял, вы сказали, что любите детей?

– Да, но всему есть место и время.

– А вы не согласились бы пообедать с девочкой, которая приехала вместе со мной? Я был бы вам весьма признателен.

– Нет-нет, сэр, едва ли.

– Вы убедитесь, я не останусь в долгу.

– Не хочется вам отказывать, сэр, но это не входит в мои обязанности.

Джеймс уже было поддался на уговоры, но тут вмешался Бленкинсоп:

– Об этом не может быть и речи, сэр.

Когда Тони ушел, Бленкинсоп решил поделиться с

Джеймсом сокровищами своего опыта: он в первый раз работал в паре с Джеймсом и считал своим долгом научить младшего товарища уму-разуму.

– Самое трудное в нашем деле – внушить клиенту, что развод дело серьезное.

В конце концов непомерные посулы, две-три порции мороженого и вызванное ими легкое уныние все же заставили Винни отправиться в постель.

– Как будем спать? – спросила Милли.

– Как хотите.

– Нет уж, как *вы* хотите.

– Наверное, Винни будет уютнее с вами... но утром, когда принесут завтрак, ей, конечно, придется перейти в другую комнату.

Винни устроили в уголке огромной кровати, и она, к изумлению Тони, уснула, прежде чем они спустились ужинать.

Вместе с переменной одеждой и у Тони, и у Милли переменилось настроение. Милли надела свое лучшее вечернее платье, огненно-красное, с открытой спиной, красные туфли на высоких каблуках, наново нарядилась, расчесала обесцвеченный перманент, нацепила браслеты, подушила за ушами, вдела огромные серьги из поддельного жемчуга, отринула домашние заботы и, снова облачившись в форму, приступила к несению воинского долга, как легионер, вызванный к боевой службе после выматывающей бездельем

зимы в казармах; и Тони, наполняя перед зеркалом портсигар и опуская его в карман смокинга, напомнил себе, что, какой фантазмагоричной и мерзостной ни казалась бы ему эта ситуация, он должен вести себя как хозяин; итак, он постучался и спокойно прошел в комнату своей гостыи; вот уже месяц он жил в мире, внезапно утратившем порядок; казалось, разумный и достойный строй жизни, весь накопленный им опыт был всего-навсего никчемной безделицей, по ошибке засунутой в дальний угол туалетного столика; и в каких чудовищных обстоятельствах он бы ни оказался, какие новые признаки безумия ни бросились бы ему в глаза, это ничего не могло добавить к тому всепоглощающему хаосу, который оглушил его. Он с порога улыбнулся Милли.

– Прелестно, – сказал он. – Совершенно прелестно. Пойдем обедать?

Их комнаты были на втором этаже. Ступенька за ступенькой, они рука об руку спустились по лестнице в ярко освещенный холл.

– Держите хвост пистолетом, – сказала Милли. – Вы что, язык проглотили?

– Извините, вам скучно?

– Нет, это я шучу. А вы паренек серьезный, верно я говорю?

Несмотря на мерзкую погоду, гостиница, по-видимому, была битком набита съехавшейся на уик-энд публикой. Через вращающиеся двери входили все новые и новые гости,

глаза у них слезились, щеки посинели от стужи.

– Жидки понаехали. – Комментарии Милли были излишни. – Ну да ладно, все равно хорошо раз в кои-то веки вырваться из «Сотняги».

Среди вновь прибывших обнаружился приятель Милли. Сейчас он распоряжался размещением своих многочисленных чемоданов. В любом другом месте он привлек бы всеобщее внимание, поскольку щеголял в берете и просторной меховой шубе, из-под которой выглядывали клетчатые чулки и комбинированные черно-белые туфли.

– Отнесите чемоданы наверх, распакуйте, и чтобы мне побыстрее, – приказал он.

Он был низенький и плотный. Его подруга, тоже в мехах, недовольно таращилась на одну из стеклянных витрин, украшавших холл.

– Ой, ради бога, – сказала она.

Милли и молодой человек поздоровались.

– Это Дэн, – сказала Милли.

– Ну, – сказал Дэн, – таки что будем делать, что?

– Выпить мне наконец дадут? – сказала подруга Дэна.

– Конечно, Кисуля, ради тебя я сам сбегая за выпивкой.

Составите нам компанию, или мы будем *de trop*?²²

Они вошли в блистающий салон.

– Я продрогла как собака, – сказала Кисуля.

Дэн снял пальто и предстал в брюках гольф лилового цве-

²² Лишними (*фр.*).

та с блестящим отливом и в шелковой рубашке такой расцветки, которую Тони выбрал бы разве что для пижамы.

– Мы тебя сейчас согреем, ну, – сказал Дэн.

– Тут от жидков не продохнуть, – сказала Кисуля.

– Это залог того, что гостиница хорошая, я так считаю, вы не согласны? – сказал Тони.

– Еще чего, – сказала Кисуля.

– Не обращайтесь внимания на Кисулю, она озябла, – объяснил Дэн.

– Интересно, кто бы не озяб в твоём паршивом драндулете?

Они выпили несколько коктейлей. Потом Дэн и Кисуля ушли к себе, как они объяснили, причепуриться: их пригласили на вечеринку к другу Дэна – его вилла находилась неподалеку.

Тони и Милли пошли обедать.

– Отличный парень, – сказала Милли, – часто заходит в наш клуб. У нас там кто только не бывает, но Дэн – он из приличных. Я как-то раз чуть было за границу с ним не поехала, но в последнюю минуту у него что-то там сорвалось.

– Кажется, мы не очень понравились его девушке.

– Да она просто озябла.

Тони обнаружил, что ему с трудом удастся поддерживать разговор. Поначалу он отпускал замечания о соседях, как делал бы, если бы обедал с Брендой у Эспинозы.

– Какая хорошенькая девушка, вон в том углу.

– Чего бы вам не податься к ней, милоч? – взвилась Милли.

– Посмотрите, какие бриллианты у той женщины. Вы думаете, они настоящие?

– Спросите у нее, если вам так интересно.

– Смотрите, какая красивая женщина – брюнетка, вон там танцует.

– Чего бы вам ей самой не сказать – она просто помрет от радости.

Вскоре до Тони дошло, что в кругу, где вращалась Милли, считается дурным тоном проявлять интерес к другим женщинам, кроме своей спутницы.

Они пили шампанское. Его же, что неприятно поразило Тони, пили и оба сыщика. Он об этом еще поговорит, когда ему представят счет. Нельзя сказать, чтобы они пошли ему навстречу с Винни. Где-то в глубине сознания его все время терзал вопрос, что же они будут делать после ужина, но вопрос решился сам собой: когда он закурил сигару, с другого конца зала к ним подошел Дэн.

– Послушайте, – сказал он. – Если у вас нет планов на вечер, поедem с нами в гости к моему другу. Вы не пожалеете. Я вам скажу, он умеет принять гостей первый сорт.

– Ой, давайте поедem, – сказала Милли.

Смокинг Дэна был сшит из синего материала, который при электрическом освещении, очевидно, должен был казаться черным, однако почему-то оставался совершенно си-

ним.

Итак, Милли и Тони поехали к другу Дэна и были приняты «первый сорт». Туда съехались человек двадцать или тридцать гостей, все более или менее похожие на Дэна. Друг Дэна был само радушие. Когда он не возился с приемником, который то и дело выходил из строя, то расхаживал среди гостей, снова и снова наполняя стаканы.

– Славная штука, – говорил он, демонстрируя наклейку, – от нее никакого вреда, кроме пользы. Штука что надо.

И они налегли на «штуку что надо». Временами друг Дэна замечал, что Тони не в своей тарелке. Тогда он подходил и клал руку ему на плечо.

– Рад, что Дэн вас затащил, – говорил он, – надеюсь, у вас ни в чем нет недостатка. Очень рад вас видеть. Приезжайте еще, когда не будет гостей, посмотрите мой домик. Розами интересуетесь?

– Да, я очень люблю розы.

– Так приезжайте, когда зацветут розы. Раз вы интересуетесь розами, вам тут понравится. Черт бы побрал это радио, опять барахлит.

И Тони задумался, а бывал ли он так приветлив, когда в Хеттон привозили незнакомых гостей без спросу.

В самый разгар вечера он очутился на диване рядом с Дэном.

– Славная девочка Милли, – сказал Дэн.

– Да.

– Я вам что скажу. Она нравится не тем мужчинам, что остальные девушки. Вроде нас с вами.

– Да.

– Вы б не догадались, что у нее дочка восьми лет, нет?

– Да, это удивительно.

– Я долго не знал. А потом как-то приглашаю ее в Дьепп на уик-энд, и что вы думаете – она хочет взять с собой ребенка. Со мной такие штучки-дрючки не проходят, но Милли я все равно люблю. Я вам скажу за Милли: ее можно куда угодно повести, она себя не уронит. – И он бросил кислый взгляд на Кисулю – та перебрала «штуки что надо» и последствия этого были налицо.

Вечеринка кончилась в четвертом часу. Друг Дэна повторил приглашение приехать, когда зацветут розы.

– Будьте уверены, лучше роз вам не найти на всем юге Англии, – сказал он.

Дэн отвез их в гостиницу. Кисуля сидела рядом с ним впереди и склочничала.

– Ты где был? – без конца повторяла она. – Я тебя за весь вечер ни разу не видела. Ты куда делся? Где ты шляется? Называется, повез в гости – нечего сказать, хорош гусь.

Тони и Милли сидели сзади. Привычка и усталость взяли свое, и Милли положила голову на плечо Тони и взяла его за руку. Однако, когда они подошли к номеру, Милли сказала:

– Только тихо. Не разбудить бы Винни.

И Тони час, а то и больше, лежал в тесной душной спаль-

не, снова и снова перебирая в уме события последних трех месяцев; потом тоже уснул.

Разбудила его Винни.

– А мама еще спит, – сказала она.

Тони посмотрел на часы.

– Надо думать, – сказал он. Была четверть восьмого. – Ступай назад в постель.

– Нет, я уже оделась. Пошли гулять.

Она подошла к окну и отдернула шторы, комнату залил ледяной утренний свет.

– А дождик совсем слабенький, – сказала она.

– Что ты хочешь делать?

– Хочу пойти на мол.

– Мол еще закрыт.

– Все равно хочу на море. Пошли.

Тони понял, что больше ему не спать.

– Хорошо. Выйди и подожди, пока я оденусь.

– Я здесь подожду. Мама ужас как храпит.

Через двадцать минут они спустились в холл, где официанты в фартуках составляли мебель и подметали ковры. Когда они вышли из вращающихся дверей, их пробрал пронизывающий ветер.

Набережная была мокрой от морских брызг и дождя. По ней, подгоняемые ветром, неслись две-три скрюченные женские фигурки, руками в перчатках прижимая к груди молит-

венники. Четверо или пятеро жилистых старцев с молодецким присвистом, прихрамывая, шли купаться.

– Да пойдём же, – сказала Винни.

Они спустились на берег и, обшибая ноги о гальку, подошли к самому морю. Винни бросала камешки.

Купальщики были уже в воде; некоторые взяли с собой собак, собаки, отфыркиваясь, плыли бок о бок с хозяевами.

– Ты почему не купаешься? – спросила Винни.

– Слишком холодно.

– А они купаются. Я тоже хочу.

– Спросись у мамы.

– Ты небось просто трусишь. Плавать умеешь?

– Да.

– Тогда чего ж ты не плаваешь? Спорим, что не умеешь.

– Пусть будет по-твоему. Не умею.

– Чего ж тогда говорил, что умеешь? Врун ты после этого.

Они пошли по гальке вдоль берега. Винни поскользнулась и села раскорякой в лужу.

– Ну вот, у меня теперь штанишки мокрые, – сказала она.

– Надо вернуться в гостиницу, там переоденешься.

– До чего противно в мокром. Пошли позавтракаем.

В гостинице, как правило, не обслуживали постояльцев, которые спускались завтракать в восемь утра, да еще в воскресенье. Завтрак не был готов, и им пришлось довольно долго ждать. Мороженого, к неудовольствию Винни, не оказалось. Она ела грейпфрут и тосты с яичницей и копченой

селедкой, то и дело раздражаясь жалобами на мокрую одежду. После завтрака Тони послал ее наверх переодеваться, а сам курил в салоне трубку и просматривал воскресные газеты. В девять утра этим занятиям положил конец приход Бленкинсопа.

– Вчера вечером мы потеряли вас из виду, – сказал он.

– Мы поехали на вечеринку.

– Не следовало этого делать, строго говоря, ну да ладно, думаю, особого вреда не будет. Вы уже завтракали?

– Да, здесь, в ресторане, с Винни.

– Мистер Ласт, о чем вы думаете? Вам же нужны показания слуг.

– Видите ли, мне не хотелось будить Милли.

– Ей за это деньги платят, так или не так? Куда это годится, мистер Ласт? Вам никогда не получить развода, если вы будете несолидно себя вести.

– Хорошо, – сказал Тони, – я позавтракаю еще раз.

– И учтите – обязательно в постели.

– В постели так в постели. – И Тони уныло поплелся в номер.

Винни уже отдернула занавески, но это не разбудило ее мать.

– Она один раз проснулась, а потом перевернулась на другой бок. Разбудите ее, пускай встает. Я хочу на мол.

– Милли, – сказал Тони твердо. – Милли.

– Ох, – сказала она. – Который час?

– Нам надо позавтракать.

– Не хочу я завтракать. Я еще немножко посплю.

– Ты уже завтракал, – сказала Винни.

– Вставайте, – сказал Тони. – Потом выспитесь вволю. Для чего, спрашивается, мы сюда приехали?

Милли села.

– Ладно, – сказала она. – Винни, золотко, дай маме кофточку со стула.

Милли была совестливая девушка и не увиливала от работы, какой отвратительной та ни казалась бы.

– Это ж надо в такую рань поднять.

Тони прошел в свой номер, снял туфли, воротничок, галстук, пиджак и жилет и надел халат.

– Вот жадина, – сказала Винни, – по два завтрака ест.

– Когда станешь постарше, научишься понимать эти вещи. Таков закон. А теперь посиди четверть часа в гостиной. Обещаешь? Потом можешь делать все, что хочешь.

– А купаться можно?

– Разумеется, если будешь сидеть тихо.

Тони лег в постель к Милли и плотно запахнул халат у ворота.

– Ну, как я выгляжу – все в порядке?

– Девичья мечта, – сказала Милли.

– Отлично. В таком случае я звоню.

Едва принесли завтрак, Тони вылез из постели и оделся.

– Вот и вся измена, – сказал он. – И подумать только, что

в газетах это назовут «близкими отношениями».

– А теперь мне можно купаться?

– Разумеется.

Милли снова улеглась спать.

Тони повел Винни на берег. Поднялся ветер, тяжелые волны молотили по гальке.

– Девочка хотела бы искупаться, – сказал Тони.

– Сегодня детям купаться запрещено, – сказал пляжный служитель.

– Эх что придумал, – говорили собравшиеся зеваки. – Он что, утопить ребенка хочет?

– Да мыслимое ли дело – такому человеку ребенка доверить.

– Мерзавец, самый настоящий мерзавец.

– А я *хочу* купаться, – сказала Винни. – Ты сказал, что мне можно купаться, если ты съешь два завтрака.

Публика, обступившая их кольцом, чтобы всласть налюбоваться замешательством Тони, неодобрительно переглядывалась.

– Два завтрака?

– Разрешает ребенку купаться?

– Да он чокнутый.

– Бог с ними, – сказал Тони. – Пойдем на мол.

Несколько человек из толпы обошли с ними все автоматы, так им не терпелось посмотреть, до каких зверств может докатиться этот полоумный отец.

– Вон тот человек съел два завтрака зараз, а теперь хочет утопить свою дочку, – вводили они в курс подошедших зевак, подозрительно следя за тем, как Тони пытается занять Винни настольным бильярдом.

Поведение Тони подтверждало их взгляды на род человеческий, почерпнутые из еженедельников, которые они все, как один, читали сегодня утром.

– Ну что ж, – сказал поверенный Бренды, – процесс мы подготовили всесторонне, ничего не упустили. Думаю, слушание, скорее всего, назначат на следующую сессию – сейчас очень большой наплыв дел, но вреда не будет, если вы заранее подготовите свои показания. Я велел перепечатать их для вас. Держите их на всякий случай при себе, чтобы все досконально уяснить.

– ...Мой брак можно было назвать идеальным, – читала Бренда, – вплоть до Рождества прошлого года, когда я почувствовала, что муж ко мне переменился. Если занятия требовали моего присутствия в Лондоне, он всегда оставался дома. И я поняла, что он относится ко мне не так, как прежде. Он стал сильно пить и однажды, напившись, устроил скандал в нашей лондонской квартире, непрерывно звонил по телефону и подсылал пьяного приятеля барабанить в дверь. А это нужно?

– Не обязательно, но рекомендуется вставить. Психология играет огромную роль. В минуты просветления судьи ино-

гда удивляются, почему абсолютно приличные, счастливые в браке мужья проводят время на взморье с женщинами, которых до этого и в глаза не видели. Поэтому никогда не мешает присовокупить доказательства общей распущенности.

— Понятно, — сказала Бренда. — *С этого времени я наняла частных сыщиков и установила за ним слежку. То, что я узнала из их донесений, заставило меня пятого апреля покинуть дом моего мужа.* Да, теперь я как будто все досконально уяснила.

III

Леди Сент-Клауд сохраняла первобытную веру во власть и сверхъестественный здравый смысл главы семьи, поэтому, узнав, что Бренда сбилась с пути истинного, она первым делом послала телеграмму Реджи с требованием тотчас же вернуться из Туниса, где тот в данный момент осквернял гробницы. Но Реджи остался верен себе и не торопился. Он не сел на первый пароход, не сел и на второй и, таким образом, прибыл в Лондон в понедельник, уже после того, как Тони вернулся из Брайтона. Он собрал у себя в библиотеке семейный совет в составе Бренды, Марджори, Аллана и поверенных; потом досконально обсудил вопрос с каждым из них в отдельности; пригласил на обед Бивера; поужинал с Джоком и даже нанес визит тетке Тони Фрэнсис. А в заключение договорился с Тони поужинать в четверг вечером у Брауна.

Он был на восемь лет старше Бренды; беглое, быстро уловимое сходство крайне редко угадывалось между ним и Марджори, но и внутренне, и внешне он разительно отличался от Бренды. Он был толст ранней, неестественной полнотой и носил бремя плоти так, словно еще не успел к нему привыкнуть, словно на него навалили этот груз только сегодня утром – и он все пробует, как бы к нему получше приладиться; походка у него была неуверенная, а глаза воровато бегали по сторонам, словно он боялся попасть в засаду и сознавал, что при его данных ему не убежать. Впечатлением этим, однако, он был обязан исключительно своей внешности: взгляд казался подозрительным, оттого что глаза еле выглядывали из-за складок жира, движения отличались осторожностью, потому что он с трудом сохранял равновесие, а не потому, что стеснялся своей неуклюжести; ему и в голову не приходило, что он выглядит не совсем обычно.

Куда больше половины своего времени и дохода Реджи Сент-Клауд тратил за границей на скромные археологические экспедиции. Его дом в Лондоне был битком набит плодами этих раскопок – разбитыми амфорами, позеленевшими бронзовыми топорами, осколками костей и обуглившихся палочек, стояла там и греко-римская мраморная голова с до основания стертыми временем чертами. Реджи написал две небольшие монографии о своих экспедициях и издал их за собственный счет с посвящением членам королевской семьи. Приезжая в Лондон, он аккуратнейшим образом посе-

щал палату лордов; всем друзьям его перевалило за сорок, и уже несколько лет он тоже считался представителем этого поколения; лишь очень немногие матери еще лелеяли надежду заполучить его в зятя.

– Все эти перипетии – я говорю о Бренде – *до крайности* неудачны, – сказал Реджи Сент-Клауд.

Тони разделял это мнение.

– Мать, естественно, весьма расстроена. Я и сам расстроен. Откровенно говоря, нельзя не признать, что Бренда вела себя, по моему мнению, крайне глупо, глупо и неподобающе. Я вполне понимаю, что и вы тоже этим расстроены.

– Разумеется, – сказал Тони.

– И все же, как я ни уважаю ваши чувства, должен сказать, что вы, по моему мнению, ведете себя довольно невеликодушно.

– Я делаю все так, как хочет Бренда.

– Дорогой мой, она сама не знает, чего хочет. Я видел вчера этого самого Бивера. Он мне *совершенно* не понравился. А вам?

– Я его почти не знаю.

– Так вот, уверяю вас, он мне совершенно не понравился. А вы, можно сказать, толкаете Бренду в его объятия. Вот к чему ведут ваши действия, как я понимаю, и вот почему я считаю вас невеликодушным. Конечно, сейчас Бренда вбила себе в голову, что она в него влюблена. Но это долго не про-

тянется. Да и может ли быть иначе, учитывая, что за тип этот Бивер. Не пройдет и года, как она захочет к вам вернуться, вот увидите. И Аллан того же мнения.

– Я уже говорил Аллану. Я не хочу, чтобы она возвращалась.

– Ну это уже невеликодушно.

– Да нет, просто я не смог бы относиться к ней по-прежнему.

– А зачем относиться *по-прежнему*? Люди с возрастом меняются. Да еще десять лет назад меня не интересовали никакие эпохи после шумерской, а теперь, смею вас заверить, даже христианская эра представляется мне весьма значительной.

И Реджи пустился в пространные рассуждения о *tabulae execrationum*²³, которые он недавно откопал.

– Мы находили их почти в каждой могиле, – сказал он. – Чаще всего в них идет речь об интригах в цирках, они нацарапаны на свинце. Их обычно клали в захоронения. Мы обнаружили больше сорока таких табличек, но тут случилась эта неприятная история, и мне пришлось вернуться. Естественно, что я расстроен.

Некоторое время он молча поглощал пищу. Последнее умозаключение вернуло разговор к исходной точке. Он явно еще не высказался до конца и теперь размышлял, как полочнее приступить к делу. Ел он прожорливо, чавкал (и часто,

²³ Табличках заклятий (*лат.*).

сам того не замечая, заглатывал рыбы головы и хвосты, холмики куриных костей, персиковые косточки и яблочные черенки, сырны корки и волокнистые части артишоков – словом, все, что обычно оставляют на тарелке).

– Да и потом, знаете ли, нельзя сказать, чтобы Бренда была во всем виновата.

– Я как-то не думал о том, кто виноват.

– Все это, конечно, хорошо, но вы становитесь в позу оскорбленной стороны – говорите, что не сможете к ней по-прежнему относиться и все такое. Я хочу сказать, для ссоры нужны двое, а у вас, насколько я понимаю, жизнь давно не ладилась. Вы, к примеру, сильно пили, да, кстати, не хотите ли еще бургундского?

– Это вам Бренда сказала?

– Да. И у вас тоже были увлечения. Вы пригласили какую-то даму с мавританской фамилией в Хеттон, когда Бренда была там. Это уже, знаете ли, несколько чересчур. Я всецело за то, чтобы супруги не стесняли друг друга, но тогда никого нельзя винить, если вы понимаете, что я имею в виду.

– Это вам Бренда сказала?

– Да. Не подумайте, будто я хочу читать вам мораль или поучать, но только я чувствую, что при сложившихся обстоятельствах вы не вправе поступать с Брендой так невеликодушно.

– Она сказала, что я пил и был в связи с этой мавританской дамой?

– Ну, не скажу, что она именно так сказала, но она говорила, что вы в последнее время выпивали и явно проявляли интерес к этой даме.

Молодой толстяк напротив Тони заказал чернослив со сливками. Тони сказал, что больше есть не будет.

А ведь в Брайтоне ему казалось, что его ничто не сможет удивить.

– Поэтому, я надеюсь, вам будет понятно то, к чему я сейчас перейду, – вкрадчиво продолжал Реджи. – Речь пойдет о деньгах. Я понял, что, находясь в тяжелом состоянии после смерти ребенка, Бренда пошла на какое-то устное соглашение с вами относительно алиментов.

– Да, я определил ей пятьсот фунтов в год.

– Ну, знаете ли, по моему мнению, вы не имеете права так злоупотреблять ее благородством. С ее стороны было крайне неблагоприятно согласиться на ваше предложение – она теперь признает, что была тогда не в себе.

– И что же она предлагает?

– Пойдемте отсюда, выпьем кофе.

Когда они расположились у камина в пустой курительной, Реджи наконец ответил:

– Видите ли, я обсудил этот вопрос и с юристами, и в семейном кругу, и мы нашли, что сумму следует увеличить до двух тысяч фунтов.

– Об этом и речи быть не может. Мне никогда не осилить такой суммы.

– Видите ли, я должен учитывать интересы Бренды. У нее почти ничего нет, и надеяться ей не на что. Мать моя живет на содержание, которое я выплачиваю ей по завещанию отца. Бренде я ничем помочь не смогу. Все имеющиеся в моем распоряжении средства я вложу в экспедицию к одному из оазисов в Ливийской пустыне. У этого типа Бивера почти ничего нет, и непохоже, чтобы он мог заработать. Так что, как видите...

– Но, Реджи, дорогой, вы не хуже меня знаете, что это невозможно.

– Эта сумма составит меньше трети вашего дохода.

– Да, но у меня все до последнего уходит на поместье. А вы знаете, что мы с Брендой вместе не тратили и половины этой суммы на личные расходы? Я и так с трудом смогу сводить концы с концами.

– Никак не ожидал, что вы займете такую позицию, Тони. По моему мнению, это крайне неразумно с вашей стороны. В конце концов, в наше время нелепо утверждать, что холостяк не может прилично прожить на четыре тысячи в год. У меня никогда больше и не было.

– Это означало бы отказаться от Хеттона.

– Ну и что, я отказался от Брейкли и, смею вас заверить, никогда об этом не жалел. Конечно, тогда пришлось нелегко, старые привязанности, знаете ли, и все такое, но должен вам сказать, что, когда продажа наконец состоялась, я почувствовал себя другим человеком, мог ехать куда угодно...

– Но, видите ли, дело в том, что я никуда, кроме Хеттона, ехать не хочу.

– Знаете ли, в рассуждениях этих лейбористских молодчиков что-то есть. Большие дома в Англии отходят в прошлое.

– Скажите, Бренда понимала, что мне придется расстаться с Хеттоном, когда соглашалась на это предложение?

– Да, по-моему, об этом упоминалось. Я полагаю, вы без особого труда продадите Хеттон под школу или что-нибудь в этом роде. Помню, когда я пытался сбыть Брейкли, мой агент все сокрушался: будь это готика, говорил он, Брейкли бы тут же купили не школа, так монастырь – они падки на готику. Полагаю, вы получите вполне приличную сумму и в результате ваше финансовое положение только улучшится.

– Нет, это невозможно, – сказал Тони.

– Вы ставите всех в крайне неловкое положение, – сказал Реджи. – Не понимаю, что заставляет вас так поступать.

– Более того, Бренда, как я думаю, не ожидала, что я соглашусь на подобное решение, и не хотела бы этого.

– Ну конечно же, она этого хочет, дорогой мой. Смею вас заверить.

– Уму непостижимо.

– Видите ли, – сказал Реджи, попыхивая сигарой, – дело тут не только в деньгах. Пожалуй, лучше раскрыть карты, хоть я и не собирался этого делать. Откровенно говоря, Бивер полез в бутылку. Говорит, что, если Бренда не будет по-

добающим образом обеспечена, он не сможет на ней жениться. Это было бы непорядочно по отношению к ней, так он говорит. И я в известной степени его понимаю.

– И я его понимаю, – сказал Тони. – Итак, ваше предложение на самом деле означает, что мне следует отказаться от Хеттона, чтобы купить Бренде Бивера.

– Ну, я не стал бы так говорить.

– Ну вот что, ничего подобного не будет, и решение мое окончательное. Если вы ничего больше не имеете мне сказать, я, пожалуй, вас оставлю.

– Нет-нет, это еще не все... Видно, я неудачно изложил дело. Вот что получается, когда щадишь чужие чувства. Понимаете, я не столько уговаривал вас согласиться на наши предложения, сколько объяснял, что собирается предпринять наша сторона. Я старался решить все по-дружески, но теперь, я вижу, это невозможно. Бренда в судебном порядке потребует две тысячи в год, и учитывая, какими свидетельскими показаниями мы располагаем, нам их присудят. Мне очень жаль, но вы вынудили меня высказаться без обиняков.

– Мне такой вариант не приходил в голову.

– По правде говоря, нам тоже. Это идея Бивера.

– Я вижу, вы поставили меня в прямо-таки безвыходное положение.

– Ну, я бы так не сказал.

– Мне хотелось бы удостовериться, что Бренда в этом участвует. Вы не будете возражать, если я ей позвоню?

– Ничуть, старина. Насколько мне известно, она сегодня вечером у Марджори.

– Бренда, это Тони... Я сейчас ужинал с Реджи.

– Да, он что-то такое говорил.

– Он мне сказал, что ты собираешься требовать алименты в судебном порядке. Это правда?

– Тони, не наседай на меня. Всем занимаются юристы. Ты зря обратился ко мне.

– Ты знала, что они потребуют две тысячи?

– Да. Они так говорили. Я понимаю, это очень много, но...

– И ты прекрасно знаешь, как у меня обстоит с деньгами, так ведь? Знаешь, что это означало бы продать Хеттон, так ведь? Алло, ты меня слушаешь?

– Слушаю.

– И ты знаешь, что это означало бы для меня?

– Тони, не заставляй меня чувствовать себя скотиной. Мне и так нелегко.

– Значит, ты знаешь, чего именно ты требуешь?

– Да... наверное.

– Отлично, это все, что я хотел узнать.

– Тони, ты так странно говоришь... Не вешай трубку.

Тони положил трубку и вернулся в курительную. Много, что до сих пор ставило его в тупик, вдруг стало понятным. Готический мир трещал по швам... не сверкали доспехи на лесных прогалинах; не порхали вышитые туфельки по зеле-

ному дерну; кинулись врассыпную соловые в яблоках единого. . .

Телеса Реджи выпирали из кресла.

– Ну как?

– Я дозвонился Бренде. Вы были правы. Извините, что я вам не поверил. Мне поначалу это показалось невероятным.

– Да ладно, старина.

– Теперь я решил, как мне поступить.

– Отлично.

– Я не дам Бренде развода. Показания брайтонских свидетелей гроша ломаного не стоят. Случилось так, что в номере все время находился ребенок. Девочка провела обе ночи в той комнате, где должен был спать я. Если вы обратитесь в суд, я буду защищаться и победа останется за мной, только мне кажется, когда вы ознакомитесь со свидетельскими показаниями, у вас отпадет охота подавать в суд. Я уеду на полгода или около того. По возвращении – если Бренде будет угодно, – я разведусь с ней, но ни о каких алиментах не может быть и речи. Ясно?

– Но послушайте, старина. . .

– Спокойной ночи. Спасибо за ужин. Удачных вам раскопок.

Выходя из клуба, Тони заметил, что на голосование поставлена кандидатура Джона Бивера из Брэтт-клуба.

– Ну кто бы мог подумать, что старикан выкинет такой

фортель? – вопрошала Полли Кокперс.

– Теперь мне понятно, почему в газетах только и пишут, что нужно изменить закон о разводе, – сказала Вероника. – Просто преступление, если ему это сойдет с рук.

– Не надо было заранее вводить его в курс дела, вот в чем ошибка, – сказала Суки.

– Ах, Бренда такая доверчивая, – сказала Дженни Абдул Акбар.

– Я считаю, Тони очень плохо показал себя в этой истории, – сказала Марджори.

– Не знаю, – сказал Аллан. – Думаю, что твой болван-братец напортачил.

5. В поисках града

I

– Имеете представление, сколько раз надо обойти палубу, чтобы пройти километр?

– Боюсь, что ни малейшего, – сказал Тони. – Но я бы сказал, вы проделали большой путь.

– Двадцать два круга. Когда привык много двигаться, в море быстро выбиваешься из колеи. Суденышко так себе. Часто ездите по этому маршруту?

– В первый раз.

– А я решил, у вас дела на островах. В эту пору года туристы туда не ездят. Чаше оттуда. Домой возвращаются, если вы меня понимаете. Далеко путь держите?

– В Демерару.

– А. Полезные ископаемые ищете?

– Нет, по правде говоря, я ищу град.

Компанейский пассажир удивился, потом рассмеялся.

– Мне слышалось, вы сказали, что ищете град.

– Да.

– Вы так и сказали?

– Да.

– Я и подумал, что вроде вы так и сказали... Ну, пока.

Надо сделать еще несколько кругов до обеда.

Он зашагал дальше по палубе, для равновесия расставляя ноги и то и дело хватаясь за поручни.

Вот уже около часу этот пассажир проходил мимо Тони каждые три минуты. Поначалу при его приближении Тони поднимал глаза, потом отворачивался и продолжал смотреть на море. Немного погодя пассажир стал кивать ему, потом говорить «Привет», или «Покачивает», или «А вот и мы» и в конце концов остановился и завязал разговор.

Тони перебрался на корму – отдохнуть от этого обременительного чередования. Спустился по сходному трапу на нижнюю палубу. Здесь, в клетках, пришвартованных к борту, томилаась различная живность: племенные быки, закутанная в попону скаковая лошадь, пара гончих, которых экспортировали на Вест-Индские острова. Тони пробрался между клетками и люками, сел на корме у лебедки и смотрел, как вздымается и падает горизонт над трубами и они встают черными силуэтами на фоне темнеющего неба. Здесь качало меньше, чем в средней части корабля; животные беспокойно копошились в своих тесных клетушках, гончие временами подвывали. Матрос-индеец снимал с веревки белье, которое трепыхалось там весь день.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.